

Это цифровая копия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных полках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие засиси, существующие в оригинальном издании, как наиминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредиринали некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заирсы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.

Мы разработали иrogramму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заирсы.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заирсы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оптического распознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.

В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доилнительные материалы ири иомощи иrogramмы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.

Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих определить, можно ли в определенном случае исиользовать определенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск и этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Princeton University Library

32101 073672527

1621
.136

Library of

Princeton University.

**Class of 1922
Library Fund**

ЗАПОВЕДЬ

СТАРОМЪ И НОВОМЪ

РУСКОМЪ ВЪТЪ.

К. А. Авдеевой.

Ardieva

САНКТПЕТЕРВУРГъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЙ.

1842.

PRINTED IN RUSSIA.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петер-
бургъ, 10 Марта 1842 года.**

Цензоръ П. Корсаковъ.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНИЕ.

C'est un livre de bonne foi,
lecteur...

Монтань.

Принявши на себя редакцію *Записокъ о старомъ и новомъ Русскомъ бытѣ*, собранныхъ К. А. Авдѣвою, почитаю необходимымъ сказать предварительно нѣсколько словъ, ибо безъ того читатель не можетъ вполнѣ оцѣнить достоинствъ сей книги и извинить ея недостатковъ. Хочу вмѣстѣ съ тѣмъ исполнить долгъ сердечной признательности и высказать душевныя чувства мои къ сочинительницѣ.

Она родная сестра моя и старше меня семью годами. Рожденная въ Курскѣ, въ первомъ дѣтствѣ перѣхала она съ родителями нашими въ Иркутскѣ, гдѣ родились потомъ я и братья мои. Въ Иркутскѣ вышла она замужъ за тамошняго купца. Онъ умеръ въ 1815 году, оставя ее матерью нѣсколькихъ сыновей и дочерей, воспитанію коихъ посвятила она всю остальную жизнь, перѣхавъ въ 1820 году изъ Сибири въ Курскѣ, потомъ въ Москву, и съ зятемъ своимъ (нынѣ профессоръ Дерптскаго университета, М. П. Розбергъ), сперва въ Одессу, потомъ въ Дерптъ. Теперь, на старости дѣтъ, судьба свела мое кочующее житѣе съ ея житѣемъ на берегахъ Невы.

(RECAP) 21
136

Въ отрадныхъ бесѣдахъ нашихъ вспоминаемъ мы мелькнувшее мимо нась полустолѣтіе, терновый путь жизни, которымъ Провидѣнію угодно было провести нась въ свѣтѣ, и свѣтлый умъ, опытъ свѣта, неистощимое на все доброе и прекрасное сердце сестры друга услаждаютъ сумерки моей жизни.

Могу ли исчислить, добрая сестра моя, все, чѣмъ я обязанъ тебѣ, начиная съ первыхъ наставлений моему отроческому понятію до всегдашней отрады сердцу въ старости? Могу ли также не удивляться твоему высокому самоотверженію добродѣтели въ жизни, и взгляду твоему на міръ, согрѣтому сердечною вѣрою, даже на западѣ бытія, котораго, вѣроятно, уже немного осталось на твою и мою долю? — «Для чего скѣзывать о томъ другимъ?» возразить мнѣ твоя скромность. Нѣть! я готовъ сказать о томъ цѣломъ свѣту, и горжусь тѣмъ, что зналъ тебя въ жизни моей и что ты была сестра моя!

Воспитавшая въ простотѣ патріархального быта, предназначенная для тихой семейной жизни, всего менѣе могла предположить сестра моя, что будетъ когда нибудь сочинительницею. Примѣръ отца, человѣка ума и образованія необыкновеннаго, и охота къ чтенію матери, память которой священна для нась, дѣтей ея, съ дѣтскихъ лѣтъ возбудили во всѣхъ насъ страсть къ чтенію. Сестра учила меня азбукѣ и была первою моей наставницей. Потомъ,

въ часы скорбей, среди заботъ жизни, посвящая въ уединеніи все время семейству и воспитанію дѣтей, она питала душу свою чтеніемъ безпрестаннымъ и разнообразнымъ, и необыкновенная память ея сдѣлалась наконецъ, живою энциклопедіею, обширною библіотекою. Въ томъ заключилось все ея образованіе, но какъ ничтожны кажутся мнѣ иногда хвастливая образованность ученыхъ женщинъ и одностороння сколастика педантовъ передъ образованіемъ и ученіемъ этой необыкновенной женщины, когда притомъ никто и неподумалъ бы, видя ее, подъ ея простыми, не свѣтскими формами, искать и найти обширное просвѣщеніе при умѣ самобытномъ!

Много разъ, слыша ея разговоры, ея рассказы живые и одушевленные, простили мы ее писать, но всегда съ усмѣшкою отказывала она въ просьбѣ нашей. Только одиночество жизни въ лѣтахъ преклонныхъ заставило ее однажды рѣшиться изложить свои воспоминанія о Сибири, и плодомъ сего занятія въ часы досуга была небольшая книжка: *Записки и замѣчанія о Сибири*, изданная въ Москвѣ, въ 1837 году, братомъ моимъ К. А. Добродушная сочинительница не позволила выставить въ заглавіи своего имени. Содержаніе книжки не могло обратить на нее особенного, общаго вниманія публики, но ее вполнѣ оцѣнили знатоки. Отзывы обѣй людей, мнѣніемъ коихъ сестра моя уважала, и переводы и извлечениія изъ нея въ иностраннѣхъ журналахъ (о

Русскихъ журналахъ не говорю ни слова) показали неподдельное достоинство сочиненія. Мы просили послѣ того добрую сестру нашу продолжать свои литературныя занятія, и слѣдствіемъ просьбы нашей были статьи, помѣщенные съ 1837 года въ разныхъ журналахъ, въ редакціи коихъ я участвовалъ. Предметами статей были отдельные воспоминанія и замѣтки о Курскѣ, Иркутскѣ, и Русскомъ бытѣ вообще. Нѣкоторые изъ нихъ также были переведены, вполнѣ и въ извлеченіяхъ, въ иностранные журналы, и заслужили лестное вниманіе людей просвѣщенныхъ и образованныхъ. Сестра позволила мнѣ послѣ того собрать сіи статьи въ одну книжку, и я поспѣшаю воспользоваться ея позволеніемъ. Здѣсь присовокуплена еще нигдѣ не напечатанная статья о Дерптѣ.

Оsmѣлюсь сказать, предупреждая судъ публики, что *Записки о старомъ и новомъ Русскомъ бытѣ*, подобно *Запискамъ о Сибири*, любопытное явленіе въ Русской литературѣ, по отношеніямъ сочинительницы и по содержанию.

Говорю по совѣсти, что редакцію мою ограничили я здѣсь только типографскою корректурою и весьма немногими грамматическими исправленіями: мысли, выраженіе ихъ, простота разсказа, милое добродушіе подробностей—все осталось такъ, какъ выливалось оно въ непринужденномъ изложеніи сочинительницы.

Признаюсь, что небольшую книжку сестры моей готовъ я поставить выше многихъ опытовъ стихотворной и прозаической болтовни нѣкоторыхъ Русскихъ писательницъ, разхваленныхъ въ журналахъ. Замѣтки и наблюденія, здѣсь помѣщенные, взятыя изъ жизни народной, ставлю я также выше многихъ, мнимо-историческихъ, мнимо-археографическихъ изслѣдований, авторы коихъ списываютъ по слуху и по наслышкѣ.

Смѣю думать, что и незнающіе лично сочинительницы, и не оцѣняющіе въ ней, подобно мнѣ, достоинства человѣка выше ея безспорного дарованія, согласятся со мною.

Но если я ошибаюсь, если меня увлекаетъ привязанность къ той, которую уважаю, какъ мать, люблю, какъ сестру, передъ которой благоговѣю, какъ передъ идеаломъ добродѣтели, пусть сіи строчки будутъ свидѣтельствомъ хотя сихъ чувствъ, хранимыхъ въ душѣ моей, залогомъ всего доброго и прекраснаго !

Н. ПОЛЕВОЙ.

С. П. Б., Іюня 7-го 1842 года.

ДЕРПТЬ

и

ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

Дорога отъ Петербурга до Стрѣльбы почти сплошь застроена дачами, которыя окружены садами и рощами. Въ лѣтнее время эти семнадцать верстъ можно считать продолженiemъ Петербурга. Шумъ, пыль, многолюдство, какъ въ городѣ, особенно подъ праздники и въ праздничные дни. Толпы гуляющихъ, экипажи, скачущie взадъ и впередъ, въ Петергофѣ, Ораніенбаумѣ и на окрестныя дачи, пѣшеходы, идущіе помолиться въ Сергиевскую обитель, находящуюся на 18-й верстѣ отъ Петербурга, и погулять въ Петергофѣ, гдѣ Царская Фамилія и ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ проводятъ лѣтнее время, дѣлаютъ изъ этой дороги безконечную улицу.

За Стрѣльною до Ямбурга мѣстоположеніе однобразное — степь, болота, кой-гдѣ усѣянныя небольшими пригорками; лѣсу мало; селеній большихъ вѣтъ. Ямбургъ, или Ямъ, старинный Русскій городъ, присоединенный къ Россіи въ 1703-мъ году, послѣ

долголѣтнаго пребыванія во власти иноземной, завоеванъ славнымъ нашимъ полководцемъ графомъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ. Ямбургъ чистенький, хорошенький городокъ. Городская площадь застроена казенными зданіями и очень красива. Даље за Ямбургомъ мѣстоположеніе становится возвышеніе и начинаются лѣса.

Подъезжая къ Нарвѣ и смотря на ея грозныя стѣны, невольно вздохнула я, вспомнивши: сколько здесь, подъ ея стѣнами, пролилось Русской крови, начиная съ самыхъ отдаленныхъ временъ! Петръ Великій, завоевывая берега Невы, захотѣлъ возвратить и древнія Русскія области. Въ 1700 году двинулъ онъ подъ Нарву 45,000 войска, но опоспѣло большею частью изъ новобранцовъ. Распорядившись осадою Нарвы, Петръ отправился въ Новгородъ для усиленія войскъ, препоручивъ главное начальство герцогу Крои, который, какъ будто предчувствуя неудачу, долго не хотѣлъ принять начальства надъ войскомъ. Карлъ XII-й съ одиннадцатью тысячами лучшаго своего войска шелъ на помощь осажденнымъ. На другой день послѣ отъѣзда Петра, Шведскій Король, подъ прикрытиемъ тумана, подведенъ былъ къ Русскому лагерю Чухонцомъ, тайною дорогою, стремительно напалъ, разсыпалъ нестройныя толпы Русскихъ, взялъ въ пленъ несколько генераловъ и главнокомандующаго. Только князь Долгорукій, съ двумя гвардейскими полками, и генералъ Вейде, съ своею дивизіею, остановили натискъ Шведовъ, отразили и опрокинули ихъ. Вейде, раненый, взятъ въ пленъ. Карлъ XII-й согласился отпустить Русскихъ съ знаменами, оружиемъ и шестью пушками, но едва Рускіе начали

отступать, началь на нихъ въ расплохъ. Рускіе принуждены были сдаться. Послѣ несчастной Нарвской битвы Рускіе всегда одерживали верхъ надъ Шведами и рядъ блестательныхъ побѣдъ повергъ къ стопамъ великаго Монарха Лифляндію и Эстляндію. Шведскій герой уничтоженъ былъ наконецъ подъ Полтавою гениальнymъ Русскимъ Царемъ и навсегда утратилъ войско и славу.

Въ Нарвѣ особенно замѣчательны: городскія стѣны; мостъ, выстроенный черезъ рѣку Нарову; на другомъ берегу рѣки развалины Иванъ-Города, почернѣвшія отъ времени и оброенія мохомъ. Лучшая часть города Нарвы находится на горѣ. Версты полторы за Нарвою, въ сторонѣ отъ большой дороги, Нарвскій водопадъ, шумъ котораго слышенъ за двѣ версты. Я не упустила случая взглянуть на него. Рѣка Нарова, протекая по гранитнымъ плитамъ, падаетъ на нѣсколько сажень въ низъ, волны, клубясь и раздробляясь въ безднѣ, превращаются въ мѣлчайшую пыль и носятся надъ водопадомъ въ видѣ облаковъ, или тумана; въ ясный солнечный день, когда лучи солнца, ударяя въ неисчислимые водные пылинки, отражаются въ нихъ радужными цветами, зрѣлище бываетъ удивительное. Протекая далѣе, на разстояніи четверти версты Нарова кажется какъ будто кипящею и покрыта пѣной. Около водопада построено нѣсколько пильныхъ мѣльницъ. За Нарвой дорога болѣе разнообразна; есть довольно красивые виды — то горы, поросшія лѣсомъ; то поля, засѣянныя хлѣбомъ. Верстахъ въ двадцати за Нарвой видно въ сторонѣ море. Въ окружныхъ лѣсахъ много дичи и она бываетъ не дорога. Во многихъ мѣстахъ ви-

дны насыпи, или курганы, означающія мѣста битвъ. Недалеко отъ мызы Вайвары есть курганъ и на немъ каменный крестъ. Не дѣлжая верстъ сто до Дерпта надобноѣхать берегомъ Пейпуса; тутъ вездѣ видны лодки и сѣти. Береговые жители Пейпуса всѣ рыбаки и ловля рыбы главный промыселъ ихъ (*).

Чѣмъ ближе подѣлжаете къ Дерпту, тѣмъ живѣе представляются события временъ протекшихъ. Здѣсь Ярославъ, на границахъ Руси, для охраненія отъ набѣговъ сосѣдей заложилъ городъ и назвалъ его Юрьевъ. Здѣсь билиевъ Рускіе съ Божими Дворянами (**). Здѣсь Иоаннъ Грозный каралъ непокорныхъ. Наконецъ Великій Петръ, бывши недоволенъ въ 1704 году распоряженіями Шереметева, самъ управлялъ осадой и овладѣлъ Дерптомъ 13-го Іюля. Послѣ столькихъ лѣтъ чуждаго владычества, Дерптъ стражнуль съ себя иго иноземное и прочно присоединился къ общей матери Россіи, не какъ пасынокъ, но какъ родной, кровный сынъ ея и одинъ изъ числа старшихъ. Не знаю почему Юрьевъ называются до сихъ порть Дерптомъ. Онъ основанъ Рускими; всѣ Рускіе живущіе, въ Остзейскихъ областяхъ, называютъ его всегда Юрьевъ, даже самые Нѣмцы называютъ его иногда Юрьевъ. Въ Ревель улица, ведущая къ Дерптской заставѣ, называется Юрьевская. Миѣ кажется лучше бы называть городъ его первобытнымъ именемъ.

Хотя Дерптъ часто мнѣялъ своихъ властителей,

(*) Смотр. *Прогулка по Чудскому озеру.*

(**) Такъ называли Рускіе Мечевосцовъ.

и то Нѣмцы, то Шведы, то Рускіе владѣли имъ неперемѣнно, однакожь часть жителей его всегда составляли коренные Рускіе. Прежде были въ немъ двѣ Русскія церкви, и когда проѣзжала чрезъ Юрьевъ царевна Софія Фоминишина, то она встрѣчена была православнымъ духовенствомъ съ крестами и образами. Царевна Софія была послѣдняя отрасль знаменитаго дома Греческихъ Императоровъ, племянница послѣдняго Греческаго Императора Константина Палеолога, геройски, съ мечемъ въ рукахъ умершаго при взятіи Царьграда Мугаммедомъ II. Бракъ Софіи съ Ioannomъ III-мъ много содѣйствовалъ къ просвѣщенню Россіи. Съ тыхъ поръ принялъ въ Россійской гербъ двуглавый орелъ.

Въ 1558 году гнѣвъ Ioanna Грознаго разразился надъ Ливонію. Рускіе били рыцарей, жгли, опустошали Лифляндію, взяли Нарву, мѣжество другихъ городовъ, осадили Дерптъ, и въ томъ же году, послѣ упорнаго сопротивленія, взяли его 18-го Іюля. Въ Дерпти былъ потомъ воеводою Алексѣй Федоровичъ Адашевъ, мужъ знаменитый, вѣрный сынъ отечества, неизмѣнныи слуга и сподвижникъ Ioanna, покоритель Казани. По наговору бояръ Ioannъ велѣлъ заключить Адашева въ тюрьму, тамъ гдѣ застанетъ его повелѣніе. Адашевъ заключенъ былъ въ тюрьму въ Дерпти, занемогъ горячкою и умеръ. Мѣсто, гдѣ поконится въ Дерпти прахъ знаменитаго Адашева, неизвѣстно. Войны, пожары и всесокрушающее время измѣнили мѣсто- положеніе города; надгробные камни взяты на постройку домовъ и часто служатъ ступенями для лѣстницъ.

Дерпти находится въ лощинѣ и съ Нарвской

дороги видѣнъ версты за двѣ или за три. Сначала показываются живописныя развалины древней, соборной, Нѣмецкой церкви в Обсерваторія, построеная на горѣ, называемой *Домбергъ*. Кроме Обсерваторіи на Домбергѣ выстроены: Клиника, съ принадлежащими къ ней строеніями, и домъ для профессора астрономіи. Подъѣзжая ближе видите церкви Русскую и Лютеранскую, и Ратушу. Версты за полторы отъ города мыза Ратгофъ, принадлежащая господину Липгарту, любимое гулянье Дерптскихъ жителей.

Вотъ наконецъ и *Дерптъ*, древній Юрьевъ, основанный Ярославомъ Георгіемъ, бывшій театромъ войны въ разное время, испытавшій поочерѣдно власть ордена Меченосцовъ, Поляковъ, Шведовъ, возвращенный Россіи Петромъ Великимъ, взысканный Императоромъ Александромъ, обновившимъ, или лучше сказать, основавшимъ въ немъ Университетъ. День основанія новаго Университета празднуется каждый годъ съ церемоніею.

Старинный Дерптъ былъ гораздо обширнѣе нынѣшняго, если вѣрить современникамъ. Вотъ что говорить обѣ немъ иноокъ Симеонъ Сузальскій, бывшій съ митрополитомъ Исидоромъ на Флорентинскомъ соборѣ, въ своихъ путевыхъ запискахъ: «Градъ же сей Юрьевъ великъ и каменъ, и есть такихъ у насъ; палаты же въ немъ созданы велими чудны; намъ же невѣдящимъ таковыхъ, дивлящеся. Церкви и монастыри многи. Горы же у нихъ велики, поля и садове красны. Церкви христіанскія двѣ, святый Никола и святый Юрій». Нынѣшний Дерптъ красивый, чистый городокъ, послѣ пожара, бывшаго слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ

тому, выстроенъ вновь. Мѣстоположеніе его довольно красиво. Рѣка Эмбахъ (по Чухонски Амовжѣ) протекаетъ черезъ городъ, и раздѣляетъ его на двѣ половины. На правой сторонѣ рѣки почти всѣ значительныя строенія, церковь Русская, Лютеранская и Чухонская кирхи, Ратуша, Гостиный Дворъ и Университетъ. Часть города на лѣвой сторонѣ рѣки низменная и во время вскрытия ея поимается водою. Жители домовъ, находящихся близъ берега, много терпятъ тогда отъ наводненія. Почти каждый годъ вода заливается въ дамы. По улицамъ сдѣланы тамъ подмостки для пѣшеходовъ; иногда даже бываютъ принуждены въ половодье плавать въ лодкахъ. По правую сторону рѣки мѣстоположеніе гораздо возвышенѣе; тутъ часть города выстроена на горѣ, которая простирается отъ Рижской заставы до мызы Техельферъ. Народонаселеніе Дерпта по статистической таблицѣ 12,409 человѣкъ, мужскаго и женскаго пола, но жители считаются около 14,000. На правой сторонѣ рѣки дамы, по большей части, каменные, въ одинъ и два этажа, покрытые черепицей, исключая казенныя строенія и немного частныхъ домовъ. Гостиный Дворъ каменный, довольно красивой архитектуры и выстроенъ на четыре стороны; въ немъ около 50-ти лавокъ, гдѣ можно найти все нужное. Кромѣ Гостинаго Двора есть магазины и лавки въ домахъ. Церковь Русская, во имя Успенія Божіей Матері, нельзя сказать, чтобъ была богата, ни по украшенню, ни по утвари. Теперь ее поновляютъ и хотятъ сдѣлать теплою, что необходимо въ сѣверномъ климатѣ. Сумма, выданная изъ духовнаго вѣдомства на поправку церкви, простирается до 25,000 рублей.

Изъ городскихъ строеній первое мѣсто занимаетъ Университетъ, по величинѣ и архитектурѣ. Въ немъ кромъ залъ, гдѣ читаются лекціи, зала Совѣта, и обширная, въ два яруса, съ хорами кругомъ, зала для собраній въ торжественные дни, украшенная прекраснымъ портретомъ во весь ростъ основателя Университета Императора Александра. Здѣсь защищаются диссертациі на степени магистровъ и докторовъ. Кромъ того помѣщаются кабинеты физической, химической, зоологической и минералогической, музеумъ изящныхъ искусствъ и древностей. Зала Совѣта украшена портретомъ Императора Николая Павловича, работы известнаго Берлинскаго художника Крюгера.

Въ прежнемъ Университетскомъ домѣ живеть попечитель Дерптскаго учебнаго округа, а въ нижнемъ этажѣ его находятся лавки. Кромъ сихъ двухъ казенныхъ зданій принадлежать еще казинъ: обширная Гимназія, Уѣздное и Народныя Училища, Семинарія для образования учителей, Почтовая Контора и домъ Академического Клуба (*akademische Musse*), гдѣ бывають балы и маскерады. Богоугодныхъ казенныхъ заведеній нѣтъ. Нѣсколько благотворительныхъ заведеній содержится изъ особыхъ суммъ дворянства и городскихъ обывателей; въ числѣ ихъ богадѣльни и домъ, гдѣ воспитываются сироты женскаго пола. Мясной рядъ одинъ и въ немъ около десяти лавокъ; рыбнаго ряда совсѣмъ нѣтъ. Лѣтомъ привозимую на продажу рыбу, по большей части изъ Чудскаго озера, продаются на лѣвомъ берегу рѣки, гдѣ построены для того балаганы; тутъ же и садки съ рыбою, а зимою продаютъ ее на правомъ берегу въ саняхъ. Рынокъ

одинъ противъ Гостинаго Двора, на берегу рѣки, и на немъ пайдете все привозимое съ мызъ, съѣстные припасы, овощи, сѣно, солому. Тутъ выстроено нѣсколько лавокъ, гдѣ продаютъ печенный хлѣбъ, булки, сбитень, разное готовое кушанье для простолюдиновъ, а дрова продаются не-много далѣе. Черезъ рѣку Эмбахъ два моста, одинъ каменный, другой деревянный, и еще есть нѣсколько перевозовъ. Главный перевозъ противъ мѣста, гдѣ была прежде церковь св. Николая. Надобно полагать, что здѣсь покоятся прахъ Адашева, ибо въ старину всегда хоронили покойниковъ при церквяхъ. Впрочемъ кладбище Русское было на Рижской горѣ; она застроена нынѣ домами. Для прїезжихъ есть двѣ гостиницы, Лондонъ и Санктпетербургъ, содержимыя очень опрятно. Въ нихъ можно имѣть столъ и все нужное. Есть также постоянные дворы, гдѣ останавливаются купцы и извощики съ товарами. Городъ почти весь вымошенъ; улицы содержатся въ чистотѣ и ночью освѣщаются фонарями.

Дерптъ не имѣеть большой торговли; купцы проѣзжаютъ черезъ него въ Ригу и другіе города. Вся мѣстная торговля заключается въ снабженіи нужнымъ жителей города. Но въ Дерптѣ бываетъ ярмарка, въ Январѣ мѣсяцѣ. Тогда наѣзжаетъ сюда много купцовъ изъ Россіи и съѣзжаются окружные дворянине. Но главный доходъ жителей отъ Университета. Въ Дерптскомъ Университетѣ находится слишкомъ 500 студентовъ, а сверхъ того живутъ въ Дерптѣ молодые люди, желающіе поступить въ Университетъ. Въ Гимназіи и Уѣздномъ Училищѣ, кромѣ дѣтей городскихъ жителей, обучаются и прі-

ѣзжающіе изъ другихъ городовъ. Есть также нѣсколько Пансіоновъ, мужскихъ и женскихъ. Надобно признаться, что мало такихъ мѣстъ въ Россіи, какъ Дерптъ, гдѣ за столь дешевую цѣну, что трудно повѣрить, можно имѣть порядочныхъ учителей. Въ Дерпти можно найти всѣ пособія для ученія: была бы только охота учиться, а этого-то и недостаетъ у многихъ и весьма многихъ молодыхъ людей.

Жалю, что не могу сообщить подробнаго учебнаго описанія Университетскихъ кабинетовъ и библиотеки, можно сказать, одной изъ лучшихъ въ Россіи. Скажу только то, что видѣла и могла запомнить. Зоологическій кабинетъ обогащенъ собраніемъ птицъ, животныхъ, насекомыхъ, раковинъ и морскихъ растеній. Собрание животныхъ малочисленнѣе другихъ, но между ними достойнъ замѣчанія орниторингъ, птица-звѣрь, обитающей въ Новой Голландіи. Изъ птицъ замѣчательны огромный и красивый строфокамиль, съ бѣлыми и нѣсколькими черными перьями; мнѣ не случалось видѣть подобнаго ни въ одномъ изъ Русскихъ кабинетовъ; тутъ же райская птичка и разные роды колибри. Изъ рыбъ замѣчательны лягушачія рыбы и пила-рыба, изъ водоземныхъ крокодилъ, между фетатками допотопныхъ животныхъ нѣкоторая изъ костей мамонта и лобная кость допотопнаго быка, огромной величины. Но больше всего любовалась я собраніемъ раковинъ, какъ говорятъ, однимъ изъ лучшихъ въ Россіи. Начиная отъ самыхъ огромныхъ до малѣйшихъ всѣ они прекрасны, но одна изъ нихъ замѣчательна кромѣ красоты и тѣмъ еще, что служила Океанійскому дикарю, предводи-

телю подобныхъ ему дикарей, рогомъ, въ который при началѣ битвы они трубятъ; на этомъ рогѣ висятъ трофеи побѣдъ — клочки человѣческихъ волосовъ, срѣзанные побѣдителемъ съ головъ непріятелей, имъ убитыхъ. Также любопытно собраніе прелестнѣйшихъ бабочекъ, Азіатскихъ, Американскихъ и другихъ странъ. Наконецъ любопытно взглянуть на кораллы и другіе морскія растенія. Жалью, что не видала минералогическаго кабинета, гдѣ, какъ я слышала, богатое собраніе рудъ, особенно драгоценныя каменья. Физический и Химіческій кабинеты снабжены всмми необходимыми инструментами и машинами. Профессоромъ физики былъ при мнѣ г-нъ Шарротъ, известный своею ученоностью, неутомимыми трудами, обширностью знаній, и кроме того человѣкъ отличной нравственности; онъ скончался въ 1840-мъ году и Дерптскій Университетъ потерялъ въ немъ много. Въ Музеумѣ художествъ, искусствъ и древностей богатое собраніе рѣдкихъ эстамповъ. Здѣсь въ первый разъ видѣла я эстампъ Миллера, гравированный съ Мадонны Рафаэля; его считаютъ теперь весьма рѣдкимъ; кроме того есть множество другихъ эстамповъ извѣстныхъ художниковъ. Собрание монетъ и медалей также замѣчательно. Между ними много древнихъ и почти всѣ новѣйшія. Здѣсь можно видѣть старинные Русскіе рубли и Кіевскую золотую гривну. Есть нѣсколько прекраснѣйшихъ мозаикъ и замѣчательныхъ антиковъ. Особеннаго замѣчанія достойны двѣ Египетскія муміи, полныя и хорошо сохранившіяся. Одна изъ нихъ, должно полагать, судя по росту, была человѣкъ лѣтъ 14-ти, а другая годовой или нѣсколько больше ребенокъ. Въ греблицахъ

вмѣстъ съ ними найдены бальзамированныя животные и птицы. Любитель наука и древностей въ кабинетахъ Дерптского Университета найдеть много любопытнаго.

Обсерваторія Дерптская, послѣ Пулковской въ Петербургъ, лучшая въ Россіи и одна изъ числа первыхъ въ Европѣ. Она снабжена инструментами отличныхъ Европейскихъ мастеровъ. Профессоромъ астрономіи въ Дерптѣ былъ прежде г-нъ Струве, переведенный потомъ въ Петербургъ. На Домбергъ, послѣ Обсерваторіи, замѣчательны громадныя, величественные развалины соборной церкви, воимя Богоматери, готической архитектуры — памятникъ временъ проtekшихъ, напоминающій славу рыцарей. Смотри на нихъ невольно задумываешься и спрашивашь: гдѣ твои повелители Эстонія, сначала суровые, грозные воины, въ послѣдствіи изнѣженные сибариты? Ихъ прахъ давно развѣялъ вѣтеръ, и надгробные камни ихъ, испещренные гербами и надписями, служать ступенями и помостами. А развалины, видѣвшія славу и великолѣпіе своихъ повелителей, ихъ паденіе и уничтоженіе, до сихъ поръ еще сопротивляются все сокрушающему времени, обремененному вѣками! — Часть развалинъ пополнена въ старинномъ вкусѣ и въ ней помѣщается университетская библиотека. Теперь на Домбергѣ разведенъ прекрасный садъ и составляетъ любимое гуляніе Дерптскихъ жителей. Часто любовалась я съ Домберга на живописныя окрестности Дерпта, усыпанныя мызами и Чухонскими хижинами, разбросанными среди полей, засѣянныхъ разнымъ хлѣбомъ. Простолюдины называютъ Домбергъ:

валы, ибо по преданию, на немъ были укрепленія, следы коихъ еще замѣтны.

Въ Ботаническомъ Саду, и въ принадлежащихъ къ нему оранжереяхъ и теплицахъ, есть много рѣдкихъ растеній.

Не зная истории Дерпта, никто не скажетъ, что онъ старинный городъ: такъ мало осталось въ немъ памятниковъ; они истреблены войнами и пожарами. Развалины соборной церкви на Домбергѣ и остатокъ крѣпостной стѣны близь Ботаническаго Сада — вотъ все бѣдные остатки древняго Юрьева. Не разъ бывали въ Дерпѣ Карлъ XII-й и грозный соперникъ его Петръ Великій; показываютъ еще домъ, гдѣ останавливался Петръ.

Въ Дерпѣ двѣ типографіи и двѣ суконныя фабрики; одна, заведенная купцомъ Шрамомъ, находится въ самой срединѣ города, занимаетъ обширный четырехъ-этажный домъ, парочно для нея построенный, снабжена паровою машиной и вырабатываетъ наиболѣе тонкія сукна; другая фабрика небольшая и на ней ткуть не дорогія сукна. Есть еще нѣсколько красилень, три сигарочныя фабрики, мыльный и свѣчной заводы, три завода пивныхъ. Многіе изъ Дерпскихъ жителей занимаются закупкою хлѣба и пеньки, отправляя ихъ потомъ въ Ригу и другія мѣста. Въ Дерпѣ довольно ремесленниковъ, какъ то: серебряниковъ, мѣдниковъ, слесарей, кузнецовъ, горшечниковъ, столяровъ, сапожниковъ, портныхъ, и многихъ изъ нихъ можно назвать «художниками». Стальные инструменты, дѣлаемые слесаремъ Чечелемъ, не уступаютъ Англійскимъ. Нельзя умолчать о литографѣ Шлатерѣ, который известенъ гравированiemъ на деревѣ, имъ самимъ

усовершенствованнымъ. Но какъ въ Дерптѣ все ограничено и пріѣзжимъ изъ Россіи мастеровыми не позволяютъ заводить мастерскихъ и держать работниковъ и учениковъ, то всѣ работы довольно дороги. Слесарямъ, столярамъ и другимъ мастеровымъ, живущимъ на мызахъ, не позволяютъ брать заказовъ и сбывать въ городѣ свои издѣлія.

Въ Дерптѣ бывають три ярмарки Чухонскія, 28-го Іюня, 8-го Сентября и 1-го Октября. Главный торгъ производится на нихъ скотомъ, который пригоняютъ съ мызъ. Привозятъ также деревянную посуду, холстъ, шерсть, домашнее сукно, фланель, дворовую птицу, масло, яйцы, а на двѣ осенния изъ сихъ ярмарокъ, кромѣ того капусту, клюкву, рыбу соленую, яблоки, и, приплываятъ изъ Пскова глиняную посуду и горшки. Каждая ярмарка продолжается не болѣе двухъ дней. Тогда все оживаетъ въ городѣ. Еще до свѣта вѣдуть Чухны на своихъ скрыпучихъ тѣлегахъ; у воротъ домовъ стоять хозяйки и кухарки, останавливаютъ Чухонъ, выбираютъ, торгуются, шумятъ, кричатъ, не понимая другъ друга. Особливо на послѣдней осенней ярмаркѣ каждый сколько нибудь зажиточный человѣкъ покупаетъ корову или двѣ. Въ Остзейскихъ губерніяхъ всегда запасаются на зиму солонину, масло, яйцы, и проч., потому что посль ярмарокъ все бываетъ дороже. Нѣмцы, покупая скотину на ярмаркѣ, бываютъ ее дома, и у нихъ ничего при томъ не пропадаетъ — мясо посолять, кожу продадутъ, а кровь любимое кушанье: изъ нея дѣлаются колбасы, кеки, или палькенъ, и надобно посмотреть съ какимъ удовольствиемъ въ Дерптѣ їдять ихъ. Главная городская ярмарка, о которой

я выше упоминала, называется *Нъмецкою*, начинается 7-го Января и продолжается три недѣли; на нее съезжаются купцы изъ Петербурга, Новгорода, Риги, Ревеля и другихъ мѣстъ Россіи. Съ началомъ ярмарки начинается дѣятельность. Дерптъ звѣдается шумнымъ городомъ; все бѣгаютъ, хлопочутъ, собираются въ кучки. Тогда прѣѣзжаютъ въ Дерптъ изъ окружныхъ городовъ купцы и дворянине закупать годовую пропорцію чаю, сахару и другихъ припасовъ, а также фарфоръ, посуду, наряды и другія нужныя вещи. Прѣѣзжие купцы помѣщаются въ домахъ. Хозяева домовъ стараются тогда отдать какъ можно болѣе комнатъ подъ магазины и беруть довольно дорого. Торговцы съ хрустальною, фарфоровою и фаянсовою посудою нанимаютъ лавки, выстраиваемыя на время ярмарки, и въ нихъ же помѣщаются торгующіе разными мѣлочами.

Во все продолженіе ярмарки въ Дерптѣ продолжается праздникъ; даются концерты, балы въ Академической и другихъ муссахъ (клубахъ). Народо-населеніе Дерпта составляютъ Нѣмцы и немного Русскихъ и Чухонъ. Нѣмцы дворянине, духовные, купцы и ремесленники, Эсты, или Чухцы, какъ мы привыкли называть ихъ, живущіе въ городахъ, не любятъ названія Чухнами и величаютъ себя *Лифляндцами*. Каждый бургерь, или ремесленникъ, называется Нѣмцомъ, желая придать себѣ болѣе вѣса и важности. Нѣмецъ и у насъ въ Россіи еще по сю пору вещь весьма важная. Вообще все жители Дерпта, не выключая дворянъ, свободно говорять по Чухонски, ибо крестьяне здѣшнія Чухонцы и Нѣмецкаго языка не знаютъ. Я уже упоминала выше, что въ Дерптѣ двѣ Лютен-

ранскія церкви; въ одной изъ нихъ служба отправляется на Нѣмецкомъ, а въ другой на Чухонскомъ языке. Рускіе, живущіе въ Дерптѣ, суть чиновники, духовные, купцы и мѣщане. Нѣкоторые изъ нихъ поселились въ Дерптѣ издавна и потому обнѣмчились, многое переняли у Нѣмцовъ въ образѣ жизни и правахъ, и даже между собою говорять Нѣмецкимъ языккомъ. Здѣшніе простолюдины Рускіе многое заняли отъ Чухонъ. Первое, что я замѣтила между Рускими, даже въ простомъ народѣ, что посты наблюдаются не такъ строго, какъ вообще въ Россіи. Въ Русскомъ языкѣ здѣшнемъ встрѣчается много старинныхъ словъ, а также нѣсколько Нѣмецкихъ и Чухонскихъ. Мѣра употребляемая въ Остзейскихъ губерніяхъ, какъ и всюду, четверть, четверикъ, но есть также и мѣстная въ Дерптѣ и во всѣхъ здѣшнихъ губерніяхъ, какъ то: *пуръ, калематъ, лезикъ, матикъ*. *Пуръ* четырехугольный ящикъ, и въ него вмѣщаются около трехъ четвериковъ или мѣръ; въ пурѣ считается три калемата, а мѣлочная продажа, особенно овощей, производится матиками, но они не равны, и есть болѣе и менѣе. Крупу, клюкву, горохъ, бобы, большое количество продаютъ пурами, а по мѣлочамъ кружками, которыхъ въ пурѣ 51 и 52. Вино, молоко, пиво также продаютъ кружками, или какъ называютъ ихъ еще въ Дерптѣ, *квартами*; кружка дѣлится на *полкварты* и *фатерку*, или четверть кварты. Масло Чухонское продаютъ *лезиками*, въ каждомъ 20 Русскихъ фунтовъ.

Образъ жизни жители Дерпта ведутъ совсѣмъ другой, нежели въ Россіи. Встаютъ въ шесть или семь часовъ, исключая ремесленниковъ, которые

какъ и вездѣ подымаются ранѣе другихъ. Вставши пьють кофе, въ 10-ть часовъ завтракаютъ, въ часъ по полудни обѣдаютъ, въ 4 часа опять пьють кофе, а въ 6-ть часовъ чай; впрочемъ чай не во всѣхъ домахъ пьють каждый день. Ужинаютъ въ 10-ть часовъ. Кажется, кушать столько довольно было бы и для Русскаго, хотя надобно сознаться, что Рускіе любятъ пойти. Но должно вспомнить, что у Нѣмцовъ экономія доходитъ до излишества, и въ тѣдѣ и питьѣ она не выходитъ изъ строгихъ границъ. Кофе пьютъ здѣсь по поламъ съ цикоріемъ, а въ небогатыхъ домахъ кладутъ цикорія и болѣе. Завтракъ составляетъ бутербродъ, — ломтикъ хлѣба, намазанный масломъ, къ чему прибавляютъ иногда тоненький ломтикъ сыра. Обѣдъ, исключая богатые дому, состоить изъ двухъ блюдъ; ужинъ тоже изъ двухъ легонькихъ блюдъ, а гдѣ пьютъ послѣ обѣда, часовъ въ 8-мъ, чай, тамъ ужина-во все не бываетъ. Нѣмецкій столъ совершенно отличается отъ Русскаго, какъ тотъ и другой народъ другъ отъ друга. Супы готовятъ здѣсь болѣе ягодный, молочный, овсяный, саговый, пивной и изъ воды (Wasser-suppe). Не подумайте, что это шутка. Вассер-супъ приготовляютъ слѣдующимъ образомъ: вскипятить воду, положать въ нее кореньевъ, зелени, немного коровьяго масла, и — супъ готовъ! Въ среду и субботу вездѣ подаютъ, вместо супа, какую нибудь кашу, съ сливками или съ молокомъ. Ужинъ — хлѣбъ, намазанный масломъ, на который сверху положены тоненькие ломтики солонины или сыра, горячій вареный картофель (Kartoffel in Uniform), съ масломъ или селедкою, а лѣтомъ кислое молоко, которое Нѣмцы и Чухны очень любятъ, и

лѣтомъ подаютъ даже въ обѣдъ, вмѣсто супа. Зелень въ большомъ употребленіи — шпинатъ, горохъ, бобы, салатъ любимыя блюды Нѣмцовъ. Хотя намъ, Русскимъ, Нѣмецкій столъ кажется слишкомъ умѣренъ, но Нѣмцы къ нему привыкли, не говоря уже объ экономіи. Въ Германіи вообще всѣ припасы дороги, особенно говядина, а потому ѣдятъ ее мало. Живущіе въ Остзейскихъ губерніяхъ Нѣмцы небольшіе охотники до вассеръ-супа, по пріѣзжіе изъ Германіи не отстаютъ отъ старой привычки и въ Дерптѣ продолжаютъ имъ лакомится. Если Нѣмецъ даетъ обѣдъ, тогда дѣло иное; все бываетъ прекрасно, столь убираютъ цвѣтами, но и тутъ не безъ разсчета. Всегдашнее питье Нѣмца вода и дешевое пиво.

Экипажи въ Дерптѣ держать немногіе и ими не щеголяютъ; иногда видите между ними такіе, па которыхъ каталось иѣсколько ноколѣпій и какихъ въ Россіи мнѣ не случалось видать. Разумѣется, нѣть правиль безъ исключенія. Вообще Нѣмцы Дерптскіе живутъ опрятно, чисто, но одѣваются изящно и со вкусомъ только женщины, а мужчины не большие франты. Замѣчу, что кажется не совсѣмъ справедливо называть Нѣмокъ отличными хозяйствами. Главное ихъ достоинство — бѣреажливость и умѣренность. Рускіе, которые родились и жили въ Россіи, никогда не привыкнутъ къ Нѣмецкому образу жизни. Дажо Нѣмцы, жившіе долго въ Россіи, живутъ совсѣмъ иначе. Дѣтямъ лѣтъ до семи, и даже болѣе, не даютъ здѣсь ни чаю, ни кофе, а молоко, съ водой или цѣльное. Не многія матери кормятъ дѣтей сами, но большею частью панимаютъ кормилицъ Чухонокъ, и если

и кормятъ сами, то отнимаютъ отъ груди рано, даже прежде года. Няпки дѣвки Чухонки и за ребенкомъ двухъ лѣтъ уже мало присматриваютъ. Каждый по возможности старается дать воспитаніе сыну и дочери такое, чтобы въ послѣдствіи они сами могли содержать себя. Странно было бы это охуждать, но не менѣе странно видѣть, что когда сынъ или дочь выучились какому нибудь ремеслу, или искусству, они почти отдаются отъ семейства; многія изъ дѣвицъ идутъ въ гувернантки, или даютъ уроки, и одѣваются на свой счетъ. Дѣти ремесленниковъ, окончивъ ученье, идутъ въ другой городъ, живутъ тамъ по цѣлькоѣмъ лѣтъ въ подмастерьяхъ, и потомъ уже прѣхавъ въ свой городъ имѣютъ право открыть свою мастерскую. Дѣти купцовъ также живутъ болѣе въ другихъ городахъ. Женатый сынъ почти никогда не живеть съ родителями, и нерѣдко случается, что отецъ зажиточный человѣкъ, а сынъ обремененъ семействомъ и терпить нужду. Браки составляются съ согласія жениха и невѣсты, что въ Россіи не всегда бываетъ, даже и въ наше время. Женихъ и невѣста дѣлаютъ вмѣстѣ визиты знакомымъ, даютъ балъ или говорѣ, но часто послѣ говора откладываютъ свадьбу на годъ и болѣе. Обрядъ вѣнчанья рѣдко совершается въ церкви, и по большой части пасторъ благословляетъ новобрачныхъ на дому. Свадьбы всегда, даже у бѣдныхъ, дѣлаются торжественно. Вѣнокъ изъ мицтовъ и померанцовъхъ цвѣтовъ и вуаль непремѣнная принадлежность невѣсты. У жениха и невѣсты бываютъ особые посаженные отцы и матери. Невѣсту провожаютъ дѣвицы, а жениха шаферы. Въ день свадьбы всегда

бываетъ музыка, а какъ въ Дерптѣ всѣ безъ исключенія танцуютъ, начиная съ кучера и кухарки, то и танцы продолжаются иногда цѣлую ночь. Когда раздѣваются невѣсты, то она снимаетъ съ себя вѣнокъ и бросаетъ его подругамъ. Замѣчаются, что та, которой онъ достанется, прежде другихъ выйдетъ замужъ. Въ Дерптѣ въ обыкновеніи дарить новобрачныхъ деньгами и вещами, какъ будто на обзаведеніе хозяйства. Я говорю здѣсь о свадьбахъ средняго сословія и небогатыхъ людей. У богатыхъ, кроме обряда вѣнчанья по Лютеранскому исповѣданію, дѣлаются свадьбы точно тѣкъ, какъ въ Россіи. Дворяне празднуютъ свадьбы болѣе въ своихъ помѣстьяхъ.

Нѣмцы Дерптскіе отправляютъ день рожденія, а не день именинъ. Тогда обыкновенно пекутъ большой крендель, и положивъ его на блюдо или подносы, обвиваются гирляндой изъ цветовъ. Новорожденаго поздравляютъ и дарятъ, а если празднуется день рожденія кого либо изъ дѣтей, или младшаго въ семействѣ, то около кренделя ставятъ столько восковыхъ свѣчей, сколько ему лѣтъ.

Кромѣ Святокъ, Пасхи и Троицына дня, празднуюемыхъ во всѣхъ христіанскихъ религіяхъ, Лютеране празднуютъ еще Мартыновъ день, въ честь Мартына Лютера, и день св. Екатерины, въ честь жены его, а также Ивановъ день и день Покаянія (Busstag). Опишу, что замѣтила отличного противъ нашего въ праздникахъ Дерптскихъ.

На Страстной недѣль, Великій Четвергъ торжествуютъ, какъ праздникъ. Всѣ работы прекращаются; ходятъ въ церковь и гуляютъ. День Воскресенія Христова празднуютъ какъ и везде, и тогда

ничего не бываетъ особеннаго, кромъ того, что красятъ или покупаютъ крашеные яйцы, что переняли здѣсь, кажется, отъ Русскихъ. Пасху празднуютъ не всю недѣлю, а только три дня и субботу. Троицкыи день называютъ здѣсь: зеленая недѣля, и празднуютъ три дня. Тогда уезжаютъ на мызы, или послѣ обѣда за городъ. У кого пять лошадей, а нанимать кажется дорого, то уложивъ нужныя вещи въ тѣлежку, отправляютъ съ служанкою за городъ, сами идутъ пѣшкомъ и веселятся за городомъ цѣлый день. Иногда сговариваются по нѣскольку семействъ вмѣстѣ; кушанье приготовляютъ изъ зелени, если можно имѣть ее въ то время года, но всегда стараются, чтобы была какая нибудь зелень. Ивановъ день, 24-е Іюня, болѣе простонародный праздникъ. Наканунѣ вечеромъ идутъ гулять на мызу Ратсгофъ, принадлежащую г-ну Липгарту и находящуюся отъ города verstахъ въ полуторахъ. Съ наступлениемъ ночи зажигаютъ огни на деревьяхъ, дегтяные боченки, надѣтые на шестахъ и набитые соломою,пускаютъ ракеты и пьютъ и гуляютъ почти всю ночь. Многіе ходятъ въ тотъ день въ Ратсгофъ взглянуть на народное веселье. Помѣщики на мызахъ также дѣлаютъ пирушки для крестьянъ, зажигаютъ огни и выставляютъ вино и пиво. У Чухонъ есть повѣрье, по которому собираютъ они подъ Ивановъ день травы и сохраняютъ ихъ для леченья. На Мартыновъ день у Нѣмцовъ въ обыкновеніи маскироваться. Тогда вечеромъ замаскированные ходятъ и ъздятъ толпами по улицамъ. Многіе дѣлаютъ тогда маскированные балы, и всякий порядочно и благопристойно замаскированный можетъ войти въ домъ, хотя и не

быть бы знакомъ хозяину. Гдѣ нѣтъ бала, ставить на окно свѣчу — знакъ, что замаскированныхъ принимаютъ. Въ мартышовъ день бываетъ иногда маскерадъ въ Академической муссѣ, и въ этотъ же день всѣ Нѣмцы, бѣдные и богатые, жарятъ для стола гуся. Наканунѣ Екатеринина дня также наряжаются,ѣздятъ по домамъ и танцуютъ. Передъ Рождествомъ дѣлаютъ елку (*Weinachtsbaum*). Приготовленія начинаются за нѣсколько дней. Елку убираютъ позолоченными орѣхами, яблоками, конфектами, лентами, развѣшиваютъ на ней игрушки и пригѣпываютъ къ ней восковыя свѣчки, иногда разноцвѣтныя. Подарки для дѣтей и домашнихъ раскладываютъ вокругъ на столъ. Дѣти обыкновенно съ нетерпѣнiemъ ждутъ этого дня. Комнату, гдѣ бываетъ приготовлена елка, запираютъ. Наканунѣ Рождества, часовъ въ восемь или въ девять, зажигаютъ на елкѣ свѣчи и приглашаютъ войти. Пріятно видѣть въ это мгновеніе дѣтей, на лицахъ которыхъ выражается непрітворная радость. Иногда приглашаютъ на елку родныхъ и знакомыхъ и раздаютъ имъ подарки, не забывая и служителей. Въ Дерптѣ всякий годъ дѣлаютъ еще елку для бѣдныхъ дѣтей. Многія дамы изъ дворянскихъ фамилій участвуютъ въ этомъ празднике, даютъ деньги, шьютъ для бѣдныхъ дѣтей платье, покупаютъ конфекты и игрушки. При раздачѣ подарковъ можетъ быть всякий, заплативши за билетъ. Деньги, собранныя за билеты, обращаются въ пользу бѣдныхъ. Зала, гдѣ раздаютъ подарки, бываетъ освѣщена и во время раздачи играетъ музыка. Когда все кончится, начинаются танцы. Праздникъ этотъ дѣляется вече-ромъ на святкахъ.

Русские мальчики о святкахъ и здѣсь ходятъ славить Христа, какъ дѣлается въ Россіи, но толькъ съ тою разницею, что они носятъ съ собою звѣзду, четверти три въ поперечникѣ, раскрашенную и освѣщенную фонаремъ. О святкахъ собираются на небольшѣ семейные вечера, родные и знакомые, танцуютъ подъ фортепіано, играютъ въ разныя игры и ворожатъ. Между разными гаданьями есть такія, которыхъ мнѣ не случалось видать въ Россіи. Вотъ одно изъ нихъ: всѣ выходятъ изъ одной комнаты, и въ ней кладутъ на столъ хлѣбъ, соль, деньги, ключи, чепчикъ, розги и землю, накрывая каждую вещь тарелкою, а потомъ приглашаютъ всѣхъ войдти и каждый снимаетъ одну тарелку. Кому достаются деньги, значитъ къ богатству, хлѣбъ къ изобилію, ключи къ хозяйству, чепчикъ къ замужству, розги означаютъ дѣтей, а земля — смерть. Подъ новый годъ собираются во многихъ домахъ, танцуютъ подъ фортепіано, играя поперемѣнно, или панимая какого нибудь артиста. Новый годъ самый торжественный день въ Дерптѣ. Едва начинаетъ свѣтать, по домамъ пойдутъ музыканты, играютъ и поздравляютъ съ новымъ годомъ; также ходятъ и барабанщики. Потомъ идутъ съ поздравленіями почтальоны, сторожа изъ присутственныхъ мѣстъ, трубочисты, университетскіе прислужники, швейцары и прочие; иные подносятъ печатные поздравительные стихи на новый годъ. Университетскіе и другіе чиновники їдуть съ поздравленіями къ Попечителю учебнаго округа. Масленица празднуется Рускими, живущими въ Дерптѣ, какъ везде — пекутъ блины и катаются. Во многихъ Нѣмецкихъ домахъ въ Дерптѣ начинаютъ печь наши Русскіе

блины, до которыхъ Нѣмцы большие охотники. Нѣмецкая масляница бываетъ во вторникъ на первой недѣль Великаго Поста. Тогда Нѣмцы пекутъ особенные сдобные булки и потомъ начиняютъ ихъ; бываетъ также уличный маскарадъ и въ немъ участвуютъ почти исключительно студенты. Хорошихъ костюмовъ тогда не увидите — одѣты кто во что попало. Наряженные катаются по улицамъ въ большихъ саняхъ, запряженнымъ въ шесть лошадей, и въ такихъ саняхъ сидятъ и стоятъ человѣкъ по двадцати;ѣздятъ и въ обыкновенныхъ саняхъ, парами и верхомъ. Костюмы безъ дальшѣйшихъ претензій, какъ я сказала: иной выворотить шубу на изнанку, другой напацкаетъ лицо краской, третій надѣнеть на голову калпакъ съ сахарной головы, или женскую шляпку и при ней уродливую маску; впрочемъ не все такие костюмы, и есть они щеголеватые. Иногда собирается тогда саней до двадцати и болѣе.— День Покаянія въ старину соблюдали во всей строгости, даже не готовили кушанья, а посвящали все время молитвѣ. Но нынѣ день этотъ сдѣлался праздникомъ. Послѣ обѣдни идутъ въ гости, хотя и не танцуютъ. Въ Великій Постъ также танцуютъ рѣдко.

На крестины приглашаютъ гостей, какъ и у насъ въ Россіи. Восприемниками бываетъ иногда нѣсколько человѣкъ. По совершеніи обряда крещенія подаютъ вино, конфекты и шоколадъ. У простолюдиновъ въ обычай приносить на крестины хлѣбъ, крендель, или пирожное.

Похоронные обряды у Дерптскихъ Нѣмцовъ совсѣмъ другіе противъ нашихъ. Умершаго одѣнуть, положать на столъ, но псалтыри по усопшемъ у Лютеранъ не читаютъ. Пока тѣло не положено

въ гробъ, къ покойнику собираются родные и знакомые, сидять по ночамъ, и не смотря на печальное событие, особенно у простолюдиновъ, проводятъ время довольно не скучно: пьютъ кофе и вино, играютъ въ карты, сказываютъ сказки. Когда положать покойника въ гробъ, то выносятъ гробъ въ съни или въ чуланъ, а иногда даже въ сарай. Въ день похоронъ собираются родственники и приходитъ пасторъ; подаютъ вино, шоколадъ или кофе. По окончаніи обряда отпѣванія провожаютъ гробъ на кладбище. Обѣда послѣ похоронъ не бываетъ. Въ домахъ достаточныхъ и у людей болѣе образованныхъ хотя и собираются сидѣть по ночамъ у покойника, но въ карти не играютъ и гробъ все время стоитъ въ комнатѣ.

Каждое сословіе живетъ въ Дерптѣ въ своемъ кругу. Старинные дворяне мало обходятся съ чиновниками. Купцы составляютъ также свое общество и у нихъ есть свое собрание (*Commerz-musse*); бургеры имѣютъ свой клубъ (*Bürger-musse*), и тутъ еще свои подраздѣленія и свое чванство, какъ у дворянъ: серебряникъ и часовщикъ не знакомятся съ саножникомъ и столяромъ, и такъ далѣе. Такимъ образомъ въ Дерптѣ составлены три клуба. Въ Академической муссѣ директоры выбираются изъ профессоровъ; каждый студентъ можетъ быть членомъ, но надобно подвергаться балотировкѣ, и потомъ взнести небольшую сумму, употребляемую на содержаніе муссы. Студентъ не членъ собранія не имѣть права бывать въ немъ на балахъ, кроме маскарадовъ, но и тогда онъ долженъ быть замаскированъ. Въ Академической муссѣ, кроме профессоровъ и студентовъ, есть члены изъ дворянъ и чи-

новниковъ. Каждый членъ, кроме своего семейства, можетъ привести двухъ дамъ, но предварительно долженъ записать ихъ и взять билеты. Въ Коммерческой муссѣ рѣдко бывають балы и члены собираются болѣе играть въ карты. Дворянъ здѣсь почти не бываетъ, а бюргеровъ не принимаютъ. Бюргеръ-мусса самая многочисленная и веселая. Въ ней охотно бывають и записываются членами дворяне и чиновники, но только мужчины, а дамы высшихъ сѣдовій туда не ѻздаютъ. Кромѣ упомянутыхъ публичныхъ собраній, старинные дворяне, бароны, графы и фони имѣютъ еще свое собраніе, но не каждый годъ.

Дерптскіе жители могутъ похвастаться, что они слышали почти всѣхъ лучшихъ артистовъ, музыкантовъ и пѣвцовъ, прѣзжавшихъ въ Россію. Прѣзжая черезъ Дерптъ они даютъ концерты, и кажется, за такую дешевую цѣну, кромѣ Дерпта, ихъ нигдѣ нельзя слышать. Цѣна, единожды на всегда положенная Ратушею, не выше *двухъ рублей пятидесяти копѣекъ* за стулъ. Волтижеры, фокуники, єдущіе съ звѣрями и птицами, также всегда останавливаются въ Дерпте. Иногда и самородные Дерптскіе артисты даютъ концерты. Въ 1840 году разыгрывали тамъ Гайденову ораторію, *Сотвореніе мира*, и хотя между артистами и не было отличныхъ голосовъ, однакожь ораторія выполнена была весьма хорошо. Года два тому даны были нѣсколько сценическихъ представлений и живые картины. Театра въ Дерпте нѣтъ, а также, кромѣ описанныхъ мною собраній и концертовъ, нѣтъ никакихъ другихъ увеселеній и пародныхъ праздниковъ. Лѣтомъ жители гуляютъ на Домбергѣ, въ Ботаническомъ Саду,

Ратсгофъ, Робковъ, Техельферъ, а зимой по улицамъ. Когда станетъ рѣка, устраивается клубъ катанья и начинаются катанья по льду; мужчины катаются на конькахъ и многіе изъ нихъ большие на то мастера. Для дамъ дѣлаются особенные кресла, на которыхъ онѣ катаются. Кто нибудь изъ мужчинъ беретъ такие кресла на свое попеченіе, катится самъ и ихъ передъ собой катить. Нѣкоторые изъ жителей лѣтомъ переселяются за городъ, а кому нельзя отлучиться изъ города, наимають на лѣто въ городъ небольшіе домики съ садами.

Выше упоминали мы, что главный доходъ Дерптскихъ жителей отъ Университета. Всѣ студенты живутъ на квартирахъ, даже и тѣ кто получаетъ отъ казны вспомоществованіе. Студентовъ въ Дерптскомъ Университетѣ, какъ мы уже говорили, человѣкъ 500, кроме молодыхъ людей, живущихъ въ Дерптѣ и приготовляющихся къ поступленію въ число студентовъ. Каждому изъ тѣхъ и другихъ надобны квартира и прислуга. Квартиры наимають на семестръ, или полгода, ибо въ Дерптскомъ Университетѣ курсы ученія не годичные, а семестральные. Прислуживаютъ студентамъ женщины, которыхъ они называютъ лѣфелинами; иногда одна женщина служить пяти жильцамъ, находящимся въ разныхъ домахъ. Такія лѣфелины по большей части старыя Чухонки, довольно грязныя. Молодымъ дѣвкамъ быть въ прислугѣ у студентовъ запрещено. Въ Дерптѣ, какъ говорятъ и въ Германіи, мало держать лакеевъ — вездѣ замѣняютъ ихъ женщины, въ гостиницахъ, трактирахъ, частныхъ домахъ. Женщина, служащая у студента, не живеть въ одномъ съ нимъ дому, а приходить раза два въ

день. По утру вычистить платье и сапоги, привереть въ комнатѣ, поставить самоваръ или принесеть кофе; потомъ является часовъ въ шесть и исправляетъ все что нужно. Обѣдаются студенты въ трактирахъ, или берутъ обѣдъ на дому, платя за столъ отъ 10-ти до 20-ти рублей въ мѣсяцъ. Обѣдъ состоитъ изъ трехъ порцій. Кушанья нельзя похвалить, и особенно бываютъ не довольны студенческимъ столомъ Рускіе и Поляки, не привыкшіе къ Нѣмецкимъ кушаньямъ. Ужина нѣть, и если кто хочетъ ужинать, то идетъ въ трактиръ, либо посыпаетъ служанку взять порцію чего нибудь.

Я застала еще въ Дерптѣ прежнюю студенческую жизнь, проводины и комерши. Теперь ихъ уже нѣть. Комерши бывали наиболѣе весною и осенью. Лѣтомъ, во время вакацій, студенты разѣзжаются всякий къ себѣ на родину. Весной и осенью у студентовъ бываютъ деньги, а въ другое время въ кошелькѣ ихъ чахотка, и они живутъ, какъ они сами выражаются, на пуббѣ. Прежде студенты раздѣлялись на ландсманшафты или общества. Эстляндцы, Лифляндцы, Курляндцы, Поляки, Рускіе составляли разные ландсманшафты. Когда какойнибудь ландсманшафтъ дѣлалъ комерши, то приглашаль изъ другихъ по нѣсколько человѣкъ, а также филистровъ и мулюсовъ. Въ назначенный день отправлялись въ большихъ, открытыхъ тѣлегахъ, или шарабанахъ, называемыхъ Stuhlwagen, за городъ. Въ каждую такую тѣлегу, уставленную скамейками, запряженную четырьмя или щестью лошадьми, садились человѣкъ отъ 20 до 30. Припасы, состоящіе изъ шнапса, вина и рому, брали съ собой, а кушанье заказывали въ корчмѣ, гдѣ назначенъ быль

кemerшъ, не забывая также табаку и сигаръ. Помимо сбора гостей начиналось веселье. *Бурсаки* гуляли по молодецки, и въ заключеніе зажигали костры, прыгали черезъ нихъ, качали другъ друга на простыняхъ. Прогулявъ такимъ образомъ сутки, немногіе возвращались домой здоровыми. Иногда комершъ становился въ несколько тысячъ рублей.

Когда, окончивши курсъ, студентъ оставлялъ Университетъ, товарищи его собирались къ нему на квартиру и пили за здоровье отѣзжающаго. Потомъ двое старыхъ студентовъ брали его подъ руки, а остальные, человѣкъ по десяти и болѣе въ рядъ, взявшись за руки, шли спереди и сзади, пѣли прощальную пѣсню заунывнымъ голосомъ, и такъ провожали отѣзжающаго черезъ весь городъ до заставы, или до первой корчмы за заставой. Тутъ за городомъ опять пили на прощанья, и пожелавъ счастія собрату, собрапіе расходилось. Иногда студенты собирались на Домбергъ и пѣли тамъ пѣсни. Все это хорошо, и почему не погулять? Но часто гулянья выходили изъ границъ, и многіе молодые люди, съ хорошими способностями, проводя разгульную жизнь, только убивали время и здоровье.

Въ похвалу Дерптскимъ студентамъ надобно сказать, что между ними принято много прекрасныхъ обычаевъ. Если кто изъ товарищей боленъ, они поочередно ходятъ за нимъ. Небогатому стараются помочь, когда находятъ его того достойнѣмъ. Въ случаѣ смерти бѣднаго студента складываются и хоронятъ его, не только пристойно, но даже пышно. Въ Дерптѣ нѣть пожарной команды, и если случится пожаръ, въ одну мицуту сбываются нѣсколько сотъ студентовъ, почитая потушеніе огня

свою обязанностью; они неустранимо бросаются въ огонь, тушать его съ примѣрною скоростью, безъ всякихъ пожарныхъ снарядовъ: становятся въ два ряда отъ мѣста пожара до воды; одинъ рядъ подаетъ ведры и другую посуду, наполненную водою; а другой принимаетъ порожнюю посуду. Прежде студенты давали серенады, что бывало очень пріятно: вдругъ бывало раздаются пріятное пѣніе или звуки инструментовъ. Къ чести Дерптскихъ студентовъ надобно сказать и то, что въ городѣ, гдѣ живеть на свободѣ пять сотъ молодыхъ людей, можете идти поздно вечеромъ не опасаясь шепріятностей — идите смѣло и ни одинъ студентъ не осмѣлитсѧ сказать вамъ дерзости. Бывали примѣры, и, по Русской пословицѣ, *въ семье не безъ урода.*

Содержаніе въ Дерптѣ не очень дорого. Говядина продается 17 и 20 к. за фунтъ; баражина гораздо дороже; масло Чухопское, лезиками, 35 и 45 к. за фунтъ, а топленое 50 и 60 к.; сотня яицъ лѣтомъ 1 р. 80 к., зимой 3 р. 50 к.; пара цыплять 40 и 50 к., гусь 1 р. 50 к. и 1 р. 80 к. — Дичина довольно дорога: пара тетерекъ отъ 1 р. 80 к. до 2 р. 50 к., пара куропатокъ 1 р. 20 к., заяцъ 80 к. и рубль. Рыбу привозятъ въ Дерптѣ съ Чудскаго озера и изъ другихъ озеръ. Въ Эмбахѣ мало рыбы, по весной, во время разлива, много ловится щукъ и тогда онъ не дороги. Иногда попадаются еомы, по вѣроятно, они заходятъ изъ озера Вирца. Въ Дерптѣ можно имѣть сиговъ, налимовъ, ряпушку, ершай, окуней, лещей, карповъ и угрей. Судаковъ привозятъ зимою и они довольно дороги. Раковъ въ окружныхъ озерахъ довольно. Осетрину, бѣлугу и стерлядь въ Дерптѣ не возятъ, и кому

бываетъ нужно, выписываютъ ихъ изъ Петербурга или изъ Риги. Зимой привозится небольшое количество зернистой и паюсной икры и лососины. Овощи продаются пурами. Картофеля пура стоитъ 1 р. 50 к., моркови и свеклы 2 р.; брюкву, рѣпу, петрушку, пастарнакъ продаютъ сотнями. Капуста 5 р. за сотню кочановъ. Впрочемъ цѣны часто перемѣняются.

Ближайшія къ городу мызы Ратгофъ, Техельферъ, Карлово, и другія. *Ратгофъ* принадлежитъ г. Липгарту; здѣсь заведенъ скотный дворъ и для него выписаны лучшія породы рогатаго скота. Для управляющаго скотнымъ дворомъ выстроенъ домикъ въ Швейцарскомъ вкусѣ. Мнѣ не удалось осмотрѣть тамошняго заведенія подробнѣ, а потому я и не распространяюсь объ немъ.

Техельферъ, отъ города въ верстѣ разстояніемъ, принадлежитъ барону Вульфу. Господскій домъ старый, одноэтажный, деревянный; при немъ большой садъ, на который не обращаютъ должнаго вниманія и потому онъ довольно запущенъ. Передъ домомъ роща, въ родѣ парка, и въ ней проложено нѣсколько дорожекъ; кромѣ большихъ деревьевъ насыженъ здѣсь разный кустарникъ; выстроено нѣсколько бесѣдокъ и во многихъ мѣстахъ разставлены скамейки. Лѣтомъ городскіе жители прѣезжаютъ и приходятъ въ Техельферъ пить чай, єсть кислое молоко и гулить. Хозяйственныя строенія въ Техельферѣ всѣ каменные. Въ полуверстѣ отъ дома есть родникъ и вода въ немъ прекрасная и вкусная. Лѣсу близко нѣть и кругомъ поля, засѣянныя картофелемъ и хлѣбомъ. Техельферъ находится на горѣ, а отъ того лѣтомъ здѣсь воздухъ чистый, здоровый,

и жить здѣсь вѣсма прѣятно. Саженяхъ въ двухъ стахъ, подъ горою, течетъ Эмбахъ. Помѣщикъ живетъ въ Техельферѣ рѣдко.

Мыза г-на Булгарина, *Карлово*, также на горѣ. Главный фасадъ дома обращенъ къ городу. Домъ въ Карловѣ обширный, красивой архитектуры и расположенъ удобно. Легко можетъ въ немъ помѣститься нѣсколько семействъ. Два сада съ прекрасными оранжереями. Когда г-нъ Булгаринъ купилъ Карлово, въ немъ все было запущено и разстроено. Употребивъ нѣсколько лѣтъ на устройство Карлова, нынѣшній помѣщикъ привелъ его въ цвѣтущее состояніе. Кромѣ рощи, около Карлова пѣть лѣса; за то при Карловской мызы довольно земли, и даже часть Дерпта выстроена на земль, принадлежащей г-ну Булгарину. Съ Карловской мызы получаетъ онъ до 15,000 р. дохода.

Саракузъ, другая мыза г-на Булгарина, въ пятнадцати отъ Дерпта. Туда можно плыть по Эмбаху иѣхать сухимъ путемъ. Проѣзжая сухимъ путемъ встрѣчаешь корчмы и мызы, въ которыхъ пѣть недостатка въ Лифляндіи. Версты за три отъ Саракуза мыза *Лунія*, бывшее помѣстие фельдмаршала графа Мишиха. Бѣхавъ изъ Дерпта, па лѣвой сторонѣ близъ Луніи видите часовню, подъ которой фамильный склепъ Миниховъ: здѣсь останки славнаго фельдмаршала. Поучительна была судьба его. Начавъ службу свою въ Россіи въ 1721 году, Минихъ постепенно возвышался, и въ царствованіе Анны Иоанновны, осыпанный почестями, былъ въ числѣ первыхъ вельможъ при Дворѣ и полководцомъ на ратномъ полѣ. По видимому поклонникъ Бирона, но въ душѣ заклятой врагъ его, послѣ смерти

Анны Иоанновны, отъ свергъ временщика; даже самъ начерталъ планъ дома, гдѣ хотѣлъ навсегда заключить его, являемъся при Аннѣ Леопольдовнѣ на верху почестей. Съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны Минихъ сосланъ въ ссылку съ Остерманомъ, Головкинымъ, Левенвольдомъ и многими другими. По странному стечению обстоятельствъ, домъ, построенный имъ для Бирона въ Целымъ, сдѣлался его жилищемъ. Но Минихъ былъ счастливъ своихъ товарищъ. Остерманъ и Головкинъ умерли въ ссылкѣ, а Минихъ, по восшествіи на престолъ Петра III-го, былъ возвращенъ и освобожденъ милостями, оставался вѣренъ Императору до самой кончины, потомъ служилъ Екатеринѣ II-й и скончался на 85 году. Часовня находится на возвышенномъ мѣстѣ, обсажена елями и видна издалека. Нынѣ Лунія принадлежитъ правнучку Миниха, барону Нолкену. Тутъ господскій домъ, съ садомъ и паркомъ; хозяйственныя заведенія и скотный дворъ хорошо устроены. Отъ хавъ отъ Луніи съ полверсты надобно переправляться чрезъ Эмбахъ и отсюда видѣнъ уже Саракузъ. Прекрасный, каменный двухъ-этажный домъ, устроенный хозяйственнымъ образомъ, замѣтенъ далеко. Всѣ службы и молочня выстроены новые. При домѣ садъ и паркъ. Рѣка Эмбахъ, претекая черезъ Саракузъ, придаетъ ему живописный видъ. Во второмъ этажѣ дома сдѣланы балконы на двѣ стороны, и съ нихъ прелестный видъ на окрестности, усыпанныя мызами, между коими извивается рѣка Эмбахъ, покрытая плывущими по ней лодками и барками. Далеко расширяются тутъ поля съ хлѣбомъ. Лѣтомъ въ Саракузѣ можно разнообразить прогулки. Кругомъ лѣсь

и не далеко отъ мызы Псковская дорога. Верстахъ въ двухъ отъ Саракуза мыза Мекса, принадлежащая г-ну Лингарту.

Мыза Куколинъ лежитъ отъ Дерпта въ 17-ти верстахъ; 15-ть надобноѣхать по Ревельской дорогѣ, а потомъ своротить въ правую сторону. Мало видѣла я такихъ прелестныхъ мѣстоположеній. Домъ и весь строенія на возвышеніи, при озерѣ, которое въ окружности семь верстъ. Съ другой стороны роща и небольшая гора. Верстахъ въ двухъ отъ Куколина мыза Садіевъ, также у озера. На другомъ берегу его видны мызы и вдали Лютеранская церковь при мызе Мариенгофъ. Жаль, что такое прекрасное мѣсто, какъ Куколинъ, почти вовсе заброшено. Прежде принадлежала онъ богатому помѣщику. Господскій домъ деревянный и уже начинаетъ разваливаться. Службы новыя, но расположены не удобно и сырья. Два сада съ плодовитыми деревьями. Безъ надлежащаго присмотра все приходитъ въ упадокъ. Нынѣ Куколинъ принадлежитъ незначительному владѣльцу, который отдаетъ его на аренду. Говорятъ, что Куколинъ приноситъ мало дохода, а потому не покупается его какой нибудь богатый помѣщикъ. Половина близъ лежащаго озера принадлежитъ Куколину, а другая мызъ Садіевъ; въ озерахъ хорошая вода и довольно рыбы; есть окунь, щуки, ряпушка и раки, только не крупные. Лѣтомъ, живя на мызѣ, можно за сходную цѣну доставать всѣ припасы, кроме говядины, которую надобно закупать въ городѣ. Изъ окрестныхъ деревень приносятъ яича, масло, цыплятъ, дичину, рыбу и большихъ вкусныхъ раковъ. Въ Куколинѣ и Садіевѣ есть огороды, где можно пользоваться зеленью. Еслибы Куколинъ былъ

хорошо устроенъ, то нельзя было бы выбрать пріятнѣе мѣста для загороднаго житья. Сколько можно имѣть здѣсь сельскихъ удовольствій — рыбная ловля, охота, катанье по озеру, купанье, прогулки по окрестностямъ могутъ пріятно разнообразить время. Нѣсколько времени жила я въ Куколинъ и потому хорошо знаю мѣста, его окружающія. Кроме обширнаго сада и другаго нѣсколько поменьше, самая ближайшая прогулка тутъ въ рощу, прилегающую къ саду. До мызы Садіевъ отсюда не болѣе двухъ верстъ, и тамъ можно гулять въ саду, паркѣ и на мызѣ. До Маріенгофа четыре версты. Здѣсь замѣчательна старинная кирха, на которой, вмѣсто креста, или какъ на нѣкоторыхъ киркахъ, пѣтуха, видѣнъ рыцарь, съ обнаженнымъ мечемъ въ одной руцѣ и съ крестомъ въ другой. Мѣстоположеніе Маріенгофа измѣненное и сырое. По дорогѣ къ нему надобно проходить черезъ большую Чухонскую деревню, выстроенную какъ наши Русскія. При входѣ въ деревню видите огромный камень, вышиною сажени полторы, а въ окружности болѣе трехъ сажень. Есть еще одно мѣсто замѣчательное по своимъ видамъ. Идя въ Садіевъ, на половинѣ дороги надобно поворотить вправо, на мызу Эллесферъ. Дорога, то подымается на пригорки, то спускается въ узкія долины. Пройдя версты две и поворотя въ правую сторону, видите высокій курганъ, поросшій небольшими деревьями и кустарникомъ. Хотя замѣты еще кой-гдѣ стувени, сдѣланныя для всхода на него, однако же взойти довольно трудно. Видъ съ кургана прелестный: видны мызы Куколинъ, Садіевъ, Эллесферъ и три озера. Около кургана прекрасныя мѣста, которыхъ безъ большаго труда

и искусства можно бы обратить въ Апглійскій садъ. Въъзжа въ Куколинъ, на лѣвой сторонѣ видѣнъ также курганъ, съ высокими деревьями. На немъ прежній помѣщикъ Куколина похоронилъ трехъ любимыхъ своихъ лошадей.

Я уже упоминала, что Лифляндія изобилуетъ корчмами. Отъ Куколина до Дерпта построены четыре корчмы. На десятой верстѣ отъ Дерпта живетъ корчмаръ Французъ, солдатъ Наполеоновской арміи. Онъ былъ взятъ въ пленъ, остался въ Лифляндіи, женился на Чухонкѣ, но все еще бережеть свой мундиръ и любить говорить на родномъ языке о великихъ событияхъ, въ коихъ самъ бытъ дѣйствующимъ лицомъ.

Мыза Камби, въ восемнадцати верстахъ отъ Дерпта. Мѣстоположеніе и окрестности красивы. Камби замѣчательна еще по минеральному источнику; я пила его воду, вкусъ которой желѣзноватый; температура воды очень холодна, и кажется, должна имѣть сильное дѣйствіе. Дерптскіе медики советуютъ больнымъ жить въ Камби, пить тамошнюю воду и брать изъ нея ванны.

Коренные жители съверо-восточной части Лифляндіи Чудь, или Чухлы. Сколько политическихъ переворотовъ пережили они и между тѣмъ остались тѣми же дикарями, какъ были за нѣсколько вѣковъ, исключая христіанскую религію, которую съ мечемъ въ рукахъ заставили иксъ принять Меченосцы. Не входя въ ученые изслѣдованія, осмѣливаюсь сказать, что о Чухнахъ нельзя судить такъ, какъ о другомъ народѣ. Живя столько вѣковъ въ рабствѣ у рыцарей и другихъ повелителей и не имѣя гражданственности, они не могли развиться политически и

развить свои умственные способности. Говорятъ, что Чухны глупы, но митъ кажется этого сказать нельзя. Нрава они тихаго, беспечны, лживы, упрямы, и вѣчно какъ будто въ усыпленіи, но изъ нихъ выходятъ хорошия ремесленники, смѣтливые торговцы, управители, лѣсники, чиновники и есть изъ нихъ даже образованные люди. На Чухнахъ остался отпечатокъ первобытныхъ временъ, когда рабство, перемѣна властителей, неувѣренность въ собственности опредѣлили характеръ народный, совсѣмъ особенный отъ другихъ племенъ. Чухны исповѣдуютъ Лютеранскую религию; есть между ними и Геригутеры. Вообще Геригутеры всѣ строгой нравственности и прымѣрной честности, да и всѣ Чухны набожны, почитаютъ священнымъ долгомъ каждый годъ приобщаться Святыхъ Таинъ, а нѣкоторые и по два раза въ годъ. Въ праздничные и воскресные дни ходятъ они къ обѣди, кому только есть возможность.

Междуди Чухнами Лифляндской и Эстляндской губерній замѣтна большая разница. Такжे и въ языке есть различіе: Ревельские Чухны съ трудомъ понимаютъ Дерптскихъ. Даже между Лифляндскими Чухнами пѣсколько разныхъ нарѣчий. Чухны рѣдко живутъ деревнями, а по большой части селятся двора два или три вмѣстѣ, и чаще всего видите одинъ дворъ. Къ нѣкоторымъ мызамъ приписано ихъ душь по 500, а деревни не видно: хижины разбросаны по разнымъ мѣстамъ, болѣе около лѣсовъ. Избы Чухонскія темны и неопрятны; окошки въ нихъ крошечныя и тѣхъ мало. Половъ дощатыхъ нѣть, а все земляные; исключенія въ семъ случаѣ весьма рѣдки. Въ избѣ печь, въ сѣняхъ о-

чагъ; инѣгда бывають очагъ и печь вмѣстѣ — печь внизу, очагъ сверху или съ боку. На очагъ всегда огонь, падь которымъ виситъ котель съ водою. Хорошо, если гдѣ есть столъ; и того часто не бываетъ и лавки и подмостки, вмѣсто кровати, составляютъ всю мебель. Въ домашней посудѣ у Чухонца также нѣтъ прихоти: нѣсколько чашекъ, горшковъ и ложекъ — вотъ вся хозяйственная утварь его. Лѣтомъ Чухны живутъ въ анбарахъ, а кушанье готовятъ въ шалашахъ, сложенныхъ конусообразно изъ жердей; по срединѣ такого шалаша котель, гдѣ варятъ кушанье. Пища, употребляемая Чухнами состоитъ изъ овощей, кислого и прѣснаго молока, сельдей и ракушки. Одежду мужчинъ составляютъ камзолъ, короткіе по колѣну панталоны, чулки и башмаки, которые шьются они особеннымъ манеромъ: выкраивають по величинѣ ноги овальный лоскутъ кожи, большую частью невыѣланной; кругомъ нарезываютъ дырочки, вѣбають въ нихъ ремень или веревочку, размочивъ въ водѣ натягиваютъ на колодку и засушиваютъ. Такіе башмаки прикрѣпляются къ ногамъ ремнемъ или бечевкой и Чухны называютъ ихъ порши. Сверхъ всего надѣваются кафтанъ изъ домашняго сукна. На головѣ шляпа съ большими полями, зимой съ ушами шапка. Женщины носятъ корсетъ и юбку; корсетъ дѣлаютъ наиболѣе шерстяной. Замужнія носятъ родъ чепчика, а девки заплетаютъ волосы въ двѣ косы и обиваютъ вокругъ головы. Иныя носятъ волосы такъ же какъ мужчины, то есть распускаютъ ихъ по плечамъ, и при такомъ уборѣ женщины надѣваютъ шитый шелкомъ или гарусомъ калпачекъ, крѣпко накрахмаленный, собранный на концѣ и совершен-

но похожий на хвостъ птицы. Въ некоторыхъ мѣстахъ мужчины, женщины и девки равнѣю носятъ круглые шапки, а волосы распускаютъ по плечамъ. Замужнія Чухонки носятъ украшенія на груди, въ видѣ воронки, только безъ носка, богатыя серебряными, а бѣдныя оловянными; это украшеніе называются *селець*, и на немъ бываютъ вырезаны разные узоры; иногда селецъ стоять рублей сидцать и больше.

Жилища Чухонъ огорожены частоколомъ, но они не такъ его дѣлаютъ, какъ Русскіе, а кладутъ жердочки вкось. Кругомъ избы видите хлѣбъ для скота, сарай, огородъ. Крестьяне Чухонцы держать скота мало, за неимѣніемъ собственныхъ луговъ; однакожъ у нихъ есть головъ до 15-ти рогатой скотины и овцы и по несколько лошадей. Всѣ земли въ Лифляндіи принадлежать помѣщикамъ; крестьяне имютъ небольшіе участки для земледѣлія и сѣнокоса. За то они обязаны работать на помѣщика, или какъ у насъ говорится, «быть на барщинѣ.» Подушная и всѣ повинности за крестьянъ отправляется помѣщикъ, собравъ деньги предварительно съ крестьянъ. Иногда случается, что господинъ, когда задолжаетъ ему крестьянинъ, обираетъ у него скотину и все имущество, и онъ долженъ идти въ работники.

Помѣщики въ Лифляндіи довольно свѣдущи въ сельскомъ хозяйстве; земледѣліе доведено до большаго совершенства. Кроме разныхъ родовъ хлѣба, много садятъ картофеля, изъ котораго, кроме употребленія въ пищу, гонять вино. Винокуреніе составляетъ одинъ изъ главныхъ доходовъ Лифляндскихъ помѣщиковъ, а потому при каждой мызѣ есть

винокурня. Риги вездѣ построены удобно. Мельницы по большой части вѣтряныя и водяныхъ мало. Минь кажется, устройство мельничныхъ крыльевъ въ Эстляндіи лучше, нежели у насъ въ Россіи. Крылья здѣсь дѣлаются слѣдующимъ образомъ: по перегъ крыла утверждены жердочки, на четверть или болѣе одна отъ другой разстояніемъ, что со-ставляетъ рѣшетку. Къ верхнему поперечному бру-су, приколачивается парусина, длиною во все кры-ло, и ее можно свертывать, посредствомъ веревки, прикрѣпленной къ нижнему концу, все равно, какъ паруса, и смотря по силѣ вѣтра берутся рифы, такъ, что можно распустить четверть, половину или всю парусину.

Почти при каждой мызѣ есть скотные дворы, но скотъ Лифляндскій не лучшихъ породъ и очень ме-локъ. Нельзя сказать чтобы и присмотръ за нимъ былъ рачительный. Чистоты въ хлѣвахъ, необходи-мой для скота хорошей породы, не наблюдаются. Также нѣть и хорошихъ выгоновъ: лѣтомъ пасутъ скотину по перелѣскамъ или на болотистыхъ мѣ-стахъ. Вообще въ Лифляндіи много болотъ и вла-дѣльцы земель не берутъ ни какихъ мѣръ къ ихъ осушенію, и хотя въ иныхъ мѣстахъ прорыты канавы для стока воды, но этого недостаточно. Главною причиною въ семъ случаѣ полагаютъ недостатокъ рукъ, обращаемыхъ преимуществен-но на земледѣліе и обработку картофеля. На зи-му помѣщики берутъ отъ торговцовъ скотомъ бы-ковъ и откармливаютъ ихъ, что называется: «ста-вить на барду.» Птичныхъ дворовъ нѣть, хотя на каждой мызѣ разведено бывать по немногу дворо-вой птицы.

Протѣзкая по двѣ осени сряду Дерптскою дорогою, подъ Нарвою видѣла я многочисленныя стада гусей. Я замѣтила еще, что сжатый хлѣбъ, пока онъ не убранъ съ поля, складываются здѣсь другимъ манеромъ, нежели у насъ: дѣлаются козлы изъ жердей и на нихъ кладутъ споны, такъ, что воздухъ проходитъ свободно, а если хлѣбъ въ круглыхъ кониахъ, то ставятъ жерди конусомъ и на нихъ кладутъ споны, на четверть отъ земли. Наблюдатель могъ бы много замѣтить здѣсь полезнаго. Мое намѣреніе при описаніи Дерпта было, хотя посредствомъ слабыхъ очерковъ, познакомить, сколько нибудь жителей другихъ губерній съ Лифляндіею, столь различною отъ другихъ мѣстъ Россіи, и напохъ¹ кого-нибудь, кто видѣлъ

ПРОГУЛКА

ИЗЪ ДЕРПТА ПО ЧУДСКОМУ ОЗЕРУ.

Давно мнѣ хотѣлось посмотрѣть Чудское озеро и Русскія заселенія, разбросанныя по берегу; наконецъ я нашла удобный случай удовлетворить своему любопытству. Восьмого Сентября бываетъ въ Дерпте ярмарка, на которую съезжаются Чухонцы и проплываютъ лодки изъ Русскихъ деревень, лежащихъ по берегу Чудского озера. Русскіе привозятъ рыбу, лукъ, клюкву, иногда картофель и капусту, также глиняную посуду, которую закупаютъ они во Псковѣ. Чухонцы пригоняютъ скотъ, привозятъ деревянную посуду, масло, яицы, курь, цыплятъ, свиней, рожь, крупу. Ярмарка бываетъ одинъ день; на другой, закупивъ нужное, всѣ разъѣзжаются; я усоловилась съ хозяиномъ одной лодки, и онъ за бездѣлицу согласился довезти меня до своей деревни, верстахъ въ тридцати отъ Дерпта.

Въ три часа послѣ обѣда мы поплыли. Лодка нагружена была рожью и пустыми бочками изъ-подъ рыбы.

Насъ было шесть человѣкъ: хозяинъ лодки, товарищъ его съ сестрой, мальчикъ и двое пассажировъ, я и еще одинъ изъ моихъ знакомыхъ. Вѣтеръ былъ противный; паруса поставить было нельзя; мы шли

на гребль и въ некоторыхъ мѣстахъ тянулись бичевой. Берега Эмбака низки, довольно живописны; по обоимъ берегамъ рѣки часто встречаются мызы, корчмы, мельницы; тамъ и сямъ разбросаны хижини Чуконцовъ; вдали видѣнъ лѣсъ. Отплывши около десяти верстъ причалили къ берегу. Я и мой спутникъ пили чай на мызе Кабель, а хозяинъ лодки съ товарищами ужиналъ. Здѣсь еще положили нѣсколько мышковъ ржи и посадили женщину. «Пора въ путь!» говорилъ хозяинъ, и мы снова поплыли.

Начинало смеркаться; бичевозо идти было нельзя: часто встречались заливы, которые обходить было неудобно, а потому мы плыли на гребль. Въ восемь часовъ мы остановились у мызы Мексы; гребцы устали и имъ надобно было отдохнуть. Возле пристани стояла корчма, но въ ней нельзя было подумать объ ночлегѣ: она была набита народомъ, возвращавшимся съ ярмарки. Нѣсколько лодокъ стояло у берега; въ нихъ были все женщины; мужики ушли въ корчму, пили, пѣли, плясали, свистѣли соловьевъ, словомъ — разгуль былъ въ полномъ разгарѣ.

Ночь была темная. Мой спутникъ, молодой человѣкъ, легъ спать въ лодкѣ. Я же могла спать: мнѣ новъ быть такой ночлегъ — на водѣ, подъ яснымъ небомъ, усыпаннымъ звѣздами, которые отражались въ рѣкѣ. Мало по малу съверная сторона неба начала вспыхивать; подобное тому бываетъ въ Іюль и Августъ и называется зарницей. Но это было начало съверного сіянія, которое продолжалось часа три и было довольно велико; столбы, то появлялись, то исчезали, и наконецъ все слилось въ огромную

огненную полосу. Казалось, духи тмы спорили съ небомъ, ярились, метались на небо, но невидимая рука опрокидывала ихъ; въ безсильной злости, они падали, снова устремлялись на небо, краснѣли, багровѣли отъ ярости, и поглощаемые новымъ приливомъ света, исчезали. Въ темную ночь, на водѣ, подъ открытымъ небомъ, какое-то необыкновенное чувство западаетъ въ душу человѣка: и грусть и наслажденіе; кажется, болѣе чувствуешь временную жизнь на землѣ и призывъ въ вѣчность.

Мало по малу шумъ стихалъ; всѣ возвращались къ своимъ лодкамъ; некоторые поплыли, другие легли спать. Въ два часа все ожило на лодкахъ. По Русскому обычая умылись, помолились Богу и пустились въ путь. Всѣ прибрежные жители Чудского озера такъ привыкли къ водѣ, что для нихъ все равно день или ночь, но для меня это было нѣобыкновенно. Еслибы взошла луна, все было бы веселѣе, а то кругомъ вода, темная ночь, и только звѣзды, какъ недремлюющіе очи Божіи, отражались въ рѣкѣ. Тишина нарушенна была только всплесками воды отъ веселъ и пѣніемъ пѣтуховъ въ деревняхъ, мимо которыхъ мы проѣзжали. Но вотъ занялась заря, востокъ заалѣлъ, предметы стали явственнѣе. Когда мы приплыли къ озеру, солнце выкатилось на горизонтъ и освѣтило безпредѣльное пространство воды; отражаясь въ ней, оно играло, искрилось, и озеро блестѣло, какъ исполнинское зеркало.

Думала ли я, что черезъ тридцать пять лѣтъ опять буду переплывать большое озеро? Но тогда переехала я Байкалъ, а теперь Чудское. Чудское озеро въ старину называлось *Пейпусъ*; лежитъ меж-

ду Псковскою, Санктпетербургскою и Лифляндскою губерніями; принимаетъ рѣку Эмбахъ, текущую изъ озера Виргъ, а изъ сѣверной его стороны вытекаетъ рѣка Нарова; къ югу же оно соединяется съ Псковскимъ озеромъ. Люблю я эту непостодинную стихію, гдѣ легіоны съдыхъ валовъ убийственныхъ борьбою, гонятся одинъ за другимъ, стараются опередить другъ друга, и девятый валъ съ глухими рапотомъ бѣжитъ въ сѣдь за ними. Вътеръ крѣпчалъ. Поставили парусъ; волненіе было довольно сильное. Лодка ваша нырала по изрытому валами озеру, то подымалась, то опускалась; гребцы легли спать, а хозяинъ лодки правилъ рулемъ.

Всѣ снали. Одинъ кормчій стоялъ у руля и пѣть какую-то пѣсню. Я любовалась окрестными видами. Съ лѣвой стороны видѣнъ вдалекъ отлогій берегъ, съ разбросанными селеніями; впереди, верстахъ въ двадцати, на выдавшемсяъ мысѣ, называемомъ жителями Нось, бѣжалась церковь; съ правой горизонтъ сливался съ водою. Проплыvши верстъ десять, мы пристали въ селеніи Кольки, мѣстѣ жительства нашего хозяина. Озеро саженей за двадцать отъ берега немноже глубже полуаршина, а потому надобно идти въ бродъ, какъ это дѣлаютъ жители, но я отказалась послѣдовать ихъ примѣру; услужливый хозяинъ прѣѣхалъ въ телегѣ и перевезъ меня на берегъ. Озеро мало по малу оттесняетъ жителей все дальше; старожилы заicomнятъ еще, что гдѣ теперь вода, тамъ стояло селеніе. Всѣ селенія, лежащія по берегу Пейпуса, населены Русскими; почти всѣ переселенія ихъ изъ Россіи, думаю, относятся къ временамъ Алексія Михайловича и Петра I. Я старалась узнать отъ жителей: нѣтъ ли между ними пре-

дания, когда они здѣсь поселились, но они сами ничего не знаютъ, а говорятъ: «отцы и дѣды наши здѣсь жили.» Давно не видала я такого чисто-Русскаго поколѣнія: они сохранили свой языкъ, свои обычай, одежду; почти все они великорослы, сильны, съ русыми волосами; у дѣтей же волосы точно ленъ; отъ дѣятельной жизни видно проворство во всѣхъ ихъ движеніяхъ.

Главный промыселъ жителей береговыхъ деревень рыбная ловля. Озеро неистощимый родникъ, откуда они получаютъ пищу и все нужное. Шейпуть оби-
лѣнъ рыбой; сиги, щуки, лещи, ряпушка, ерши, окуни, караси ловятся всегда, а сѣтки только въ-
свой, къ Мать мѣсяцъ; тогда они появляются въ та-
комъ множествѣ, что по словамъ рыбаковъ, на одинъ
неводъ въ недѣлю нерѣдко выручаютъ 1000 руб-
лей. Часть ихъ приготовляютъ на мясо, а оставль-
ное продаютъ прѣѣжающимъ изъ Гдовы, которые
отвозятъ ихъ свѣжихъ домой, потомъ сушатъ и пер-
сыпаютъ солью. Сушеные караси и соленые окуни
отвозятъ всегда въ Псковъ. Ряпушка, любимая ры-
ба Чухонъ, привозится во множествѣ въ Дерптъ;
начиная съ весны до осени, она составляетъ глав-
ную пищу жителей. Береговые жители Шейпуса все
рыбаки, съ тою только разницей, что одни пре-
мущественно занимаются ловлею, а другие скупаютъ
у нихъ, солятъ, сушатъ, или свѣжую развозятъ по
разнымъ мѣстамъ. Также не маловажный торгъ ве-
дутъ здѣшніе жители лукомъ, который они садять
въ большомъ количествѣ, такъ, что иногда одно се-
мейство выручаетъ до 500 рублей; его разводятъ
по Чухонскимъ деревнямъ и прилавляютъ въ Дерптъ.
Иногда продаютъ картофель и капусту, только очень

мало; остальные же овощи садять для домашняго употреблениія.

Почва щещаная и крупнаго льса близко ить; годный для употреблениія верстъ за пять отъ берега. Дичи довольно, но жители мало занимаются зовдею итицъ; тетерки, рябчики, утки, лебеди, журавли водятся около Пейпуса. Садовъ, по недостатку земли, не разводятъ, а дике-произрастающихъ ягодъ довольно, клюквы, брусники, голубицы, рябины. Изъ двороваго скота держать коровъ и свиней, которыхъ есть въ каждомъ домѣ; лошадей не вѣсъ имѣютъ; землемѣръ никто не занимается; изъ дворовыхъ итицъ держать только гусей и куръ, и то немногого. Съють въ небольшомъ количествѣ ленъ и конопля, а больше привозятъ изъ Пскова; шенька идетъ на сѣти и невода; въ каждомъ домѣ видишь самопрялку и вездѣ вязутъ сѣти; девочки лѣтъ восьми уже занимаются этой работой. Деревни хорошо выстроены и совершенно въ Русскомъ вкусѣ; окна украшены рѣзьбой; ставни выкрашены, по большей части красной краской; кровли покрыты тесомъ или черепицей, меньшая часть соломой.

Въ первый день нашего прѣѣзда мы прогуливались по берегу озера и по окружнымъ деревнямъ. На другой было воскресенье и мы вошли въ Ноосову деревню, название свое получившую отъ мыса, на которомъ она выстроена и который жители называютъ Нось. На мысѣ, смыываемомъ волнами озера, выстроена каменная церковь, во имя Покрова Пресвятаго Богородицы, и каменный домъ для священника и церковнослужителей. Службы въ тотъ день не было: священникъ уѣхалъ по дѣламъ въ Псковъ; мы просили позволенія осмотрѣть церковь

и нашли вездѣ чистоту и порядокъ; только ризиница очень бѣдна и мало церковной утвари. Не имѣя времени долго оставаться, я не захотѣла быть въ другихъ деревняхъ, которыхъ видны изъ Носовой, Красныхъ Горы и Родчина. Первая хорошо выстроена, сколько я могла судить издали; въ ней есть каменные дома, и говорять, всего болѣе ста дворовъ. Всѣхъ деревень двадцать восемь, а въ нихъ тысяча двадцать жителей. Возвратившись въ Кольки, послѣ обѣда мы пошли смотрѣть хороводы. Молодыя женщины и дѣвки, разрядившись, ходили съ пѣснями по улицѣ; мужики, собравшись группами, толковали о дѣлахъ; молодые парни, въ плисовыхъ кафтанахъ, поглядывали на красавицъ съ русыми косами, укращенными разноцвѣтными лентами.

Радушный хозяинъ нашъ старался все выказать съ лучшей стороны и говорилъ: «Еслибы вы пріѣхали къ намъ зимой, когда народъ весь собирается, тутъ-то у насъ гулянья, а лѣтомъ половина жирафей въ разбродахъ.» Почти всѣ изъ жителей Русскихъ деревень, кромѣ рыбнаго промысла, ремесленники, маляры, каменщики, штукатуры, плотники; лѣтомъ расходятся на работу, особливо изъ большихъ семействъ, а зимою собираются домой, ловятъ подводную рыбу или торгуютъ по деревнямъ. Пріятно смотрѣть на ихъ жизнь, чуждую всѣхъ приностей, которыхъ намъ, жителямъ городовъ, сдѣлались необходимы. Нашъ хозяинъ бѣдный человѣкъ: все его имущество состоить въ небольшой избѣ и лодкѣ, но онъ доволенъ своею участю и благодарить Бога. «Да, что мнѣ еще надобно? Я ни въ чемъ не нуждаюсь. Вотъ хоть бы въ теперешнюю поѣзdkу, мы съ товарищемъ раздѣлили по сороку руб-

лѣй. Богъ дасть, поѣду въ Псковъ, куплю пеньки, муравленой посуды; посуду отвезу въ Юрьевъ, а пенька лишь бы была — чистый товаръ, барышекъ получиши!» Такъ говорилъ этотъ добрый человѣкъ, отецъ четверыхъ дѣтей.....

Всѣ звали насъ въ гости, стараясь подчигивать всемъ, что только у нихъ есть. Да, покушай рѣдимый! Перехвати чеого нибудь, голотой! Въ первый день нашего прїзыва вытопили баню и просили пойдти попариться, какъ водилось въ старину у Русскихъ. Хоть бы вы недѣльку у насъ погостили! говорили намъ многіе.

Я спрашивала у мальчиковъ: знаютъ ли они сказки? Да знаемъ,» сказалъ одинъ изъ нихъ, «а вотъ кабы моя матушка, такъ она много знаетъ всякихъ сказокъ, о царяхъ, короляхъ, о Натальѣ Золотой Косѣ.»

Мы не могли оставаться долго въ Русскихъ деревняхъ и наняли пару лошадей; извощикъ нашъ былъ Чухонецъ. Отъ Носовой деревни до Дерпта считается сорокъ верстъ, но верстъ нѣть и это невѣрно, водою же болѣе пятидесяти. Въ семь часовъ поутру, простишись съ добрыми нашими хозяевами, мы отправились, и въ пять часовъ по полудни были уже въ Дерпѣ. Въ продолженіе нашего пути извощикъ нѣсколько разъ останавливался кормить лошадей. Чухонцы кормятъ часто, но стоять не долго, не болѣе получаса. Лошади у нихъ небольшія, но сильныя и бѣгутъ хорошо; телѣги не такъ удобны, какъ у Русскихъ; съ трудомъ можно сидѣть двоимъ въ рядъ. Мы много проѣзжали Чухон-

* Простой народъ иначе не называетъ Дерпта.

скихъ селеній. Избы въ нихъ черныя, съ маленькими окнами, едва пропускающими дневный свѣтъ. Чухонцы довольно держатъ скота. Поля у нихъ хорошо обработаны, хотя почти невѣроятно, какъ можетъ хорошо родиться хлѣбъ на такой каменистой почвѣ.

Съ удовольствиемъ совершила я это маленькое путешествіе. Почтеннымъ изслѣдователямъ стариннаго Русскаго быта можно было бы много узнать любопытнаго между Русскими жителями береговъ Пейпуса. Я замѣтила много старинныхъ словъ. Такоже достойна похвалы простота въ жизни, чуждая всякихъ нововведеній и роскоши. Всѣ здѣсь здоровы, сильны, проворны, смѣлы; веселая беззаботность видна на лицахъ.

Заключу мое описание разсказомъ нѣкоторыхъ чертъ образа жизни. Когда мы прїехали въ селеніе, при выгрузкѣ изъ лодки осталось нѣсколько мѣшковъ ржи и разныхъ вещей не выгруженными, потому что хозяева еще не прїезжали съ ярмарки; двое сутокъ прошло и все это оставалось въ лодкѣ. Я говорила своему хозяину, что могутъ украсть. «У насъ этого нѣть,» отвѣчалъ онъ — «наши не тронутъ. Что жь найдутъ братъ? Не самому же мнѣ развозить по домамъ: и за то спасибо, что привезъ.» Вотъ еще одна прекрасная черта: здѣсь есть обычай при ловлѣ рыбы послѣднюю тоню закидывать на сиротъ, и когда прїедутъ съ ловли, бѣдные собираются и дѣлятъ между собою свою часть. Я спрашивала у дѣтей: знаютъ-ли они молитвы? и они читали мнѣ: Отче нашъ, Богородице дѣво радуйся, и многія другія. Кто учить васъ? спрашивала я. «Отецъ, мать, дѣлушки,» отвѣчали они. Вотъ нѣко-

торые слова, замѣченныя мною: лодку здѣсь называютъ ладья, мачту штырь, лешей шаберъ, мальчика малецъ, жителя жижаръ, кушанье горячее варка.

ВОСПОМИНАНИЯ

о

КУРСКЪ.

==

Мѣстоположеніе Курека очень хорошо. Половина города раскинута на горѣ, а другая при подошвѣ ея. Предмѣстія составляютъ слободы, Ямская, Пушкарская, Казацкая, Стрѣлецкая и Кожевенская. Когда прѣѣзжаете въ Курскъ по Московскому тракту, почтовая дорога идетъ черезъ Ямскую слободу, которая хорошо выстроена; въ ней довольно каменныхъ домовъ и церковь каменная; въ полуверстѣ отъ сей слободы, подъ самыми горедомъ, протекаетъ рѣка Тускорь, довольно большая; она снабжаетъ городъ водою. Поднявшись на такъ называемую Ямскую гору, вѣзжаете въ городъ чрезъ триумфальные ворота на Московскую улицу, которая лучше всѣхъ другихъ въ городѣ, и ведетъ прямо къ Знаменскому монастырю, прекрасно выстроенному, гдѣ находится чудотворная икона Знаменія Божіей Матери. Монастырь на самомъ возвышенномъ мѣстѣ города; кругомъ него, съ одной стороны присутственная мѣста, съ другой Гимназія и въ томъ же зданіи Уѣздное и Народное Училища. Видъ отъ монастыря къ рѣкѣ Тускори прелестный: подошву горы обтекаетъ Тускорь; за нею видна слобода Стрѣлецкая, съ ея маленькими домиками и ка-

менною церковью Николая Чудотворца. Съ другой стороны монастырской горы открывается вся нижняя часть города, съ слободами *Пушкарною* и *Казацкою*. Лѣтомъ, когда деревья одѣты зеленью, видъ превосходенъ. Спустясь съ горы, переѣзжаете чрезъ мостъ рѣчку *Курь*, отъ которой получилъ название Курскъ. Вода въ Курѣ не хороша и ея не употребляютъ въ пищу. Колодцы въ Курскѣ не въ каждомъ домѣ; воду берутъ изъ Тускори, а кто далеко живеть отъ рѣки изъ колодцовъ, которыхъ на улицахъ довольно. Весною Тускорь и Курь разливаются и Тускорь затопляетъ Стрѣлецкую слободу. Городъ выстроенъ порядочно; улицы вымощены, а прежде грязь составляла большое неудобство, и потому, не только мужчины, но и женщины, въ дурную погоду, ходили въ сапогахъ, съ палкою въ руку; теперь можно обойдтись и безъ такихъ принадлежностей, но къ чему привыкаютъ годами, то не скоро выйдетъ изъ обыкновеній, и нерѣдко удивите и нынѣ Курчанку въ сапогахъ и съ палкою.

Въ городѣ и слободахъ, съ двумя монастырями, мужескимъ и женскимъ, считается 15 церквей. Общественные зданія суть: присутственный мѣста, домъ Градскаго Общества (въ немъ помѣщаются Градская Дума, Магистратъ и Сиротскій Судъ), домъ Благороднаго Собранія, Гимназія, домъ Гражданскаго Губернатора, Градская Полиція, Госпиталь (принемъ есть отдѣленіе для ума лишенныхъ). Монастырь мужеской съ каменными кельями; въ немъ живеть архіерей епархіальный, который прежде живалъ въ Бѣлгородѣ. Фабрикъ никакихъ нѣть; есть заводы салотопенные, свѣчные, мыльные, кожевенные, воскобѣлильные, и заведенія для кро-

шения сандала. Одинъ изъ главныхъ промысловъ Курскихъ жителей торгъ скотомъ; скотъ закупаютъ они большою частію въ Малороссіи, и часть его бываютъ для кожъ и сала, а большую половину гонятъ гуртами въ Москву и Петербургъ. Другія отрасли промышленности составляеть торговля пенькою, медомъ, воскомъ, щетиною, табакомъ, пухомъ, лошадьми, смушкою или мерлушкою. Купцы и мѣщане съ небольшимъ капиталомъѣздятъ по деревнямъ и уѣзднымъ городамъ, закупаютъ означенные товары и потомъ продаютъ купцамъ торгующимъ гуртомъ. Для закупки мерлушки и табакуѣздятъ въ Малороссію и лучшею почитается мерлушка въ Рыштиловкѣ и Юнковкѣ.

Почти при каждомъ домѣ въ Курскѣ находится фруктовый садъ; есть обширные сады, доставляющіе хозяевамъ отъ 1000 до 5000 рубл. и болѣе въ годъ, не смотря на дешевизну плодовъ. Садовники не держать и хозяева домовъ сами занимаются садоводствомъ; каждый изъ нихъ умѣеть прививать, и знаетъ, какъ должно обходиться съ деревьями. Есть множество родовъ яблоковъ и груши, но стараются разводить лучшіе сорты; такими почитаются: *Антоновскія*, *Опортновыя*, *Титовскія* и *Добрый крестьянинъ* (bon chretien); изъ грушъ лучшія сорты: *Гданскія*, *Молдавскія*, *Безсплюнныя*, *Сахарныя* и *Трубчевскія*. Кроме яблоковъ и груши, составляющихъ главный доходъ садовъ, въ благословенномъ Курскомъ климатѣ изобильно растутъ бергамоты, разныхъ родовъ сливы, вишни, черносливъ; есть въ некоторыхъ садахъ черешня, бѣлая, красная и черная, также барбарисъ, но икъ мало разводятъ; за то въ изобиліи произрастаютъ всѣхъ родовъ кры-

жевникъ, смородина, малина. Кромъ яблоковъ и груши, прочихъ плодовъ никуда не вывозятъ. Курскъ можно назвать садомъ *России*, откуда везутъ плоды въ Москву, Петербургъ, Одессу. Въ концъ Мая и Июня, когда цветутъ деревья и покажется завязка плодовъ, прѣезжаютъ торговцы и откупаютъ сады; большая часть покупщиковъ являются изъ Серпухова. Трудно повѣрить дешевизнѣ плодовъ: въ урожайный годъ четверикъ яблоковъ стоять рубль и два, смотря какого сорта яблоки; груши самыхъ лучшихъ не дороже отъ одного рубля до трехъ; ведро сливъ 40 и 50 коп.; есть еще особенный родъ груши, употребляемый для квасу и сушенья, собственно такъ называемыя *груши* (всѣ прочие роды груши въ Курскѣ называются *дулями*). Квасъ этотъ приготовляется очень просто: насыпаютъ въ бочонокъ груши и потомъ наливаютъ водой; недѣль черезъ шесть выходить довольно пріятный напитокъ. Другой родъ груши употребляютъ для сушенья, и потомъ зимою варить ихъ въ водѣ и подаютъ вмѣсто пирожного въ посты, которые въ Курскѣ строго соблюдаются.

Климатъ въ Курскѣ благородстворенный здоровый; весною, когда цветутъ сады, воздухъ дышить иѣго; особенно прелестны вечера при заходѣніи солнца; тогда воздухъ, кажется, наполненъ ароматами, а по садамъ слышны трели соловьевъ. Что считается роскошью въ столицахъ и требуетъ большихъ издержекъ и трудовъ, въ Курскѣ вещь самая обыкновенная: это цветоводство; вѣжные роды цветовъ, розы, лилей, нарцизы, тюльпаны можно найти почти въ каждомъ саду. Многіе цветы, бывши однажды посажены, растутъ не требуя почти

никакого присмотра; изъ такихъ самые обыкновенные: пиона, розовыя, красныя и бѣлыя, разныхъ родовъ, прелестные, махровые колокольчики, воронецъ, осока. Изъ цвѣтушихъ деревьевъ и кустарниковъ сирень, бѣлая и синяя, бузина и душистое Божье дерево украшаютъ сады. Желательно бы видѣть иностранца въ весенній вечеръ въ Курскѣ. Онъ не назвалъ бы тогда Россіи ледяною страною.

Сѣстные припасы въ Курскѣ не дороги. Осенью говядина продается иногда по 5 копѣекъ за фунтъ, пара цыплятъ 40 и 50 коп., курица 40 и 50 коп., баранина и телятина также дешевы. Зимою, особенно къ Рождеству, привозятъ много живности, гусей, индѣекъ, поросль, куръ, утокъ и свинину тушами. Молокомъ снабжаетъ городъ слобода Ямская и частію другія.

Овощи болѣе привозятъ изъ деревень; въ городъ ихъ мало садятъ, за недостаткомъ земли, занятой садами. Огурцы продаются мѣрой, а не сотнями, и они очень дешевы: иногда бывають копѣекъ 30 и 40 за четверикъ. Въ Курскѣ называются гарбузомъ тыкву, а арбузъ кауномъ; дыни и арбузы съють на поляхъ, которая именуютъ бакча. Курскіе арбузы и дыни впрочемъ че такъ вкусны, какъ привозные изъ Астрахани, но они и не дороги; лучшій стоить рубль или немного болѣе.

Рыбы въ Курскѣ довольно; ее по большей части ловятъ въ рѣкѣ Семи, протекающей верстахъ въ пяти отъ города. Роды рыбъ суть слѣдующіе: карпы, лещи, язи, подлещики, волчки, щуки, лини, налимы. Раки въ Курскѣ большие, вкусные и ловятся въ изобиліи. Бѣлугу, осетрину сазановъ провозятъ съ Дона и изъ Саратова; обыкновенное и лю-

бимое кушанье Курскихъ жителей составляютъ су-
шеные судаки, которыхъ называютъ *сула*.

Большая половина жителей Курска ходить въ Русскомъ платьѣ, но многія женщины изъ купечес-
каго и мѣщанскаго сословій въ такъ называемомъ
ими *Нѣмецкомъ*, то есть, носять на головѣ вмѣсто
кички платокъ. Теперь во многихъ купеческихъ до-
махъ женщины и дѣвицы оставили *Русскую* и *Нѣ-
мецкую* одежду: одѣваются, какъ и вездѣ, въ длин-
нія платья, носятъ шляпки и чепчики; потому на
иной свадьбѣ, или въ какомъ нибудь собраніи, увидите
женщинъ въ разныхъ костюмахъ, что походитъ нѣ-
сколько на маскарадъ. Мужчины одѣваются въ Рус-
ское платье, оставляютъ бороду, волосы обстригаютъ
въ кружокъ, только и тутъ есть нововведеніе: нѣ-
которые носятъ галстуки и подстригаютъ немнogo
бороду, и весьма рѣдко встрѣтите старинную стри-
жку *Русскую*, то есть темя выстриженное съ отпу-
щенными по краямъ волосами. Русская женская одѣ-
да Курская отлична отъ одежды другихъ мѣстъ
Россіи. Вседневную одежду составляетъ *сарафанъ*,
который называютъ въ Курсѣ *шубкою*, а если су-
конной, то *сукною*; рубашка дѣлается съ широкими
рукавами, съ узкими запястьями и высокимъ ворот-
никомъ, застегнутымъ запонкою; на головѣ *повой-
ника*, похожій на Павловскую grenaderскую шапку;
сарафанъ подпоясывается шелковымъ кушакомъ. Лѣ-
томъ при такой одеждѣ, когда выходятъ со двора,
покрываютъ голову платкомъ сверхъ *повойника* и
надѣваютъ *кафтанъ*; будничный бываетъ нанковый
или китайчатый, а праздничный шелковый, изъ
какой нибудь матеріи, по большей части малиновый
штофный. Парадный нарядъ составляетъ также са-

рафанъ, но только штофный, или парчевой; рубашка бывает тонкой кисеи, вышитая въ узорь; по сарафану подпоясываются кушакомъ Персидскимъ съ золотомъ; сверхъ сарафана надѣваются полушибокъ: на головѣ бываетъ кокошникъ, похожій на древній Русскій клобукъ, изъ парчи или бархата, но матерія почти невидно, потому что кокошникъ бываетъ весь обшитъ золотымъ позументомъ; сзади подвязываются къ нему подзамыльники, низанный жемчугомъ съ каменями, иногда настоящими, а чаще поддельными. Прежде, когда во всѣхъ богатыхъ домахъ носили Русскую одежду, кокошники низали дорогимъ жемчугомъ съ каменями, и такой кокошникъ стоилъ иногда болѣе 1000 рублей. На шею надѣваются жемчугъ, янтарь и серебряную вызолоченную цѣничку, на которой виситъ крестъ. Таковъ нарядъ Русской женщины въ Курскѣ. Когда выходятъ со двора или въ гости парадно, то надѣваются на описанный нарядъ каftанъ, а сверху кокошникъ повязываются тогда кисею, особеннымъ манеромъ, обмотавъ концы около шеи и распуская ихъ по спинѣ. Нарядъ дѣвицъ отличается новизкою изъ позумента и косою, искусно заплетенною и украшенною лентами. Серьги носятъ жемчужныя, съ каменями, вынизанныя разными манерами. Лѣтъ около 20-ти тому, какъ ввелись въ одеждѣ Русской измѣненія. Теперь многія женщины, носящи Русское платье, дома и за просто выходятъ въ ситцовыхъ саянахъ; это ужъ не сарафанъ, но однakoжъ и не длинное платье, а просто юбка, которая подходитъ подъ самыя плечи и держится на плечахъ лентами; сверхъ него надѣваются фартукъ, ситцовый или кисейный, обшитый лентами, но въ такомъ нарядѣ

нельзя выйти лѣтомъ безъ каftана, а зимой надѣваютъ коротенькую шубу, или длинную, смотря по ногодѣ. Женщины, которые ходятъ по Ильмѣцки, то есть въ платкахъ, одѣваются въ платья шелковыя и кисейныя; платки носятъ вышитые золотомъ и серебромъ или кисеиные, обшиты круженовомъ и лентами; повязываютъ ихъ особеннымъ манеромъ, такъ, что они составляютъ треугольникъ. Салопы лѣтніе, вместо воротника, обшиты сверху манжетами изъ той же матеріи. Шубы носятъ безъ мехового воротника, съ капюшономъ какіе дѣлывали прежде у салоновъ; капюшонъ и вся шуба опушены мехомъ.

Всѣ дѣвицы въ Курскѣ, выключая дворянекъ, ведутъ жизнь совершенно затворническую; не только никуда они не показываются, даже рѣдко ходятъ и въ церковь. Но вѣдь дѣвушка не *домашній товаръ*; гдѣ же можетъ ее увидѣть ея *суженый?* Для того есть особый манеръ *показать невѣсту.* Трудно поверить, что прежде выдавали замужъ дѣвицъ 13 и 14-ти лѣть, и чѣмъ невѣста была моложе, тѣмъ болѣе было похвалы. Обыкновенно говоривали о хорошенъкой дѣвушкѣ: «Красавица, дородница — не засидится въ дѣвкахъ!» Благодаря мудрому закону злу рannихъ браковъ прекращено. Прежде, когда дѣвушкѣ наступало лѣть 15-ть, то ее начинали, говоря по Курски, *невѣстить:* шьютъ ей, бывало, нарядное платье, и въ праздничные дни, выключая ненастя и мороза, позволялось ей выходить за ворота, въ сопровождении старушки родственницы; тутъ дѣвушка садится на лавочку у воротъ и смотрѣть на проходящихъ. Осенью на такое сидѣніе дѣвушки берутъ съ собой *подсолнечники,*

котораго зерна любить душить и есть, или кедровые орехи, и какъ почти всѣ женщины и девушки выходили на улицу, то тутъ могли онъ толковать обо всемъ — девицы обѣ нарядахъ и рукодѣліи, а замужнія о детяхъ, мужьяхъ и своемъ житьѣ-бытьѣ. Не женатые мелоды могли между тѣмъ ходить и высматривать невѣстъ. Еще можно было видѣть девушку, дочь мѣщанина или цѣховаго, когда она носить воду съ рѣки, то есть, одѣвшись опрятно и взявши коромысло съ двумя ведрами на плечи, идетъ за водой, помогая въ работѣ матери. Желая изобразить жизнь Курскихъ жителей ихъ нравы, обычай и повѣрья, я буду придерживаться старины. Въ послѣднія 20-ть лѣтъ во многомъ измѣнилась жизнь домашняя и внѣшняя; многое оставлено, такъ, что кажется, скоро не останется даже слѣдовъ прежнаго быта.

Вообще въ Россіи простолюдинъ по преданіямъ помнить, что прежде *новый годъ* начинался съ 1-го Марта, а потомъ съ 1-го Сентября; и теперь еще старики говорять: «Семеновъ день новый годъ», и хотя по новому уложенію стали считать новый годъ съ 1-го Января, но простолюдины этого дня не празднуютъ. Все время послѣ нашего новаго года нѣтъ у нихъ ничего особеннаго въ семейной жизни. Передъ масляницей за двѣ недѣли суббота называется *родительскою*; такихъ «родительскихъ» субботъ считается три: передъ Масляною, передъ Троицкою недѣлею, и въ Октябрь, передъ днемъ великомуученика Димитрія; послѣднія называется *Димитревскою*, и она установлена послѣ знаменитой Куликовской битвы, но большая часть народа того не знаетъ, а принято въ обычай и въ эту субботу вообще поми-

нать усопшихъ отцовъ и братій. Такое поминовеніе по три субботы въ Россіи повсемѣстно, но сверхъ того еще во вторникъ на Фоминой недѣль, кромѣ обыкновенаго церковнаго поминовенія на литургіи и панихиды, въ Курскѣ носятъ въ церковь пироги и лепешки, которые по прочтеніи литіи берутъ, себѣ священники, а на кладбищѣ блины раздаютъ въ тотъ день нишамъ, и часть изъ нихъ беретъ священникъ кладбищенской церкви. Съ наступленіемъ Масляницы блины въ Курскѣ пекутъ каждый день; въ послѣдніе дни масляной начинаютъ кататься по улицамъ, но недѣлаются горь, какъ въ Москвѣ или другихъ губернскихъ городахъ. Послѣдній день, то есть воскресенье ѿдѣять прощаются съ отцами, материами и близкими родственниками.

Постъ строго наблюдаютъ. Первую недѣлю Великаго поста не ѿдѣять горячаго кушанья; щи, бураки и все прочее подается холодное и безъ масла. Многіе говѣютъ на первой недѣль, и всѣ, кому свободно, ходятъ въ церковь; дѣвушки больше говѣютъ на первой недѣль; въ церковь и изъ церкви идутъ онѣ рядомъ впереди. Въ пятницу къ вечернѣ несутъ медь, который называются *канукомъ*; по окончаніи службы священникъ читаетъ надъ нимъ литію, а въ субботу всѣ пекутъ блины, ѿдѣять ихъ съ медомъ и масломъ и разрѣшаютъ пить чай, но немногіе съ сахаромъ, а большая половина съ изюмомъ и медомъ. Во весь постъ во время службы собираются около церкви женщины, торгующія кренделями, пирогами и бубликами, и почти всѣ выходящіе изъ церкви покупаютъ у нихъ.

Девятаго Марта, въ день Сорока Мучениковъ, пекутъ изъ тѣста *жаворонковъ* для дѣтей, и они ста-

раются взлѣзть на крышу или чердакъ, и тамъ наппваютъ, держа въ рукѣ жаворонка, разные пріпѣвы, какъ-то, на примѣръ:

Прилетѣлъ куликъ изъ заморья,
Вывелъ весну изъ затворья.....

Домашняя жизнь женщинъ проходитъ, какъ везде, въ домашнихъ занятіяхъ, но въ каждомъ городѣ есть свои особенные занятія. Главная работа Курскихъ женщинъ плетеніе кружевъ, и каждая женщина знаетъ тамъ это рукодѣліе. Нельзя сказать, чтобы Курскіе кружева были изящны, но есть очень порядочные; цѣна кружевъ отъ 20-ти копѣекъ до 10 рублей аршинъ. Второе занятіе составляетъ вышиванье по кисеѣ, что также въ большомъ употребленіи, потому что женщины носятъ вышитыя рубашки, платки и платья. Прежде во всѣхъ домахъ, даже въ самыхъ зажиточныхъ, пряли съ большими искусствомъ нитки, и очень жаль, что это занятіе оставили. Начиная отъ обыкновенныхъ нитокъ, пряли ихъ до необыкновенной тонини, и даже теперь, хотя это ремесло упало, можно еще найти мотки нитокъ, неступающіе паутинъ. Многія женщины скупаютъ небывалыя нитки, бѣлять ихъ и продаютъ въ Харьковѣ и Киевѣ, и эти же торговки скупаютъ и продаютъ кружева и вышитый тюль, выручая довольно большія суммы.

Въ Лазареву субботу бываетъ въ Курскѣ крестный ходъ, изъ церкви Пророка Иліи въ Знаменскій монастырь. Святая недѣля проходитъ безъ особыхъ замѣчательныхъ обычаевъ; въ Курскѣ нѣть никакихъ публичныхъ увеселеній. Въ первый день послѣ вечерни всѣ ходятъ на кладбище — похри-

стосоваться съ родителями. Прежде дѣвушки, одѣвшись въ праздничный нарядъ, игравали о святой мячемъ за воротами на улицахъ. Апрѣля 23-го, въ день Георгія Побѣдопосца, около церкви, построенной во имя сего святаго, бываетъ ярмарка. Тутъ продаютъ глиняную и деревянную посуду, необходимую въ домашнемъ быту, и множество разныхъ дѣтскихъ игрушекъ, по большей части глиняныхъ коровокъ, лошадокъ и разныхъ дудочекъ и свистулекъ. Это праздникъ для дѣтей, и весело смотрѣть, когда они идутъ домой съ радостными лицами и иѣсколько дней послѣ того слышны во всѣхъ стенахъ свистки. Въ Троицынъ день въ комнатахъ ставить березки и устилаютъ травою полъ, а въ старину въ Троицынъ и Духовъ дни водили съ пѣснями хороводы, но всѣ старинные обычай мало по малу теперь истребляются.

На первой недѣль Петрова поста начинается известная Коренная ярмарка; на нее съезжаются не только изъ Москвы и многихъ Великороссийскихъ губерній, но бываютъ Армяне, Грузинцы, Персіяне, Татары, Бухарцы. Недѣли за двѣ до ярмарки начинаются тянутся обозы; изъ Курска вѣдуть булочники, хлѣбники, трактирищи, и мѣсто ярмарки, въ продолженіе цѣлаго года бывающее пустымъ, вдругъ превращается въ многолюдный городъ, оживаетъ, кипитъ дѣятельностю; тутъ выстраиваютъ балаганы, помѣщаются кочевьемъ тысячи въ Курскъ пустѣть. Не только всѣ домики, палатки, балаганы набиты народомъ, но многие начинаютъ квартиры въ окрестныхъ деревняхъ, и всѣ стараются запастись на цѣлый годъ разными припасами и нарядаами. Въ Коренной бываютъ дворянскія собранія; привез-

жаютъ труппы актеровъ, волтижеровъ, фокусниковъ; съезжаются дворянство Курской и другихъ, смѣжныхъ съ нею губерній, съ семействами, и часто ярмарочные знакомства оканчиваются свадьбами.

Калмыки пригоняютъ сюда табуны лошадей, а также приводятъ ихъ съ заводовъ, разныхъ породъ и цѣнъ, и потому съезжаются здѣсь ремонтеры для покупки полковыхъ ремонтовъ.

Надобно сказать какимъ образомъ положено было основаніе монастырю и ярмаркѣ. Монастырь основанъ около 1300 году, по случаю обрѣтенія чудотворного образа Знаменія Божіей матери Курская на корицѣ древа монахомъ. Отсюда произошло название обители. Церковь соборная монастырская во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Образъ Божіей матери прежде стоялъ въ церкви, которая первоначально построена; въ ней находится кладязь на ключъ; приходящіе богомольцы, по отслуженіи молебна, бросаютъ туда деньги. Когда образъ перенесенъ былъ въ Курскъ, установили ходъ, бывающій каждогодно въ девятую неделю послѣ Пасхи, то есть въ первую неделю Петрова поста, непремѣнно въ пятницу, и это даже сдѣгалось условнымъ терминомъ; говорять: «о девятой, въ девятую пятницу». Съ начала ярмарка продолжалась только три дня, но нынѣ торгуютъ дней пятнадцать; съѣзжается гораздо прежде, и сначала прѣѣжаютъ купцы съ тяжелыми товарами, стараясь выиграть время. Когда откроется ярмарка, все уже бываетъ готово — товары привезены, разобраны, и многія торговыя дѣла слажены.

Лѣтъ около сорока тому, образъ Божіей матери приносили по окончаніи ярмарки въ Курскъ, но тѣ-

перь онъ остается въ Коренной пустынѣ до 15-го Сентября. Тогда приносятъ его въ Курскъ, торжественно, а во все время, пока икона находится въ Коренной, съезжаются и приходятъ туда богомольцы изъ разныхъ мѣстъ. Когда икона бываетъ въ Курскѣ, жители носятъ ее въ дома и служатъ молебны. Число желающихъ всегда бываетъ такъ велико, что должно просить предварительно о подиатіи иконы наканунѣ слѣдующаго дня, и почти каждый день несатъ ее домовъ въ десять. Во время поздней обѣди образъ Божіей матери всегда находится въ церкви. Къ девятой пятницѣ стекаются въ Курскъ со всѣхъ сторонъ богомольцы, такъ, что весь городъ наполненъ ими. Послѣ обѣди начинается ходъ. Впереди идутъ всѣ цѣхи, неся передъ собою знаки своего ремесла, и у каждого цѣха свой огромный фонарь, съ восковыми свѣчами, украшенный цвѣтами, который несутъ вѣсколько человѣкъ. Наконецъ является главный фонарь, съ сотнями свѣчъ, несомый пѣсколько десятками человѣкъ, а за нимъ слѣдуетъ образъ Божіей матери. Въ ходу бываетъ самъ архимандритъ Курскаго Знаменскаго монастыря и всѣ священники. Для отдыха, на 27-ми верстахъ разстоянія до Коренной, остаиваются въ селѣ Каменевѣ, гдѣ выстроена церковь, отъ Курска въ 10-ти верстахъ, а потомъ еще передъ Коренною; въ самую Коренную приходятъ часовъ въ пять по полудни. Изъ деревень приводятъ множество больныхъ, такъ называемыхъ кликушъ, или бѣснувшихся, который кричатъ, или клачутъ, немстовыми голосами. Думаютъ, да и сами больные уверены, что они *мопорчены*, но, кажется, что это истерика въ сильной степени. Множество нищихъ си-

дять по объемъ сторонамъ дороги, съ чашками въ рукахъ, и поютъ стихи изъ легенды объ Алексѣвъ Божиемъ человѣкѣ, Іоасаѳѣ царевичѣ и праведномъ Лазарь.

Въ десятую пятницу бываетъ ярмарка въ Курскѣ, на которую привозятъ лѣсъ и деревянную посуду; крестьянки продаютъ холстъ и нитки. Послѣ Коренной ярмарки купцыѣдутъ на другія, какъ-то: Нижегородскую, въ Роменъ, Харьковъ, Лебедянъ, Рѣшетиловку, смотря по тому, кто какою торговлею занимается.

Мъщане обыкновенно уѣзжаютъ для закупки щетины, пеньки, воску и меду. Медь составляетъ особый промыселъ, и это называется: лѣтать бить пчелъ. Промышленники откупаютъ на мѣстахъ ульи, закуриваютъ пчелъ и вынимаютъ медъ. Жаль, что не обращено должнаго вниманія на эту важную отрасль торговли. Медъ очищаются дурно и небрежно; вѣроятно, можно бы улучшить способъ очищенія столь важнаго произведенія Россіи.

Свадьбы, лѣтъ за двадцать прежде, совершались съ разными обрядами, что теперь во многомъ измѣнилось. Когда намѣрены были женить сына, то назначали нѣсколько домовъ, гдѣ есть невѣсты; посыпали свата, или сваху, къ родителямъ невѣсты, просить позволенія посмотрѣть ее, и если она была хороша собою, то рѣдко отказывали въ смотрѣніи, и хотя не намѣрены были отдать, но прошли пріѣхать. И вотъ, бывало, съ жениховой стороны пріѣзжаютъ отецъ, мать и ближніе родственники, а у невѣсты собираются ея родные. Жениха и его родственниковъ угошаютъ чаемъ, виномъ, фруктами и разными закусками; невѣста, одѣтая въ

лучшее платье, обносить гостей; ее несколько разъ переодѣваютъ, чтобы показать, что у нея много платьевъ. На другой день посылаютъ сваху, договариваться о приданомъ; если невѣста нравится, то требованія умѣренны, а въ противномъ случаѣ просятъ такого приданаго, котораго родители не въ состояніи дать, и свадьба расходится. Когда же все рѣшено, та и другая сторона условились во всемъ, то назначаютъ день *сговора*; подруги и домашнія выходятъ за ворота и бываютъ въ тазы и сковороды, возвѣщающая помолвку, и это повторяется по нѣсколько разъ въ день, до самаго дня свадьбы.

Въ сговорѣ (говорю, какъ бывало прежде) сначала отправляютъ въ домъ невѣсты напитки, фрукты, варенье, конфекты и всю необходимую посуду (ибо угожаетъ женихъ), и приглашаютъ родственниковъ съ жениховой и невѣстиной стороны. Когда прѣдѣтъ женихъ, помолвленныхъ благословляютъ обра-зами; потомъ невѣста даритъ жениха, а онъ невѣсту; подарки обыкновенно бываютъ незначительные. Женихъ и невѣста сидятъ въ особыхъ комнатахъ, окруженные дѣвицами и молодыми женщинами. Отецъ и мать жениха дѣлаются хозяевами, угоша-ютъ гостей и будущихъ сватовъ винами, чаемъ, разносятъ фрукты, варенье и конфекты. Между тѣмъ играетъ музыка и танцуютъ. Прежде не учились танцевать, и танцы были слѣдующіе: Русская пляс-ка, казачекъ и *мятежница*, родъ контраданса: становились въ кругъ, и первая пара начинала вертѣться со второю, а потомъ дѣлали разныя фигуры. Разве-селившись, если дѣло бывало лѣтомъ, выходили во дворъ и плясали тамъ, и иногда ходили даже съ музикою по улицамъ, женихъ, невѣста и гости.

Все угощениe въ тотъ вечеръ бывало¹ на счетъ жениха, какъ мы сказали, но ужинъ отъ родителей невѣсты. Послѣ ужина опять начинались пляски и угощениe; уѣзжали уже поутру, и невѣста на крыльцѣ, провожая гостей, подчивала виномъ. Въ продолженіе времени до свадьбы женихъ ъездила къ невѣстѣ всякий день, и всегда привозила фрукты и конфекты для ея подругъ, которыхъ безвыходно гостили у нея, приготовляли приданое, пѣли пѣсни въ сговорѣ и во все время по вечерамъ до свадьбы. Когда проѣтты бывали пѣсни всѣмъ гостямъ, прѣѣжавшимъ съ женихомъ, одна изъ дѣвицъ ставила на подносъ стаканъ съ водою и обходила всѣхъ гостей; ей клали на подносъ деньги, а кто не положить, тотъ долженъ выпить стаканъ воды, что называлось *обигрывать*.

Было еще обыкновеніе: когда прїѣжалъ женихъ, то теща должна была угощать его молочными тонкими блинами. Дня за два до свадьбы невѣсту водили въ баню, и если у нея отецъ или мать уже умерли, то она ъездила къ нимъ на могилу—поклониться праху родителей.

Въ день свадьбы, одѣвши невѣсту въ лучшее платье (и если она посила Русское, то надѣвали на голову повязку, сдѣланную особливымъ фасономъ, въ родѣ діадемы, и вышитую золотомъ, которую называли *вѣнцомъ* — такую повязку надѣвали только къ причастію и въ день свадьбы), косу ей заплетали и украшали лентами; сверху накладывали шелковое покрывало, парчевое, или штофное, обшитое позументомъ, такъ, что все лицо ея было закрыто. Поѣздъ невѣсты составляли ближніе родственники; одна изъ женщинъ называлась *свахою*.

Было обыкновение, которое и теперь еще сохранилось: брали краюшку хлѣба, положивъ на тарелку, покрывали ее салфеткою, и одна изъ сопровождающихъ женщинъ держала ее во время вѣнчанья.

Когда все было готово, прѣѣзжалъ женихъ, съ поѣздомъ и всѣ садились за столъ, на которомъ поставлены были приборы, хлѣбъ, соль, кушанья. Посидѣвъ съ полчаса, вставали изъ за стола. Невѣста прощалась съ отцомъ, матерью и родными, и напутствуемая благословеніями, отправлялась въ церковь. Въ старину на невѣstu надѣвали родь шубы, или каftана, у котораго одинъ рукавъ висѣлъ до самаго полу. Такую одежду называли *шубка длинный рукавъ*, и употребляли только въ торжественныхъ случаяхъ. Женщины, сопровождавшія свадебный поѣздъ, надѣвали такія же шубки, у кого онъ были, но какъ такую одежду имѣли только для свадебъ, то она вывелась изъ употребленія. По совершенніи обряда вѣнчанія, если домъ жениха былъ недалеко, то новобрачные, въ вѣнцахъ, предшествуемые священникомъ со крестомъ, шли пѣшкомъ до дома, гдѣ ихъ встрѣчали съ хлѣбомъ и солью и благословляли образами. Новобрачную уводили въ другую комнату; тамъ расплетали косу, раздѣляли на двое, потомъ снова заплетали и надѣвали кичку. Послѣ того новобрачныхъ и гостей садили за столъ и начинался свадебный пиръ. Въ старину пировали всю ночь, и было обыкновеніе съ радости бить горшки и другую посуду, но нынѣ этого не дѣлаютъ.

На другой день, дружекъ и близкихъ родственниковъ перевязывали розовыми лентами и платками, и потомъ въ такомъ нарядѣ ъздили на поклонъ къ отцу и матери молодой, съ музыкою и пѣснями.

Изъ этого сохранилось нынѣ только то, что молодые ъздятъ къ родителямъ и ближнимъ родственникамъ съ визитами, и просятъ ихъ къ себѣ на обѣдъ. Въ концѣ обѣда, когда подавали сладкій пирогъ, то молодая обносила гостей виномъ, и всѣ, выпивши вино, клали ей на подносы деньги. Черезъ нѣсколько дней родители молодой давали обѣдъ, такъ называемый отводный столъ; пиръ у молодаго на другой день свадьбы назывался княжескимъ столомъ. Всѣ родственники и гости, бывшіе на свадьбѣ, посыпали къ молодымъ хлѣбъ-соль.

При рожденіи младенца извѣщали родныхъ, и обыкновенно крестили въ скоромъ времени; на крестины собирались родственники, и какъ почти всегда обрядъ крещенія совершался по утру, то за нимъ слѣдовалъ обѣдъ; за пирогомъ пили здоровье матери и новорожденаго и клали деньги, а когда подавали кашу, обносила виномъ бабка, и деньги, которые притомъ клали, принадлежали ей. Всѣ родные и знакомые, бывшіе на крестинахъ, присыпали родильницѣ хлѣбъ-соль, и подъ ними на блюдо клали деньги.

Въ именины пекли, такъ называемые, именинники — большіе пироги изъ сдобнаго тѣста, съ изюмомъ, или коринкою, начиненные яичами, а иногда, капею. Нѣсколько такихъ пироговъ разсыпали ближнимъ родственникамъ, но въ нихъ не было начинки, которую клали только въ пироги, оставшіеся дома. Когда сядутъ за столъ, двое изъ старшихъ брали пирогъ и разламывали надъ головою именинника, при желаніи ему счастія и долгихъ лѣть; если высыпалась изъ пирога начинка, то говорили: «такъ бы сыпалось на тебя золото и серебро!» Потомъ

пирогъ дѣлили на куски и раздавали всѣмъ присутствующимъ, отложивъ половину его имениннику, и выпивъ водки и закусивъ пирогомъ, начинали обѣдать.

Послѣднія минуты жизни и похороны въ Курскѣ сопровождаются также обрядами, какихъ мнѣ не случалось видать въ другихъ мѣстахъ. По совершенніи религіозныхъ обрядовъ, даютъ умирающему въ руки небольшой крестъ и свѣчу; иногда снимаютъ его съ постели и кладутъ подъ образами, а въ комнатѣ курятъ ладономъ изъ особенной кадильницы. Когда умирающій отойдетъ, начинается плачь, съ приговорами; покойника тотчасъ обмываютъ, и одѣвши, кладутъ на столъ. Между тѣмъ шьютъ саванъ, глядя по состоянію, изъ холста или кисеи, и посыпаютъ извѣстіемъ въ церковь, а богатые въ нѣсколько церквей, и заунывный переборъ колокола, наводящій на душу тоску, извѣщааетъ объ умершемъ. Каждый, слыша его, крестится и молится за упокой души усопшаго. Приходятъ священники, служить панихиду; семейство умершаго извѣщааетъ родственниковъ и знакомыхъ, приглашая ихъ на погребеніе. Въ день похоронъ, на выносъ тѣла собираются священники; изъ церкви приносятъ большой деревянный крестъ, аршина въ два величиною; его покрываютъ кисеей и перевязываютъ розовыми лентами, если умершій былъ молодой человѣкъ, или дѣвица, и темными или черными, если покойникъ бывъ уже преклонныхъ лѣтъ.

Всегда въ переди похоронной процессіи несутъ такой крестъ, за крестомъ образъ, потомъ крышку съ гроба, и наконецъ самый гробъ. По совершенніи погребального отпѣванія, служить литію; изъ

дома покойника приносятъ блюдо съ пирогомъ и лепешками, также приносятъ ихъ и ближніе родственники. Пироги и лепешки дѣлятся между священниками и церковнослужителями; на могилѣ служатъ панихиду надъ блюдомъ риса, которое называютъ *кануномъ*. Возвратясь съ кладбища служатъ еще панихиду на дому, а потомъ садятся за столъ; обѣдъ начинается гречневыми блинами; за жаркимъ встаютъ и поютъ *вѣчную память*, а въ церкви въ то время начинается перезвонъ. При окончаніи обѣда приносятъ на большомъ блюдѣ пирогъ, обставленный вокругъ восковыми свѣчами, и это служитъ знакомъ окончанія обѣда. Пирога не трогаютъ, а дѣлятъ его на куски и раздаютъ бѣднымъ. Когда со стола все собрано, накрываютъ небольшой столикъ, ставятъ на него вино, пуншъ и медъ, служатъ литію, и діаконъ разноситъ напитки присутствующимъ; потомъ подаютъ чай и всѣ расходятся. Поминовеніе по усопшемъ дѣлается, какъ и вездѣ, по обрядамъ Греко-Россійской церкви, а помішы бывають въ девятый, двадцатый и сороковой дни. Въ сороковой, по отправленіи поминовенія церковпаго, отслуживъ литію, по окончаніи обѣденного стола, святили воду и окропляли всѣ комнаты.

Наканунѣ Рождества Христова наблюдаютъ строгій постъ и есть обыкновеніе: во время стола, который бываетъ по окончаніи службы, не прежде звѣзды, появляющейся на небѣ, подавать варенную пшеницу, подслащенную медомъ, и есть орѣхи. Въ Крещенскій сочельникъ не дѣлятъ до окончанія службы и водоосвятія; изъ всѣхъ домовъ посылаютъ въ церкви за святою водою, окропляютъ весь домъ и ставятъ мѣломъ кресты на дверяхъ и окнахъ, а

Крещенскую воду берегутъ весь годъ. Въ этотъ день подаютъ на столъ плоды всѣхъ родовъ, въ разныхъ видахъ моченые яблоки и дули, а также сушеныя груши и яблоки варятъ и подаютъ въ видѣ компота.

Даже и до сихъ поръ жизнь Курская въ семейномъ быту мало измѣнилась, выключая одежды. Онъ таковъ же, какимъ былъ за тридцать лѣтъ. Принесы, какъ-то: огурцы, капусту, бураки, яблоки, дули, груши сушеныя и моченые, солонину, вѣтчину, гусиные полотки, запасаются на цѣлую зиму, а кто имѣть возможность, держитъ у себя коровъ и домашнюю птицу. Въ достаточныхъ домахъ варятъ въ запасъ домашнее варенье, сахарное и медовое, дѣлаютъ постную яблочную и изъ сливы, и солять вишни, крыжовникъ; сливы и смородину, сберегая и свѣжіе плоды въ продолженіе цѣлой зимы, съ такимъ искусствомъ, что яблоки можно имѣть всегда самыя свѣжія.

Пишу, какъ мы уже говорили, Курчане употребляютъ самую простую, и единственная приправы ея перецъ, хрень, лимонный сокъ и уксусъ. Въ богатыхъ домахъ, когда дѣлаютъ званый обѣдъ, шапмаютъ повара, но въ простыхъ, хотя и зажиточныхъ домахъ, готовятъ женщины. На столъ съ начала подаютъ холодныя блюда—все въ большемъ количествѣ. Непремѣнно должно быть всего по парь — два поросенка, два гуся, двѣ индѣйки, и такъ далѣе, и все просто вареное въ водѣ и разнятое пополамъ, а за столомъ разрѣзываютъ кушанье на части. За холодными слѣдуютъ горячія кушанья, и ихъ обыкновенно составляютъ: супъ изъ курицы съ рисомъ, лѣнивые щи, похлѣбка съ клецками,

похлѣбка изъ почекъ съ огурцами. Соусовъ не дѣлаютъ; жаркаго бываетъ также по парѣ, и къ каждому блюду подаютъ разные плоды: моченые яблоки, дули, сливы, виннин, крыжовникъ и смородину, но никогда не подаютъ соленыхъ огурцовъ, которые идутъ только къ холоднымъ блюдамъ; всѣ такія приправы обносятъ по нѣсколько разъ. Пирожное въ старину составляли каравай и ряженый пирогъ; теперь ряженаго пирога не подаютъ, а замѣняютъ его круглымъ сладкимъ пирогомъ; за каждымъ блюдомъ обносятъ винограднымъ виномъ и настойкою, а на столъ ставятъ медъ, пиво и квасъ. Послѣ обвала десертъ ставится на особый столъ, и его составляютъ плоды, дыни, арбузы, виноградъ, разныя постмы и орехи, а въ нѣкоторыхъ домахъ варенья и конфекты.

Скажу нѣсколько словъ о любимыхъ старинныхъ кушаньяхъ, которые сохранились еще и до сихъ поръ. Одно изъ первыхъ составляютъ гречневые блины и ихъ отлично приготавливаютъ въ Курскѣ, а ъдять съ масломъ, сметаною, икрою и маслинами; пропечены сверху обсыпаютъ лицами, или намазываютъ свѣжими творогомъ, а въ постъ обсыпаютъ лукомъ, жаренымъ въ маслѣ, или снѣтками. Другое кушанье составляетъ сальникъ — онъ дѣлается изъ бараньяго потроха, и завертывается въ перепонку, собственно называемую сальникомъ; иногда въ такой перепонкѣ дѣлаются изъ пшена каравай. По воскресеньямъ обыкновенно пекутъ пироги и лепешки. Пирогъ, который называютъ ряженымъ, дѣлается необыкновенно большой величины, съ кашею или лицами, а въ постъ съ кашею и рыбой, или съ грибами. Его дѣлаютъ въ поминки и посыла-

ють въ церковь, а другой такой же оставляютъ до-
ма; посыпаютъ также ряженый пирогъ къ новорож-
дennому, съ другимъ хлѣбеннымъ, какъ я упоми-
нала выше. Каша замѣняютъ пирожное, и безъ ка-
ши «блѣдъ не въ обѣдѣ». Между разными кашами очень
вкусна, такъ называемая *юражная*. Юрагою назы-
ваютъ въ Курскѣ пахтанье, и какъ въ Россіи вообще
употребляютъ перетопленное масло, то остатки
послѣ перетопки масла смѣшиваются съ пахтаниемъ
и варятъ на немъ кашу. Еще бывало въ старину блю-
до, но теперь вывелось изъ употребленія: для него
брали хорошо вычищенный бараній рубецъ, начи-
нили его кашею и клади туда баранью головку, за-
шивали рубецъ и ставили въ печь, гдѣ, оставляли
прѣсть и жариться до вечера, а тогда уже вынимали
и это называлось *перепареною требухою*.

Донынѣ сохранился въ Курскѣ оттѣнокъ преж-
няго Русскаго удальства — кулачной бой, но нынѣ
не дѣлаютъ его, какъ прежде, публично и что на-
зывали въ Курскѣ: *стъна на стъну*. Прежде ку-
лачные бои бывали на первой недѣли Великаго поста;
нынѣ только замѣтило въ это время, какъ бой-
цы тихомолкомъ пробираются за городъ и возвра-
щаются съ насмурнымъ и разбитымъ лицомъ. Еще
было въ обычай на первой недѣли Великаго поста
спускать на драку гусей и пѣтуховъ; охотники на-
рочно разводили и держали такихъ боевыхъ гусей
и пѣтуховъ, по нынѣ это совсѣмъ вывелоось, а рав-
но и собачья травля, которую производили также
на первой недѣли поста, въ мясномъ ряду.

Русская необходимая принадлежность — баня.. Къ
публичнымъ народнымъ баниямъ въ Курскѣ не при-
выкли, и никакое порядочное семейство туда не

пойдеть, хотя онъ выстроены каменные на берегу Тускори, но за то всякий, кто только имѣть возможность, строить свою домашнюю, а у кого нѣть своей, просить у знакомыхъ, и почитается нѣкоторымъ образомъ добродѣтелью позволить выпариться въ банѣ; также приглашаютъ и бѣдныхъ «придти попариться.»

П. И. Демидовъ, въ бытность его въ Курскѣ губернаторомъ, оставилъ по себѣ незабвенную память въ сердцахъ жителей Курска. Они видѣли въ немъ не начальника, но отца, который печется о дѣтяхъ. Кромѣ общаго попеченія его о пользахъ и выгодахъ губерніи, ввѣренной ему Монархомъ, всѣ имѣли къ нему свободный доступъ, и вездѣ готова была отъ него рука помочи, особенно въ годину гиѣва Божія, когда въ Курскѣ явилась холера. Онъ показалъ тогда удивительное самоотверженіе — не только на свой счетъ доставлялъ все нужное больнымъ и былъ утѣшителемъ страждущихъ, но каждый день самъ объѣзжалъ больницы и бывалъ во многихъ домахъ, гдѣ находились больные, заботился о приличномъ погребеніи умершихъ и помогалъ семействамъ, которыя имѣли нужду. Не могу распространяться здѣсь о добрыхъ дѣлахъ его, но они перейдутъ изъ устъ въ уста, и потомки жителей Курска не забудутъ имени Демидова. Во время начальства своего, онъ пожертвовалъ значительную сумму на украшеніе публичнаго сада. Онъ поставилъ надгробный памятникъ и незабвенному творцу *Душеньки*, И. Ф. Богдановичу, который умеръ въ Курскѣ и похороненъ за Херсонскою заставою на кладбищѣ.

Сколько можно замѣтить, народъ въ Курскѣ мало

употребляетъ пословицъ и поговорокъ, и не очень склоненъ къ рассказамъ о старинѣ и сказкамъ. За то много есть словъ, употребляемыхъ простымъ народомъ, которыхъ не услышите нигдѣ, кромѣ только одного Курска. Привожу здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

Ражій, мочный, дюжій.

Рындикъ, ходить рындикомъ, здоровякъ, казаться молодцомъ.

Приспѣшница, женщина, которую призываютъ готовить званый столъ.

Приспѣхъ, стряпня.

Груба, печка Голландка.

Пунька, небольшой хлѣвъ.

Полугрубокъ, лежанка, которая тонится,

Тѣшить корову, доить корову.

Сигать, прыгать.

Играть пѣсни, пѣть пѣсни.

Дежоа, квашня.

Дородница, полная, красавая девушка или женщина.

Кулганъ, молочный кувшинъ.

Махотка, небольшой горшечекъ.

Кулешъ, жидкая кашица.

Талешка, лепешка, жареная на масль.

Фаралъ, тряпка, которою прихватываютъ горшки.

Скрынка, яичичень.

Корецъ, ковшикъ.

Емки, ухватъ.

Требуха, рубецъ.

Обапало, кругомъ, вокругъ.

Уполохъ, набатъ.

Полошить, звонить въ набатъ.

Атава, склоненный лугъ.

Дѣлчить, пѣть духовныя пѣсни.

Замѣтио еще странное измѣненіе въ буквахъ: го-
ворягть, вмѣсто: *функтъ, фартукъ, Филиппъ, Ефимъ* — *хвунктъ, хвартукъ, Хвалиппъ, Ехимъ*. Также замѣчательно измѣненіе предлоговъ *у* и *въ*; вмѣсто: «былъ *въ* кухнѣ, лежитъ *въ* ящичкѣ», говорять: «былъ *у* кухнѣ, лежитъ *у* ящичкѣ», а вмѣсто: «былъ *у* пріятеля, *у* тещи, *у* сестры, *у* обѣдни», говорятъ: «*въ* пріятеля, *въ* тещи, *въ* сестры, *въ* обѣдни.» Вообще звукъ *въ*, слышите вмѣсто *у*, и иногда обратно (*вшелъ, вмеръ*, значить по Куреки: *ушелъ, умеръ*). Вмѣсто настоящихъ ставятъ иногда совсѣмъ другіе падежи (Марыи Васильевной, говорять вмѣсто: Марьѣ Васильевнѣ, «головы больно», или «подать огню», вмѣсто: «головъ больно», и «подать огня», и «въ ящику», вмѣсто, «въ ящикѣ»). Есть еще странные припѣвы, или мѣрные *врижески*, которыя приговариваются дѣтямъ; приведу въ примѣръ два изъ нихъ:

«Ты дѣвица-красавица, дородница, безприданница;
возмутъ тебя безъ приданаго, безъ ворона-кона
стоялова, безъ гусана безъ чубарова, безъ дѣвицы
безъ ключницы и безъ бабы безъ приспѣшицы.»

«Ты, кубышка моя, ты, кубышка муравленая, ты,
кубышка изъ Курека шла, пехтеръ пироговъ несла,
еще курицу жареную, требуху перепареную....

ОДЕССА.

Въ 1832 году, 1-го Іюля, выѣхала я изъ Москвы въ Одессу. Дорога оть Москвы до Курска мнѣ была уже очень знакома; я проѣзжала по ней разъ десять, хотя ни однажды не могла по обстоятельствамъ располагать моимъ временемъ и останавливаться въ мѣстахъ любопытныхъ. Потому и знакома была я только съ мѣстоположеніемъ и наружнымъ видомъ городовъ и селеній, какъ почти всѣ путешественники по Россіи, изъ коихъ многіе десятки разъѣзжали изъ Москвы въ Петербургъ, и не останавливались взглянуть ни на Вышне-Волоцкія водяныя соображенія, ни на развалины Новгорода. По выѣздѣ изъ Москвы первый городъ *Подольскъ*, старый знакомый; всегда находила я въ немъ такъ мало перемѣнъ, какъ будто вчера только его оставила, хотя съ перваго знакомства нашего прошло около 20-ти лѣтъ. Далѣе *Серпуховъ*, старинный городъ и довольно хорошо выстроенъ, но, кажется, въ немъ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго. *Тула*, губернскій городъ, славенъ своимъ оружейнымъ заводомъ и стальными издѣліями; въ немъ много каменнаго строенія и кремль, обнесенный каменною стѣною, какъ

Московскій. Я проѣзжала черезъ Тулу за годъ до пожара. Едва только успѣете выйтти изъ повозки, васъ тотчасъ окружать мастеровые съ разными стальными издѣліями. Вещи не отличной отдѣлки, но за то дешевы, и рѣдкій изъ проѣзжающихъ че-резъ Тулу чего нибудь не купить. *Мценскъ* посып-пій городъ на пути къ Курску; жители его ведутъ большую торговлю хлѣбомъ.

Кромѣ означенныхъ городовъ встрѣчается много богатыхъ, большихъ селеній. Между ними село *Сергіевское* замѣчательно по красивому своему мѣстоположенію. Владѣлецъ его, князь Гагаринъ, выпи-салъ Голландца, для усовершенствованія выдѣлыва-нія сыра, и мнѣ говорили, что онъ хотѣлъ завести полотнобѣльню, но я не имѣла случая узнать объ успѣхѣ столь полезныхъ предпріятій.

Не буду говорить здѣсь о *Курске*, который описывала я въ отдѣльной статьѣ. Отъ Курска до Харькова надобно проѣзжать черезъ *Обоянь*, *Суджу* и *Бѣлгородъ*. Послѣдній хорошо выстроенъ; въ немъ многіе останавливаются поклониться гробу епископа Іасафа. Харьковъ, какъ я слышала, много улучшился въ послѣднія пять лѣтъ. Подъѣзжая къ нему замѣчаете уже большую перемѣну въ климатѣ и жителяхъ отъ Велико-Россійскихъ губерній. Здѣсь рѣже встречаются большія селенія, а болѣею ча-стію разбросано кое гдѣ по нѣсколько избъ или хатъ. Вездѣ видны дикія груши, яблони, орѣшникъ: тянутся обозы, запряженные волами; около фуръ идутъ угрюмые Малороссіянине, лѣниво переваливаясь съ ноги на ногу; вечеромъ замѣчаете на поляхъ разложеніе огни; кругомъ ихъ чумаки (такъ на-зываютъ Русскіе Малороссійскихъ извозчиковъ), сидя

съ трубками въ зубахъ, варять себѣ ужинъ. Не смотря на предубѣженіе многихъ моихъ соотечественниковъ, я люблю Малороссию и ея мирныхъ жителей. Миѣ все въ нихъ нравится. Не одинъ разъ проѣзжала я черезъ Малороссию и всегда встрѣчала привѣтъ и гостепріимство. Здѣсь можно обойдтисъ и безъ своего дорожнаго запаса; вездѣ найдете здоровую, вкусную пищу, и если иѣть готовой, вамъ тотчасъ приготовятъ, что прикажете, и за то возмутъ бездѣлку. Во многихъ мѣстахъ Малороссіи удивительная дешевизна съѣтныхъ припасовъ. На рынкахъ продаютъ жареныхъ куръ и гусей, и курица стоитъ 20, а гусь 40 копѣекъ. Постоялые дворы, большою частью, содержать Рускіе, но у нихъ все дороже и хуже. Когда єдете на долгихъ, Русскій извощикъ всегда старается остановиться у Русскаго хозяина, хотя єздоки его и не очень тому рады.

Подъѣзжая къ Харькову, мы увидѣли нѣсколько повозокъ, возовъ, и человѣкъ пятьдесятъ народа около нихъ. Мужчины, женщины, старики, взрослые дѣти шли пѣшкомъ, а маленькия дѣти сидѣли на возахъ и въ повозкахъ, между домашнею рухлядью. Миѣ страненъ показался такой поѣздъ; я велѣла остановиться и спросила: куда они идутъ? Ко мнѣ подошелъ стариkъ, лѣтъ пятидесяти, но еще здоровый и свѣжий, съ бритою бородою; не смотря на крестьянскую одежду, я узнала, что онъ долженъ быть отставной солдатъ. Стариkъ отвѣталъ за всѣхъ, что они изъ Курской губерніи, Льговскаго уѣзда, и по недостатку земли рѣшились переселиться къ Азовскому морю. — « Но, какъ вы рѣшились оставить свою родину? спросила я. — Вѣстимо.... Горько было разставаться съ родимой стороной... Что жь дѣ-

лать — земли-то у насъ было мало, лѣсу тоже.... Старики подумали, да и рѣшились... « Авось Богъ дастъ счастья на новомъ мѣстѣ! » — Мнѣ грустно было смотрѣть на нихъ. « Дай Богъ вамъ счастья ! » сказала я. Правду, видно говоритъ Русская пословица: « Рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше ! »

Мнѣ памятна еще встрѣча съ двумя отставными солдатами. Не могу смотрѣть равнодушно на человѣка, который посвятилъ лучшіе годы своей жизни на службу и защиту отечества. На постояломъ дворѣ, гдѣ мы остановились, была только одна большая изба; солдаты, получа чистую отставку, шли на свою родину. Я начала говорить съ ними, спрашивала: гдѣ они служили? И надобно было видѣть, какъ прояснились ихъ лица при разсказахъ о службѣ и походахъ, и какое доставило имъ удовольствіе принимаемое мною въ нихъ участіе! Они вынули изъ своихъ сумокъ атtestаты и просили меня прочитать имъ въ слухъ. Съ удовольствіемъ исполнила я ихъ просьбу. Курить табакъ вышли они въ сѣни. Надобно сказать правду, къ чести Русскихъ крестьянъ, что уважая своихъ защитниковъ, вездѣ принимаютъ они отставныхъ солдатъ съ ласкою и радушіемъ. Когда я покхала, солдаты вышли проводить меня и пожелать мнѣ счастливаго пути.

Много разъ случалось мнѣ проѣзжать черезъ Полтавскую и Екатеринославскую губерніи. Благословенная сторона! Умѣренный, благорастворенный климатъ, плодородіе, дешевизна припасовъ. Нигдѣ не видала я такихъ превосходныхъ яровыхъ и озимыхъ хлѣбовъ. Когда хлѣбъ еще не снятъ, то представляеть прекрасный ландшафтъ — море колосьевъ,

разнаго рода и цвѣта, отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра волнуется, переливаясь изъ цвѣта въ цвѣтъ, отражая на своихъ золотистыхъ соломинкахъ лучи солнца. Въ концѣ Іюля и въ Августѣ, когда хлѣбъ уже бываетъ сжать, поля принимаютъ другой, не менѣе живописный видъ. Множество разнаго рода дичи слетается на поля; журавли стадами разгуливаютъ окондо копенъ, дѣлая разныя прыжки; куропатки, стрепеты, и множество мѣлкихъ птицъ, вспархиваются цѣльными стадами. Ближе къ Одессѣ, появляются *пеликаны*, *аисты*, *дикія утки* и *гуси*, водящіеся окондо рѣчекъ, гдѣ скрываются въ тростникахъ.

Мѣстечко *Омельники*, Екатеринославской губерніи, замѣчательно живописнымъ своимъ мѣстоположеніемъ. Тутъ при многихъ домахъ есть сады, и при каждомъ домѣ большой огородъ, а при нѣкоторыхъ даже конопляники, почему мѣстечко кажется весьма обширнымъ. Проехавшая Малороссію, и особенно приближаясь къ Одессѣ, видите два различные народные характера: тутъ *Малороссияне*, съ своимъ флегматическимъ, беззаботнымъ нравомъ, мало думающіе о будущемъ, и вотъ подлѣ нихъ *Русскіе*, идущіе весною толпами на Донъ и въ Одессу искать работы, а осенью возвращающіеся домой. За *Елизаветградомъ*, начинаются *степи*. Я слыхала отъ многихъ путешественниковъ, что они скучаютъ однообразiemъ степей, но для меня степи имѣютъ свою прелесть. Весною и лѣтомъ онъ покрыты сочною травою, усыпаны цвѣтами, представляютъ глазамъ роскошный коверъ, раскинутый рукою природы. Прибавьте къ тому ясное голубое небо, сливающееся на горизонте съ землею. При такомъ зрѣлищѣ

въ душѣ человѣка являются мысли о величії Бога, жиѣмъ и благоговѣніи къ всемогущему творцу...

Верстъ за 200 до Одессы начинаются горы, и мѣстами попадаются камни, одинакового свойства съ кампами, какими усыяны Остъ-Зейскія губерніи. Геологи полагаютъ, что камни сіи находились нѣкогда на днѣ морскомъ. Благодаря попеченіямъ Правительства, мѣстами видны уже здѣсь возникающіе лѣса. Каждый Русскій долженъ отъ души порадоваться насажденію лѣсовъ на югѣ. По мнѣнію ученыхъ лѣса должны произвести перемѣну въ климатѣ и отвратить засухи, которыя, несмотря на плодородіе почвы, часто истребляютъ здѣсь посѣзы хлѣба и траву, производя ужасныя бѣдствія. Дай Богъ успѣха! Не мы, такъ дѣти наши увидятъ пользу добрыхъ начинаній и благословятъ предосторожность своихъ предковъ.

Проехавъ въ Одессу, нигдѣ я не останавливалась, и могу сказать только по нѣсколько словъ о городахъ и мѣстечкахъ, лежащихъ на дорогѣ, черезъ которыхъ должна была проѣзжать. Полтава, губернскій городъ, дорога Русскому сердцу, по воспоминанію о знаменитой побѣдѣ, одержанной Петромъ Великимъ, въ 1709 году, 27 Июня, надъ Карломъ XII, королемъ Шведскімъ, и рѣшившей судьбу двухъ государствъ. Сердце Русскаго сильно бьется при взглядѣ на памятникъ, воздвигнутый въ воспоминаніе Полтавской битвы. Городъ находится на горѣ; окрестности его довольно красивы. Кременчугъ уѣздный городъ Полтавской губерніи, при рѣкѣ Днѣпрѣ. Онъ хорошо выстроенъ; въ немъ каменный гостиный дворъ и много каменнаго строепія. На другой сторонѣ Днѣпра, противъ Кременчука, мѣстечко Крю-

ково. Александрія небольшой городокъ Херсонской губерніи, и въ немъ ничего нѣтъ замѣчательного. Елисаветградъ тоже въ Херсонской губерніи; вскорѣ послѣ моего проѣзда онъ почти весь выгорѣлъ. Жалѣю, что мнѣ не удалось быть въ Николаевѣ, и потому не могу я ничего сказать обѣ немъ.

Народонаселеніе отъ Харькова до Одессы почти исключительно Малороссіяне, но въ городахъ, сколько я могла замѣтить, большая часть Русскихъ. Начиная съ Кременчуга появляются Евреи. Одесса выстроена на горѣ, при заливѣ Чёрнаго моря, и видна верстъ за восемнадцать. Тѣмъ пріятнѣе кажется видъ Одессы, что выѣхавши изъ Елисаветграда, если не заѣжжать въ Николаевъ, то надобно проѣхать около трехъ сотъ верстъ степями, почевать въ дурныхъ постоянныхъ дворахъ, и ничто не обѣщаешь вамъ близости богатаго города. Вдругъ, какъ будто проснувшись отъ сна, видишь — Одессу, глядишь и не вѣришь глазамъ своимъ! Проѣхавъ таможню и пересыпь, надобно подняться въ гору, и вотъ вы въ Одессѣ. Она основана въ 1794 году, и нѣтъ еще 50 лѣтъ, какъ на мѣстѣ великолѣпной Одессы была бѣдная деревушка Хаджисбей. Какъ будто по волшебному мановенію возникъ волшебный городъ, съ красиво выстроеными зданіями, магазинами, гостиницами, биржею, гостинымъ дворомъ, театромъ и разными рядами, вмѣщающей около 70,000 жителей. Гавань наполнена кораблями всѣхъ народовъ, и вы можете здѣсь встрѣтить представителей почти всей Европы. Какое смѣщеніе народовъ: Испанецъ и Армянинъ, Французъ и Татаринъ, Нѣмецъ и Грекъ, Русскій и Итальянецъ... Невольно вспомнишь въ Одессѣ слова поэта:

Языкъ Итадіи златой
Звучить по улицамъ веселымъ.

Между всѣмъ этимъ народомъ бѣгаютъ и суетятся Евреи факторы. Одесса болѣе Европейскій, нежели Русскій городъ.

Екатерина II-я, исполняя обширные планы свои, счастливо назначила мѣсто для построенія Одессы. Одно только и весьма важное неудобство въ Одессѣ — недостатокъ хорошей воды; даже нѣтъ близко никакой рѣки; воду употребляютъ колодезную, а нѣкоторые жители имѣютъ въ домахъ цистерны, гдѣ собираютъ и хранятъ дождевую воду. Есть еще два ключа, известные подъ именемъ Большаго и Малаго фонтана. Малый фонтанъ около пяти верстъ, а Большой верстъ за восемь отъ города, и за отдаленностью ихъ немногие могутъ пользоваться изъ нихъ водою. Вся Одесса хорошо выстроена, особенно главныя улицы: Ришельевская, Де-Рибаса, Екатерининская, но самыя лучшія зданія обращены фасадомъ къ морю и передъ ними находится бульваръ, любимое гулянье Одесской публики. Здѣсь дома графа Воронцова, Нарышкина, присутственныхъ мѣста, (и въ томъ же домѣ помѣщается библіотека). Домы на Ришельевской и другихъ улицахъ выстроены, большою частію, въ два этажа; нижніе этажи заняты магазинами, наполненными лучшимъ товаромъ. Все, что только служить къ удобству и роскоши, можно найти въ нихъ въ изобиліи. Пріятно, даже безъ всякой надобности, войти въ галантерейный какой цибуль магазинъ, полюбоваться разными бездѣлками, изящно и со вкусомъ сдѣланными, или въ магазинъ съ хрусталью, фарфоровою

и фаянсовою посудою. Какъ все тутъ хорошо и не-
дорого! Не говорю уже объ Англійскомъ магазинѣ.
гдѣ вы не знаю чѣго не найдете, отъ самыхъ доро-
гихъ тканей и тончайшаго Англійского сукна до
иголки.

Греческую улицу можно назвать овощнымъ рядомъ.
Тутъ продаютъ чай, сахаръ, кофе, какао, сухie фрук-
ты; передъ лавками навѣсы изъ парусины, родъ па-
латокъ, гдѣ разложены груды лимоновъ, апельсиновъ,
цитроновъ, гранатъ, каштановъ, винограда, разныхъ
родовъ яблоковъ и груши. Тутъ помѣщается и боль-
шая часть винныхъ погребовъ. Передъ овощными
лавками сидятъ мѣнялы съ своими столиками, на
которыхъ стоять ящики съ переплетеною прово-
локой крышкою; они большею частюю Жиды.

На Екатерининской улицѣ магазины съ Турецкими
и Персидскими товарами; тутъ шелковыя, полуше-
лковыя и бумажныя ткани, трубки, чубуки, табакъ,
сигары и разныя янтарныя вещи. На Греческой ули-
цѣ находятся лавки *Караимовъ*. Кромѣ того есть въ
разныхъ мѣстахъ ряды и магазины Русскіе и Нѣ-
мецкіе. Думаю, трудно найти человѣка, самаго при-
хотливаго, который остался бы недоволенъ, и не
могъ выполнить всѣхъ прихотей моды и роскоши въ
Одессѣ, начиная съ драгоцѣнныхъ камней, алмазовъ,
брилльянтовъ, коралловъ, гранатъ, золотыхъ и се-
ребряныхъ издѣлій. Въ Одессѣ есть нѣсколько юве-
лировъ и золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ,
у которыхъ, кромѣ готовыхъ вещей, можете зака-
зать все, что вамъ угодно.

Всѣ съѣстные припасы, въ сравненіи съ другими
мѣстами, въ Одессѣ вѣсма дешевы, и чѣго небога-
тый человѣкъ въ другомъ мѣстѣ никакъ не можетъ

себѣ позволить, въ Одессѣ для него вешь обыкновенная. Въ подтверждение словъ моихъ означу цѣны на некоторые припасы: сахаръ лучшій раффинадъ 70 к. фунтъ, полураффинадъ 50, к. кофе 80 к., лучшій Левантскій 1 р. 30 к., маслины 20 к., цапорцы 60 и 80 к., винные ягоды и-коринка 20 к., рисъ 20 к., масло провансское, лучшее, рубль фунтъ.

Рынковъ въ Одессѣ три, Греческій, Старый и Новый Базаръ, но главный Старый. Подъ симъ имеемъ соединяется нѣсколько рядовъ. Сначала идетъ Нѣмецкій рынокъ: тутъ продаются телятину, свинину, ветчину, колбасы, сосиски; близъ него, на площади, останавливаются прѣзжіе колонисты, съ масломъ, сметаною, творогомъ, яичами, живностью; тутъ продаются дичину и сидячіе торговки съ зеленью. Послѣ рядовъ съ угольями начинаются мясные ряды, а на другой сторонѣ овощные лавки; тамъ продаются мукку, крупу, солодъ, постное масло; средину между сихъ рядовъ занимаютъ торговки съ зеленью и разными овощами; тутъ можно найти квашеные бураки, кислую капусту, соленые огурцы. Немного подальше рыбные ряды, и площадь, гдѣ всегда увидите множество тѣлегъ съ рыбой и раками. На право отъ мясныхъ и рыбныхъ рядовъ продаются битую птицу, а немного подальше живую; въ той-же сторонѣ летомъ и осенью бываетъ временный зеленой рядъ, и шалаши, гдѣ продаются разныя овощи; подаѣтъ нихъ стоять возы съ яблоками, виноградомъ, грушами, арбузами и дынями; около устроены дровянной и лѣсной рынки; тутъ же продаются и кизаки. Если начать отъ Нѣмецкаго рынка и идти до дровянаго, то вѣрно будетъ пространства около двухъ верстъ. Здѣсь находите всѣ возможные припасы;

кромъ того на всѣхъ рынкахъ есть особыя отдѣленія для печенаго хлѣба разныx родовъ, и вамъ предлагаютъ Греческій, Нѣмецкій, Французскій, Русскій, пшеничный и ржаной. Сверхъ всего, въ разныхъ мѣстахъ сидятъ торговки съ фруктами, плодами, орѣхами, пряниками. Пройдите по Ришельевской улицѣ, и вы увидите подвижную желѣзную печку, гдѣ пекутъ каштаны, а поворотите на Греческую — здѣсь продаютъ вамъ шербетъ. Словомъ, въ Одессѣ для гастронома, какъ будто слились удобства и прихоти Европы съ роскошью Азіи. Не знаю другаго мѣста въ цѣлой Россіи, гдѣ можно бы жить дешевле, удобнѣе и пріятнѣе.

Видъ моря, съ гаванями военною и купеческою, всегда былъ для меня прекрасенъ. Я любовалась, какъ тихо носило оно на лонѣ своеемъ корабли, окрыленные бѣлоснѣжными парусами, летящіе, будто лебеди, и вотъ, ближе, ближе, вступающіе на рейду — паруса ихъ собраны; якорь отданъ. Но прелестно море и тогда, когда южная луна отражается въ немъ, и будто печальная красавица, съ томною улыбкою на устахъ, задумчиво смотрится въ вѣчное, огромное трюмо. Грозно, очаровательно море и въ чась бури, когда ярящіеся валы, будто оспоривая другъ у друга путь, гонятся одинъ за другимъ и грозятъ гибелю отважному мореплавателю. Буря продолжается иногда нѣсколько дней. Ночью, волны, разбиваясь о борты, разсыпаются фосфорнымъ блескомъ. По утру и вечеромъ съ брантахты палить заревая пушка. Какъ-то невольно привыкаешь къ этому звуку и ждешь его.

Продовольствіе Одессы изобильно ; стада рогатаго скота и барановъ пригоняютъ сюда изъ Малороссіи,

и мясо, въ самое дорогое время, не бываетъ доро-
же 15 коп. за фунтъ; баранина тоже. Изъ дичи на-
ходятся драхвы, куропатки, стрепеты, гуси, утки,
зайцы. Изъ рыбы осетры, стерляди, кастрюки, су-
даки, окунь, щуки, камбала, бычки, карпы, скам-
брія. Изъ черепокожныхъ мидіи и селенгасы. Мор-
скіе раки двухъ родовъ, большие и маленькие, из-
вѣстные подъ именемъ раковъ. Устрицы весною де-
шевы, и иногда бываютъ по рублю и по 80 коп. за
сотню. Рѣчные раки здѣсь очень вкусны и ихъ мож-
но всегда достать. Вообще весною изобиліе рыбы,
но въ Одессѣ есть ледниковъ, и потому нельзя со-
хранять малосольной рыбы и икры въ прокъ; жи-
тели употребляютъ ее болѣе свѣжую.

Зелень можно имѣть почти во весь годъ прекрас-
ную. Весною и лѣтомъ привозятъ ее колонисты.
Кромѣ извѣстныхъ родовъ, употребляемыхъ въ Рос-
сии, въ Одессѣ много цродаются баклажановъ и па-
мидоровъ — первые родъ огурцовъ, но только фю-
летового цвѣта; ихъ приготовляютъ подъ соусомъ и
начиниваютъ. Памидоры у насъ извѣстны подъ име-
немъ амурныхъ яблоковъ; ихъ кладутъ въ соусы и
бершъ. Еще въ большомъ употреблениі разныхъ ро-
довъ тыквы; въ Одессѣ называютъ ихъ вообще ка-
банами; они продолговаты, когда еще молоды; ихъ
начиниваютъ говядиною или рисомъ, и подаютъ
подъ соусомъ. Столъ Одесскій, какъ народона-
селеніе Одессы — смесь кушаньевъ разныхъ націй:
Русскіе блины, пироги и щи; Малороссійскій борщъ
и вареники; Польскіе голубцы и разныя запеканки,
Молдаванская мамальга, Азіатскій нилавъ и Гречес-
кія кушанья — все сдѣлано здѣсь общимъ. Но Рус-
скіе сохранили свой драгоценный квасъ, хотя боль-

шая часть изъ нихъ пьютъ воду съ виномъ, кото-
рое очень дешево, а простой народъ пьетъ просто
воду; хоть и продаютъ квасъ, но онъ не хороши;
пива вообще пьютъ весьма мало.

Дрова въ Одессѣ довольно дороги. Квадратная са-
жень хорошихъ дубовыхъ дровъ стоитъ 50 рубл., а
иногда доходитъ и до 80. Но ихъ надо бно немно-
го; печи въ кухняхъ топятъ кизякомъ и дрова упо-
требляютъ только на растопку; кушанье готовятъ
вообще на угольяхъ; въ очагахъ устраиваютъ кан-
форки, которые совершенно замѣняютъ плиту. Про-
стой народъ топить печи бурьяномъ, тростникомъ и
кизякомъ (кизякъ ни что иное, какъ навозъ, пере-
мѣшанный съ соломою; лошадиный и овечій почи-
таются лучшимъ; изъ смѣси его съ соломою дѣлаются
пласти и кирпичи, которые потомъ сушатъ на солнцѣ
и продаютъ возами и саженями; сажень хорошаго
кизяка стоитъ отъ 25 до 30 рублей; кизякомъ, какъ
дровами, можно топить печи, варить кушанье и пѣть
хлѣбы). Уголь привозятъ изъ Бессарабіи, въ огром-
ныхъ каруцахъ (такъ называются плетеные короба,
которые вмѣщаются въ себя отъ 15 до 30 четвертей).
Обыкновенная цѣна угольямъ 2 и 3 рубля за чет-
верть, но иногда доходитъ и до 5-ти.

Послѣ Русскихъ самую многочисленную часть жи-
телей Одессы составляютъ Греки и Евреи. Греки
большею частию купцы; изъ Евреевъ также много
купцовъ; они торгуютъ оптомъ и въ разницу, но
большая часть ихъ ремесленники, мѣдники, жестя-
ники, портные и факторы. Сверхъ того у Евреевъ
есть свои хлѣбники, булочники, мясники. Да, поз-
волено будетъ мнѣ сказать свое мнѣніе объ Евре-
яхъ. Вообще мы привыкли почитать ихъ самыми

дурными людьми. Живши два года въ Одессѣ, пель-
за было не имѣть съ ними сношеній, и скажу от-
кровенно, я всегда оставалась ими довольна. Прав-
да, что Еврей не упустить изъ вида своей выгоды,
по кто жь ее и упускаетъ? За то, какая неутоми-
мость, какое проворство у Ерея! И если онъ увѣ-
ренъ, что заслуга его не пропадетъ даромъ, онъ
все выполнить вамъ съ возможною точностью, и на-
добно прибавить, честно. По крайней мѣрѣ, мнѣ ни-
разу не случалось быть обманутую Жидомъ, и на-
противъ, я вспоминаю со смѣхомъ, что однажды я
сама обманула, или лучше сказать, испугала Жида.
Мнѣ нужно было размѣнять ассигнацію на мѣль;
я упомянула выше, что почти все мѣниалы въ Одес-
сѣ Ереи, и я подошла къ одному изъ нихъ, у ко-
тораго всегда размѣнивала деньги. Въ разсѣяніи, то-
ронясь исправить разныя покупки, тотчасъ потомъ
я ушла. Не прошло получаса, какъ въ лавку, гдѣ я
была, прибѣгаешь запыхавшись Жидъ. На немъ ли-
ца не было, какъ говорятъ Русскіе. «Вы размѣни-
вали у меня деньги?» проговорилъ онъ, наслуу со-
бравшись съ духомъ. — Да, — отвѣчала я. «Но вѣдь вы не отдали мнѣ вашей ассигнації!» — Если
не отдала, такъ она у меня — сказала я, и въ са-
момъ дѣлѣ нашла ее у себя въ ридикюль. Бѣдный
Жидъ бытъ въ такомъ восторгѣ, что готовъ бытъ
цѣловать руки. Обращаюсь къ ихъ услужливости.
Нужно-ли вамъ что нибудь купить, продать, про-
мѣнять, прискать человѣка, квартиру — поручите
только Жиду и не заботьтесь — все будетъ исполнено!
Много у насъ говорятъ о неопрятности Жи-
довъ, и даже будто у нихъ въ домахъ есть какой-
то особенный дурной запахъ, Жидовскій, не смотря

даже на богатство, но это сущій вздоръ: мнѣ случалось бывать у зажиточныхъ Евреевъ, и у нихъ все чисто и опрятно, какъ у христіанъ. Странно ставить въ примѣръ бѣдныхъ Евреевъ. Однакожь, при всѣхъ похвалахъ, надобно сознаться, что деньги — кумиръ Евреевъ: они ему покланяются, и посредствомъ золота изъ нихъ можно сдѣлать все, что угодно. Надобно только видѣть, какъ измѣняется лицо Жида при видѣ денегъ. Не имѣя отечества, все свое блаженство Жидъ полагаетъ въ деньгахъ. Вообще у Евреевъ умныя, выразительныя лица; женщины ихъ хороши собой, и нерѣдко можно встрѣтить между ними красавицъ, но красота ихъ проходитъ скоро. Мнѣ не случалось видать между Жидами нищихъ; они всегда помогаютъ другъ другу. Пользуясь выгодами гражданства и свободою въ отправлениі религіозныхъ обрядовъ, Евреи строго ихъ выполняютъ. Суббота — день посвященный у Еврея молитвѣ и отдыхновенію. Тогда всѣ лавки ихъ и магазины заперты; они гуляютъ по бульвару и улицамъ. Благодаря просвѣщенію, теперь смотрятъ на насъ совсѣмъ другими глазами на Евреевъ. Образованный Еврей пользуется уваженiemъ, наравнѣ съ другими иностранцами, но въ простомъ народѣ нашемъ существуютъ еще анти-жидовскіе предразсудки. Въ Сентябрѣ Евреи празднуютъ день Кущи, и въ то время почти всегда бывають въ Одессѣ вѣтры и перемѣнная погода; простой народъ говорить, будто все происходитъ отъ того, что Жиды празднуютъ тогда кучки (такъ называетъ онъ Еврейскій праздникъ).

Петербургскіе Невскій Пропспектъ и Лѣтній садъ, и Московскіе Тверской бульваръ и паркъ, въ Одес-

сь замѣняютъ приморскій бульваръ и городской и ботаническій сады. Многіе также възятъ гулять на хуторы, разбросанные по морскому берегу; при каждомъ изъ нихъ есть сады. Но преимущественно хуторъ Д. Т. С. Стурдзы посѣщаются болѣе другихъ; онъ на берегу моря, при скатѣ горы, недалеко отъ Малаго фонтана. Всякій ираздникъ найдете тамъ нѣсколько семействъ разныхъ націй. Обыкновеніе всѣ пріѣзжаютъ съ обѣдомъ и гуляютъ до вечера. Однажды была я, тамъ свидѣтельницею пріятнаго зрѣлища. Пріѣхавъ туда, мы нашли уже нѣсколько семействъ, расположившихся отдѣльными обществами. Тутъ были Греки, Нѣмцы, Итальянцы. Каждое изъ обществъ отличалось своимъ національными оттѣнками. Греческіе купцы, человѣкъ пятнадцать, обѣдали безъ семействъ; женщины пріѣхали у нихъ къ чаю. За изобильнымъ обѣдомъ въ Греческомъ вкусъ не забыты были и вина. Мы понравилось обыкновеніе, что каждый въ свою очередь, съ бокаломъ, наполненнымъ виномъ, долженъ былъ что нибудь пропеть. Это напоминаетъ обычай древнихъ Грековъ. Послѣ обѣда начались у нихъ игры. — Нѣмцы между тѣмъ танцевали подъ звуки гитары; вездѣ кипѣли самовары, варился кофе, и берегъ моря сдѣлался гуляніемъ. Вдалекъ плыли подъ вздутыми парусами корабли. Нельзя описать такого разнообразнаго зрѣлища, а надобно, егозидѣть, и этотъ день былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни.

Поселенія колонистовъ приносятъ большую пользу Одессѣ. Трудолюбивые, и по большей части хорошаго поведенія, колонисты обзавелись здѣсь хозяйствомъ и живутъ въ довольствѣ. Я видѣла нѣкоторая Нѣмецкія колоніи и мнѣ очень понравился

образъ жизни въ нихъ, чуждый прихотей и излишествъ. Ближайшая отъ Одессы колонія *Луиздорфъ*. Въ ней одна улица, по обѣимъ сторонамъ которой выстроены чистенькие, уютные домики, и передъ каждымъ изъ нихъ находится палисадникъ съ цветами; въ каждомъ домѣ есть стѣнныя часы. У всѣхъ колонистовъ разведены сады и виноградники, а также довольно находится домашнаго скота и лошадей. Колонисты снабжаютъ Одессу зеленью, молокомъ, масломъ и другими съѣстными припасами. Сохраняя свою религію и свой языкъ, они совершенно свыкались однакожь съ своимъ новымъ отчествомъ. Лѣтомъ всѣ дома въ Луиздорфѣ заняты Одесскими жителями, которые переѣзжаютъ въ колонію пользоваться деревенскимъ воздухомъ и морскимъ купаньемъ.

Каждая изъ живущихъ въ Одессѣ націй приноситъ въ нее свои обычай и повѣрья, и живеть отдельно въ семейной жизни, имѣя сношенія только по торговымъ и общественнымъ дѣламъ. Однакожь есть обычай общіе всѣмъ жителямъ. *Новый годъ* празднуютъ всѣ. Наканунѣ всегда бываетъ собрашie, гдѣ перемѣшаны вмѣстѣ чиновники, купцы, дворяне и иностранцы. Иногда посѣщаетъ собраніе самъ Новороссійскій Генералъ-Губернаторъ. Кромѣ того собираются въ семейномъ кругу родные и знакомые, встрѣтить новый годъ вмѣстѣ. Наступленіе его привѣтствуютъ полными бокалами и ракетами, хлопанье которыхъ слышно почти до самаго разсвѣта, На масляной Русскіе гречневые блины пекутъ вѣздѣ, а также приготовляютъ и вареники. О *святой-недѣлѣ* есть въ Одессѣ обыкновеніе ставить на столъ куличи, и такъ называемыя *бабы* (которыя приго-

тovляютъ въ Одессъ съ особеннымъ искусствомъ), сыръ, баражка изъ Чухонскаго масла, яицы, и кромъ тогъ еще нѣсколько блюдъ, какъ то: ветчину, жареную телятину, колбасы, и прочее, дополняя все виномъ и водкою. Такая закуска стоитъ на столъ три дни, а въ нѣкоторыхъ домахъ всю свѣтлую недѣлю. Тогда же ставятъ качели, подъ которыми простой народъ пьетъ и гуляетъ, а высшая публика катается вокругъ въ экипажахъ. Вторникъ на Фоминой недѣлѣ, день общаго поминовенія усопшихъ, наблюдается и въ Одессѣ. По-утру Русскіе служатъ панихиды и литія по умершимъ родственникамъ, а послѣ обѣда собираются гулять на кладбищѣ. Въ сочельникѣ, на канунѣ Рождества, всѣ, смотря по состоянію, готовятъ ужинъ и празднуютъ наступающій день Рождества Христова. Тогда пекутъ разныхъ родовъ пироги, съ вареньемъ, ягодами и макомъ. Варятъ еще взварь, изъ чернослива, коринки и вишнъ, и приготавляютъ разнымъ манеромъ рыбу. Кромъ своего семейства, тогда собираются ужинать и знакомые.

ИРКУТСКЪ.

Сибирь, самая отдаленная и обширная изъ всѣхъ частей Россійской Имперіи, все еще мало известна, даже Русскимъ. Есть сочиненія о Сибири, заслуживающія вниманіе и полное довѣріе читателей. Таковы: «Историческое обозрѣніе Сибири,» Словцова; сочиненіе Семивскаго; «Описаніе Енисѣйской губерніи,» Степанова; «Путевида въ Якутскъ,» Щукдна; «Поѣздка къ Ледовитому морю,» Белявскаго, но всѣ ихъ можно почесть болѣе источниками къ составленію исторіи и географіи Сибири. Желательно, чтобы трудолюбивая рука просвѣщенаго писателя составила описание Сибири въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніи. Надѣюсь, что такое желаніе всѣхъ посвѣщенныхъ и любящихъ свое отечество Русскихъ исполнится, особенно при содѣйствіи просвѣщенаго Правительства. Сибирь вполнѣ заслуживаетъ такое описание во всѣхъ отношеніяхъ. Желаніе быть полезною, сколько слабыя мои свѣдѣнія позволяютъ, заставило меня писать мои *Записки и воспоминанія* о Сибири. То же самое желаніе побуждаетъ меня и теперь написать еще нѣсколько за-

мъчаній, основанныхъ на собственномъ моемъ наблюденіи, во время моего жительства въ Иркутскѣ. Минъ извѣстно, что г. Корюховъ, бывшій предсѣдателемъ Иркутской Уголовной Палаты, урожденецъ Сибири, человѣкъ умный и наблюдательный, вѣль свои записки о замѣтныхъ Сибирскихъ событіяхъ и ежедневный журналъ о перемѣнахъ въ климатѣ во всѣ времена года, вскрытии и замерзаніи Ангары, урожаѣ хлѣба и другихъ произведеній; вѣроятно, есть въ его запискахъ и цѣны припасовъ, и очень было бы любопытно видѣть журналъ г. Корюхова, если онъ сохранился (онъ долженъ быть у зятя его, Н. Н. Веригина). Можетъ быть, есть записки и другихъ старожиловъ Сибири. Кроме наблюдений и записокъ о климатѣ и произведеніяхъ, Сибирь для изыскателей старины: болѣе поле наблюдений, которымъ можно еще воспользоваться; первые поселенцы Сибири были, большей частью, изъ сѣверныхъ областей Россіи, промышленники, заезжие купцы, дѣти бѣлрѣкіе, стрѣльцы, и люди, попавши подъ опалу. Они приносили съ собою обычаи, поговоры, пословицы, сказки, пѣсни, поговоры преданія и домашній бытъ. Все сохранилось въ разныхъ мѣстахъ Сибири, но неизрѣально, какъ все вынѣ измѣняется; пройдетъ еще нѣсколько десятиковъ лѣтъ и не останется смысла старины. Не сперю, что все дѣлается къ лучшему, да такъ и должно быть, но почему не сохранять намъ памяти своихъ родныхъ преданій, событий и быта Русскаго? Мы пишемъ у иностраницъ описаний Россіи и дѣлаемъ вымысли изъ Олеарія и Маржерета, а не пользуемся своими родными источниками. Не мнѣ, женщина безъ образования, дѣлать ученыя изысканія. Руководимая ис-

тивною любовью къ отечеству, я приношу только ему свой бѣдный лептъ.

Наиправо представаютъ Сибирь землею безнодиною, покрытою ледяною корою, большую часть года и бѣдного произрастеніями. Сибирь по обширности своей имѣть разные климаты. Области Якутская, Охотская и Камчатка находятся въ суровомъ климатѣ и мало способны къ воздѣлыванію земли, что зависитъ частію отъ климата, частію отъ мѣстоположенія и привычекъ жителей. За то все мѣста Сибири, неспособныя къ земледѣлью и произрастанію огородныхъ овощей, изобилуютъ рыбой, дичиной, лѣсами, наполненными зверемъ, доставляющимъ жителямъ пищу и одежду.

Благодѣтельная природа замыляетъ одно другимъ. Люди привыкаютъ ко всякому климату и приживаются до того, что имѣя возможность жить въ мѣстахъ больше плодородныхъ и обильныхъ, то скучаютъ о своихъ лѣсахъ, привыкшиа съ наслажденiemъ время рыбной ловли и трудной охоты. Стало быть не совсѣмъ дурно, на примѣръ, въ Камчаткѣ, когда туземцы съ восторгомъ разсказывали мнѣ о горячихъ сопкахъ ея, при свѣтѣ которыхъ можно читать ночью книгу; и къ которымъ такъ привыкли они, что спокойные духомъ, когда горитъ сопка, они замыгають ею барометръ и дѣлаютъ по ней свои наблюденія о погодѣ. Горы, покрытые лѣсами, источники целебныхъ водъ, долины, украшенный густою зеленою, все возбуждаетъ желаніе, хотя не жить, но взглянуть на такую природу Камчатки и красоты ея. Я не бывала въ тамошнихъ мѣстахъ, но многое слыхала отъ людей, проведшихъ жизнь свою въ Камчаткѣ, Охотскѣ и Якутскѣ. Климатъ

самый умеренный въ Сибири въ Томской губерніи и въ южныхъ частяхъ Енисейской, Тобольской и Иркутской. И тутъ, возмите, на прмѣръ, Тобольскую губернію — Тюмень, гдѣ въ нынѣшнемъ состояніи земледѣліе, обиліе огородныхъ овоцей, обширное скотоводство и растутъ дикия вишня, и Березовъ — дикая пустыня. Потому видно, какъ трудно писать вообще о Сибири; каждая изъ Сибирскихъ губерній представляетъ разницу въ произведеніяхъ, климатѣ, жителяхъ, въ образѣ жизни. Я живалъ себѣственно въ Иркутскѣ, и хорошо знаю мѣста, составляющія его округъ, а потому могу вѣрно говорить о томъ, что сама видѣла и наблюдала въ продолженіе 26-лѣтняго моего жительства. Зима становится въ Иркутске обыкновеніе около половины, или въ концѣ Ноября. При мнѣ самая ранняя зима была въ 1892 году. Зимой путь устанавливается по ловинамъ Октября. Зима Иркутская обыкновенно бываетъ постоянна. Не помню, чтобы бывали оттепели, или щель дождь зимою, но считается оттепелью, когда морозъ простирается отъ б. до 10 градусовъ. Въ Февралѣ начинаютъ перетасливаться зимние дороги, но въ полѣ дорога бываетъ еще хороша. Въ концѣ Февраля и началѣ Марта отправляются изъ Иркутска послѣдніе обозы съ товарами, которые дойдя до Томска, или до Тюмени, отправляются уже на колесахъ куда назначены, въ Москву, или на Нижегородскую ярмарку. Въ Мартѣ снѣгъ склоняется, а на пасхѣ, которая, какъ известно, не бываетъ раньше 24 Марта, все уже надѣять въ Иркутскѣ въ лѣтнихъ экипажахъ. Временами перепадаетъ еще снѣгъ, но такъ бываетъ и въ южныхъ губерніяхъ Россіи. Въ Апрѣль наступаютъ ясные и теплые дни, но все

еще не весна; почти холодны и зелень только что начинает показываться. И вот прилетают плишки, стрижки и ласточки; въ Маѣ все уже зеленѣть, цветутъ цвѣты въ полѣ и жители садять овощи, но огурцы сажаютъ они въ гряды въ концѣ Маѣ. *Разсаду*, огуречную, капустную, табачную, и тыквы сѣютъ въ началѣ Маѣ въ теплые грядки, обитыя досками и приготовленныя, какъ парники, ибо сверху покрываютъ ихъ досками, и въ концѣ Маѣ высаживаютъ посаженное въ нихъ въ гряды. Дыни и арбузы растутъ только въ парникахъ. Фруктовыхъ деревъ вовсе нетъ въ Иркутскѣ, хотя и дѣлацъ попытни ихъ разведить. Главныя препятствія холодная ночь и утренніе морозы, или инецъ, которые продолжаются до половины, а иногда до конца Маѣ. Сѣнокосы начинаются въ началѣ Іюля; огурцы посыпаются въ Іюль и ихъ бываетъ довольно. Жатва хлѣба начинается съ половины Августа. Время въ Іюнь, Іюль, Августъ, по большей части, прекрасное и дни жарки, не въ Августѣ, съ 20 числа, начинаются уже утренними, хотя дни все еще теплы. Осенъ сухая и ясная продолжается постоянно до конца Сентября, а иногда даже весь Октябрь. Самый ранній дождь, какой я помню, былъ *перваго числа Марта*, и то случилось одинъ разъ въ 26 лѣтъ. Рѣки становятся въ Ноябрѣ, кромѣ Ангары, которая, какъ и озеро Байкалъ, замерзаетъ въ Декабрѣ и почти въ одно время съ Байкаломъ. Рѣка-столицѣ Ангары представляетъ разницу отъ другихъ рѣкъ тѣмъ, что разливъ ея бываетъ при замерзаніи а не при вскрытии. Сначала начинаетъ идти по рѣкѣ ледъ, который называются въ Иркутскѣ *шугою*; если стоять морозы, то наводненіе бываетъ небольшое и

вода не поднимается выше береговъ, но въ теплую погоду, т. е., когда морозы не выше 10° вода выходит изъ береговъ, заливаетъ въ уличны города, и силою воды огромный льдинъ выворачивается на берегъ. Два раза въ 50 лѣтъ были даже отъ Ангари большія наводненія. Жители, имѣющіе дома на берегу рѣки, особенно у кого жилье низко, должны были выбираться изъ домовъ; по улицамъ плывали въ лодкахъ; вода доходила даже до Гостицаго двора, выстроеннаго почти въ срединѣ города. Но только рѣка остановилась, вода начала сбывать, оставляя по берегамъ огромныя глыбы льду. Во время рѣкостава въ колодцахъ вода поднимается и изъ земли выступаетъ въ негреба, особенно въ домахъ близъ рѣки. Ангара становится всегда перекошо; льдинны, извороченный по всей рѣкѣ, представляютъ зрылище, подобное Швейцарскому леднику. Такія льдинны называются въ Сибири *торосылки*. Есть замѣчаніе въ народѣ, что если много теросьевъ на рѣкѣ, то будетъ хороший урожай хлѣба. Прожажая зимою изъ Кяхты въ Иркутскъ, я видѣла, что рѣки Селенга, Уда, и озеро Байкалъ были покрыты такими торосьями. Еще есть замѣчаніе у старожиловъ, что снѣгъ, которымъ иногда зимою кажется опущены деревья, и что въ Сибири называются кухтою, обещаетъ илодородный годъ, если бываетъ великъ. Грозы въ Иркутскѣ сильныя и болѣе случаются въ концѣ Июня и въ Июль; иногда убиваются громомъ людей и зажигается строенія. Лѣтъ шестидесять, или около того, сгорѣлъ въ Иркутскѣ Гостиный дворъ, который былъ деревянный. Послѣ пожара выстроили его каменный, и противъ него другой, также каменный, только меньшѣ, который

называют *Мощанскими*. Сибиряки и крупныхъ градовъ въ Иркутскѣ не знаютъ; самый крупный, который миъ случалось видеть, былъ величиною въ кедровый орехъ. Вихри бывають почти каждое лѣто; такъ называютъ въ Сибири вѣтеръ, который, влругъ появясь, вертится кругомъ, поднимая соръ и щепы на улицахъ, срываетъ шляпы съ прохожихъ, и когда человѣкъ попадетъ въ такой воздушный тифонъ, то съ трудомъ изъ него освобождается, хотя онъ и не причиняетъ вреда. Есть однажды басни въ народѣ, будто иногда такимъ вихремъ уносило дѣтей, но при мнѣ никогда такой диковинки не случалось.

Во время моего жительства въ Иркутскѣ каждую весну горятъ лѣса. Такіе лѣсные пожары могутъ быть только въ Сибири, ибо сколе Иркутска, верстакъ въ 10 и 15, растутъ огромные лѣса. Причины лѣсныхъ пожаровъ суть дровосѣки, и люди, которые рубятъ лѣсъ, жгутъ уголь и известь; разводя огонь, не берутъ притомъ предосторожностей и оставляютъ уголья и головни непотушеными. Раздуваемые вѣтромъ остатки огня захватываютъ сухую траву; огонь добирается до лѣса и производить пожаръ, который продолжается иногда несколько дней и лѣсъ выгараетъ на обширное пространство. Въ городѣ слышать тогда запахъ дыма и видѣть огонь. Особенно почко здѣшнее великолѣпно и ужасно. Иркутскъ окруженъ горами, покрытыми лѣсомъ; огонь, пробираясь по вершинамъ деревьевъ, то разливается огненою рѣкою, то извивается летучимъ, огненнымъ змѣемъ. Народъ привыкъ къ такому здѣшству и говорить спокойно: *Палы ходятъ!* (пала-ми называютъ въ Сибири лѣсные пожары). Несчастій никакихъ не случается; нѣтъ примира, чтобы

выгорѣло притомъ иное селеніе. Вообще въ деревняхъ Сибири бываетъ гораздо менѣе пожаровъ, нежели въ Россіи. Кровли деревенскихъ домовъ покрыты тесомъ, и по бѣдности развѣ дранью (такъ называютъ тонкія доски); соломенные кровли вовсе неизвѣстны въ Сибири и народъ по изобилію лѣса не имѣеть въ нихъ нужды.

Въ 1811 году около Иркутска горѣли тундры (такъ называютъ тамъ сырое мѣсто, заросшее множествомъ кореньевъ; еще называютъ такія мѣста зыбь, или трясина; вѣроятно, въ такихъ мѣстахъ бывали прежде болоты, но воды въ нихъ уже ить и остается только сырость). Лѣто было необыкновенно жаркое, что и сдѣлалось причиной возгорѣнія. Отъ тѣнія тундръ воздухъ былъ наполненъ влажнымъ паромъ, смѣшаннымъ съ дымомъ; солнце казалось краснымъ и было, какъ будто подернуто покрываломъ. Необыкновенная перемѣна атмосферы не имѣла никакой вліянія на здоровье жителей, и не было никакихъ притомъ особыхъ повальныхъ болѣзней.

Въ томъ же году, съ весны до осени, была видна комета, небесная гостья, предшественница незабвенного 1812 года и великаго испытанія Россіи, бѣдствія, возродившаго отечество наше къ новому величію, славѣ и спасенію Европы. Народъ толковалъ о чудномъ явлѣніи. Помню, когда однажды вечеромъ, собравшись на галлерѣ у дома, смотрѣли мы на комету, величественно простиравшую блестящій свой хвостъ на сѣверъ. Мы, какъ будто сдружились тогда съ ея явлѣніемъ; каждый вечеръ смотрѣть, бывало, и ждемъ, будто луны, явленія кометы. Такъ сдружился потомъ народъ Русскій сердцемъ и духомъ на защиту отечества.

Вообще можно сказать, что климатъ въ Иркутскѣ здоровъ. Повальныхъ болѣзней бываетъ мало. Желательно и полезно было бы наблюдать, какія именно гдѣ бываютъ повальные болѣзни. Можетъ быть, и есть подобныя записи въ журналахъ и наблюденіяхъ медицинскихъ, но мы не слыхалось однажды читать о наблюденіяхъ надъ болѣзнями въ Иркутскѣ и окрестъ его. Не смѣя взять на себя важныхъ и ученыхъ изслѣдований, упомяну просто, какія болѣзни повальный замѣчала въ Иркутскѣ въ продолженіе 26 лѣтъ. Я была еще очень мала, когда явилась тамъ, такъ называемая, Сибирская язва, но отъ нея умерло токмо нѣсколько человѣкъ. Не знаю, существовала ли сія болѣзнь гдѣ нибудь кромѣ Иркутска, а сущность ея была слѣдующая: вдругъ появлялось на тѣлѣ небольшое пятно, подобное укусенію настѣкомаго, начинало чернѣть и увеличиваться, дѣлался жаръ и человѣкъ умиралъ. Болѣзнь приписывали тогда уязвленію вредныхъ мошекъ; по крайней мѣрѣ, такъ говорили въ народѣ, но сколько мнѣ известно, ни прежде ни послѣ сей болѣзни не было. Леченіе употребляли противъ нея слѣдующее: вокругъ пятна накалывали острою иглою и примачивали крошки отваремъ листового табаку; въ домахъ велико было разводить, такъ называемый, деревянный огонь (который достають тренцемъ двухъ кусковъ сухаго дерева). Его зажигали въ ямахъ, выкопанныхъ во дворахъ, подкладывали сухихъ щепъ и заваливали навозомъ. Помню, что у насъ во дворѣ была такая яма съ деревяннымъ огнемъ, который тщательно сберегали, по вообще бѣдствіе надѣвало болѣе шума, нежели вреда, и смертью нѣсколькихъ человѣкъ.

все прекратилось. Думаю, что и теперь еще старушки въ Иркутскѣ твердятъ о страшной мороей лэль, хотя жертвой ея было не больше 10 человѣкъ. Богъ знаетъ, что это такое было, но притомъ не учредили карантинъ, не брали и другихъ предосторожностей, и все ограничивалось изжиганіемъ и глою и примачиваніемъ настоя табаку.

Коклюшъ, бывшій въ 1807 и 1808 годахъ, гораздо болѣе причинилъ смертности. Умирали болѣе дѣти, отъ 1 года до 7 лѣтъ. Рѣдки были примѣры смерти людей болѣе совершеннаго возраста и еще менѣе умирало отъ коклюша совершенно взрослыхъ.

Болѣзнь, отъ которой много умираетъ въ Иркутскѣ дѣтей, пакосъ, и онъ случается каждую весну. Полагаю, можно объяснить появленіе его темъ, что дѣтей кормятъ коровьимъ молокомъ весною, когда коровы начинаютъ выгонять въ поле и онъ питается новою зеленью. Перемѣна пищи, вѣроятно, имѣеть вредное дѣйствіе на дѣтей. Но иногда бываетъ въ Иркутскѣ и повальный кровавый пеношъ. Онъ свирѣпствовалъ въ 1807 и 1816 годахъ. Умирали болѣе дѣти, а старые и совершенныя лѣтъ люди выздоравливали.

Нарызы въ горлѣ, или жабу, можно причислить къ болѣзнямъ эпидемическимъ въ Иркутскѣ. Она болѣе бываетъ періодами. Помню, что она была при мнѣ раза два, но отъ нея болѣе страдали и умирали дѣти.

Другія болѣзни случаются, какъ и вездѣ, но гораздо слабѣе, нежели въ другихъ климатахъ. Въ мое время въ Иркутскѣ не были известны ни скѣрлатинъ, ни крупъ. Холера не была въ Сибири. Корь и оспа суть болѣзни, сдѣлавшіяся общими повсю-

ду, но оспа и нынѣ еще болѣе въ Сибири жесто-
кая, потому болѣе, что не выводится предрасу-
докъ, по которому простой народъ не охотно при-
виваеть оспу дѣтамъ, не смотря на приказанія Пра-
вительства. Напротивъ, Буряты и Якуты сами про-
сять, чтобы прививали дѣтамъ ихъ оспу. Доктора
объясняютъ ихъ улусы. Де прививанія оспы, она
была бичъ истребительный для полудикихъ, кочую-
щихъ народовъ. Буряты и Якуты, когда появля-
лась между ними оспа, оставляли больныхъ и ухо-
дили отъ нихъ въ другія места кочевать. Нынѣ не
слышно, чтобы между Русскими умирали отъ оспы,
Чахоткой умираютъ въ Иркутскѣ гораздо менѣе, не-
жели въ другихъ мѣстахъ. Водяная болѣзнь также
очень рѣдка. Народъ вообще въ Иркутскѣ здоровъ
и долговѣченъ, и больше можно тамъ встрѣтить лю-
дей, дожившихъ до 70 и 80 лѣтия возраста, не-
жели въ другихъ мѣстахъ.

Прежде часто бывалъ въ Иркутскѣ падежъ ро-
гатаго скота, но нынѣ онъ случается гораздо рѣ-
же.

Предоставляя ученымъ изслѣдованіе причинъ земле-
трясений, бывающихъ не рѣдко въ Иркутскѣ, опишу
четыре изъ нихъ, довольно сильные, которые были
чувствуемы въ продолженіе 25 лѣтъ, кроме ино-
гда небольшихъ. Первое было въ 1804 году. Пасха
была тогда въ Апрѣль. Обыкновенно передъ празд-
никомъ, особенно гдѣ хозяинъ большія хлопотуны,
въ Иркутскѣ не только все въ домѣ моютъ и чистятъ,
но прежде мывали даже и дома снаружи. За трид-
цать пять лѣтъ мало было тамъ домовъ обитыхъ тес-
комъ и ни одного выкрашенаго дома; то и другое
замѣняли чистота и опрятность, которая и дохол-

дели почти до излишества. Все было приготовлено для великого праздника; испечены куличи, сделаны сырьи, выкрашены красные и пестрые яйца, приготовлены пирожные и сахарники. Собирались идти к Христовской заутрени; мы вынули платья и приготовили восковые свечи. Многие не сняли всю ночь на Святое Воскресенье, но я такъ утомилась домашними приготовлениями и была еще такъ молода (мень было тогда 14 лѣтъ), что непросила разбудить меня, когда услышать первый звонъ, и легла, надѣясь заснуть. Свѣчу я погасила, но едва успѣла лечь, какъ услышала шумъ, подобный первымъ вѣтра. Въ сѣдѣ за тѣмъ кровать моя начала качаться; посуда въ шкафѣ зазвенѣла, и хотя не было огня въ комнатѣ, но слышно было, что вся мебель движется. Какъ ни было необычайно для меня такое явленіе, но я тотчасъ дегадалась, что должно быть землетрясеніе. Оно продолжалось около двухъ минутъ, но я не успѣла еще ономниться, какъ уже все утихло. Не знаю, что было причиной: моя ли неопытность и молодость, или утомленіе, но я не очень испугалась, хотя и знала очень хорошо объ ужасныхъ землетрясеніяхъ, разрушавшихъ Лисабонъ, Лиму и другіе города, но я опять легла и спокойно заснула. Не прошло часа, какъ пришли будить меня къ заутрени. На другой только день узнала я, что было довольно сильное землетрясеніе, чувствованное во всемъ городѣ, но никто изъ жителей не потерпѣлъ и только упалъ крестъ съ одной церкви.

Второе землетрясеніе было въ 1806 году, также въ Аирѣ и почти въ тѣхъ же числахъ. Въ 9 часовъ вечера, не знаю почему, я легла въ постель;

изъ домашнихъ моихъ никто еще не спалъ, хотя мы тогда, по старинному, ложились спать рано. Вдругъ домъ въ основании началъ колебаться, и какъ онъ былъ деревянный, то заскрипѣли перегородки; лампады у образовъ качались, и все навело на меня неописанный ужасъ; притомъ это второе землетрясение было сильнѣе первого и дольше продолжалось; я вскочила и побѣжала вонъ изъ комнаты, но меня не пустили. Я хотѣла бѣжать не безъ размышенія, тѣмъ мнѣ totчасъ представилось, что домъ можетъ разрушиться и улица гораздо безопаснѣе. Не прошло чиа, когда послѣдовалъ второй ударъ, но слабѣе первого. Въ три часа ночи былъ третій, только еще слабѣе двухъ первыхъ, но однакожъ всѣ мы не спали почти всю ночь. Я была замужемъ; отецъ мой жилъ тогда за городомъ, на замкѣ свой; я побѣхала на другой день узнать о здоровье родныхъ. Мнѣ рассказывала мать моя подробноти землетрясения: они сидѣли за ужиномъ, и вдругъ почувствовали сперва дрожаніе и будто шумъ вѣтра, а потомъ колебаніе, которое постепенно усиливалось, такъ, что наконецъ все затрешало; мебели, посуда стучали и падали. Домъ, гдѣ жилъ отецъ мой, былъ деревянный, двухъ-этажный. Первымъ дѣломъ его съ семействомъ было бѣжать, и потомъ перейти въ отдаленное, низкое строеніе, гдѣ жили служители. Тамъ они почевали. Еще днемъ мать моя замѣтила, и ей странно казалось, что собака, которая обыкновенно ходила въ кухню, спряталась тамъ подъ лавку, и сколько ее ни выгоняли, она приходила и пряталась снова. Во время самого землетрясения коровы жалобно мычали, пѣтухи громко пѣли, собаки вѣли; на дворѣ слышанъ былъ сырный запахъ и

все вмѣстѣ наводило невольный ужасъ. Это землетрясение навело на меня боязнь и одѣло столь сильное впечатлѣніе, что оно и потомъ никогда не проходило. Братья мои такъ были напуганы, что съ наступленіемъ вечера не отходили отъ матери, и каждый стукъ приводилъ ихъ въ трепетъ, пока не прошло впечатлѣніе, какъ известно, въ дѣтство всегда легкое и мимолетное.

Третье землетрясение было въ 1814 году, 22 Августа, въ 6 часовъ по полуночи. Справедливо говорить, что если быть въ полѣ или вхать, то надобно землетрясению быть очень сильному, чтобы почувствовать его. Такъ случилось и со мною. Мы были за городомъ, верстъ за 20, въ лѣсу, и я слышала и замѣтила только необыкновенный шумъ, подобный сильнымъ порывамъ вѣтра, но вѣтра ни малѣшаго не было; странное явленіе это было для насть непостижимо, и мы тогда только узнали о землетрясеніи, когда возвратились въ городъ; потому я знаю это землетрясеніе только по разсказамъ, не должно полагать, что оно было весьма сильно, потому что въ нѣсколькихъ домахъ въ городѣ развалились трубы.

Четвертое землетрясение было, помнится, въ 1818 году, зимою, часовъ въ 10 вечера. Насть нѣсколько человѣкъ стояли въ комнатѣ, канѣ вдругъ услышали мы необыкновенный шумъ, который обыкновенно предшествуетъ землетрясению; кольца у воротъ застучали (прежде во всякомъ дѣмѣ, кромѣ большикъ воротъ, всегда защертыхъ на ночь засовомъ, и которому прибивался яробой и замыкался замкомъ, была еще калитка; тутъ снаружи прибивали же лянную балку и кольце, а внутри защелочку, и къней привязывали узенький ремень; иногда, чтобы

избавиться хлопот отворять приходящимъ, подергивали ремень на улицу, и видий, кто приходилъ, могъ самъ отворить валикку, но когда ремень вдергивался внутрь, то приходящій стучалъ кольцомъ. Наші предки запирали країко ворота, хотя сердца ихъ и не были заперты). Домъ началъ колебаться: мы все молча стояли, смотрѣли другъ на друга, и не могли говорить отъ изумленія; черезъ минуту все кончилось. Въ 1820 году я выѣхала въ Сибирь, и не знаю, послѣ меня бывали ли сильные землетрясения или нетъ? Кажется, писали о большомъ землетрясении въ 18²⁴ году. Въ Россіи землетрясения рѣдки, и многие знаютъ ихъ только по слуху. Ихъ четырехъ описанныхъ мню, два были въ Апрѣль, одно въ Августъ, одно зимою. Дни предъ землетрясениемъ каждый разъ стояли ясные, и всегда передъ ударомъ былъ слышанъ шумъ, который не былъ систою вѣтра и не походилъ на шумъ воды, но въ немъ какъ будто все смыкалось и сдвигалось вмѣстѣ. Полагаютъ, что озеро Байкальское провалъ, послѣдовавшій отъ землетрясения. Помѣжное его, действительно, показываетъ сильный переворотъ стихій. Горы, стоящіе около него во многихъ мѣстахъ стѣной, какъ будто раздвинуты на сильно. Многіе, переплывали Байкалъ днемъ, въ ясную ногоду, видятъ въ немъ остатки деревьевъ въ глубинѣ и замѣчаютъ неровность дна.

Я была свидѣтельницей еще одного необыкновенного явленія природы. Въ 1806 году, въ праздникъ Иліи пророка, былъ ясный, жаркій день, но часа въ два до полудни начали собираться тучи со всѣхъ сторонъ; они быстро сходились вмѣстѣ; загремѣлъ

громъ, засверкала молния, полился дождь съ градомъ, и тучи, стонямыя вѣтромъ, образовали, какъ будто рѣннето, сквозь которое хлебы небесныя разверзлись, и сияніе стихій, и проливной дождь, и при неумолкающемъ громѣ, заставили многикъ думать, что будетъ потопъ, но по немногу начало стихать и къ вечеру было уже все тихо. Буря имѣла гибельный създѣствія и много погибло тогда народу, затѣмъ по какому слушаю: день былъ, какъ я сказала, ясный и праздничный. Иркутскъ окружено лѣсами; весь ходить иѣздить въ нихъ рубить дрова, вязать вѣнцы для бань, собирать растенія, грибы, ягоды, и такъ привыкли къ тому, что ходить въ лѣсъ за грибами и ягодами за 15 и 20 верстъ отъ города и въ тотъ же день возвращаются домой. Такъ случилось и въ этотъ греческій день. Многіе пошли за грибами и ягодами въ разныя стороны. Когда началясь буря, близко не было селеній и мѣстъ, гдѣ укрыться; дождь промочилъ странниковъ насквозь; желая скорѣе добраться домой, несчастные бѣжали въ мокрыхъ платьяхъ, выбивались изъ силъ, падали и умирали, подъ громомъ, въ дни лѣса, на по-тонахъ воды, стремившейся повсюду ручьями. Изъ умершихъ болѣе было старыхъ людей, или несовершеннаго возраста, лѣтъ отъ 12 до 15. Я слышала отъ тѣхъ, которые были тогда въ лѣсу свидѣтелями смерти товарищѣй, что погибавши, въ нѣмомъ оцѣпленіе, особенно дѣвочки и люди старые, выбившись изъ силъ, садились подъ дерево, и сначала дѣялась у нихъ лихорадочная дрожь, потомъ клонилъ имъ сонъ, и они засыпали наконецъ въ безчувствіи, на вѣки. Не знаю, вѣрѣнъ ли счетъ, но говорили, что погибшихъ насчитано было около 40

человѣкъ. Не знаю также, было ли гдѣ о томъ пи-
сано, но въ Иркутскѣ живы еще многіе самовидцы,
которые помнить описанное мною событие и под-
тверждать мой разсказъ.

ЗАМЪТКИ

О РОДНОЙ СТАРИНѢ.

Русские издревле славились своимъ гостепріимствомъ, и иностранцы, бывавшіе въ Россіи, упоминаютъ о Русскомъ гостепріимствѣ. У насть есть для выраженія его особенные слова: *хлѣбосоль* и *хлѣбосольство*; они непереводимы. Вся жизнь и всѣ обряды Русскихъ связаны съ *хлѣбосольствомъ*. Припомню здѣсь известные мнѣ обряды, повѣрья, замѣчательныя поговорки и пословицы въ семъ отношеніи.

Когда въ старину хотѣли сказать о человѣкѣ, что онъ *хлѣбосоль* и въ домѣ его всего вдоволь, то говорили: «Домъ, какъ чаша полная — хлѣбъ-соль со стола не сходитъ — одна рука въ меду, другая въ патокѣ — что ему дѣлается: какъ сырь въ маслѣ катается!»

Означая старое знакомство и дружбу, Русские говоривали: «Отцы наши *хлѣбъ-соль водили*».

Въ знакъ благодарности была поговорка: «*хлѣбомъ-солью довольны* — глаза не глядятъ».

Въ старину вѣрили, что человѣкъ, обласканный въ домъ, не сдѣлаетъ зла: «Хлѣбъ-соль не попустить на зло.» *

Бывало прежде обыкновеніе: послѣ обѣда накрывали столъ чистою скатертью, клали хлѣбъ и ставили соль, и не отъ того ли произошла поговорка: *хлѣбъ-соль со стола не сходитъ?*

Если кто нибудь приходилъ во время обѣда, или ужина, то помолась Богу, привѣтствовалъ — хозяевъ: «Хлѣбъ-соль!» Хозяинъ отвѣчалъ на привѣтъ: «Хлѣба кушать, милости просимъ.»

Строя новый домъ, приглашали священника, служили молебенъ и клали подъ основаніе дома нѣсколько монетъ, а по окончаніи обряда присутствовавшихъ угощали обѣдомъ. При постройкѣ новаго дома наблюдали еще слѣдующій суевѣрный обрядъ: для того, чтобы хозяева дома жили счастливо и были здоровы, закалывали пѣтуха, отрубали ему голову, зарывали ее въ переднемъ углу, и это дѣялось обыкновенно весьма тайно. По окончаніи постройки дома служили молебенъ, и весь домъ и службы кропили святою водою. При переходѣ въ новый домъ, или на квартиру, сначала вносили икону и хлѣбъ-соль, а потомъ пѣтуха и курицу. Устроившись совершенно дѣлали новоселье, угощали родныхъ и знакомыхъ обѣдомъ, а потомъ всѣ присутствовавщи на новосельи посыпали хлѣбъ-соль. Хлѣбъ бывалъ въ такомъ случаѣ сдобный, и чѣмъ болѣе былъ онъ, тѣмъ болѣе доказывалъ честь и уваженіе посыпавшаго; богатые посыпали притомъ серебряную солонку, а многіе прибавляли къ тому чай, сахаръ, живность, птицъ, живыхъ или бывшихъ.

Для отъезжающихъ въ дорогу всегда топили баню; сборы занимали все семейство; пекли сухари, пироги, крендели и разные припасы, и все это называли: *подорожники*, разумѣя подъ симъ названіемъ запасъ, который бралъ съ собою отъѣзжавшій въ дорогу. Въ день отѣзда, почти всегда, служили молебенъ и священникъ читалъ напутственную молитву. На столъ клали ржаной хлѣбъ; на него ставили солонку съ солью, а потомъ всѣ садились, затворивъ сначала всѣ двери, и посидѣвъ немнога, вставали и молились Богу. Если у отѣзжавшаго были родители, то они благословляли его и прощались первые. Въ день отѣзда въ комнатахъ послѣ уѣхавшаго не мели и сору не выкидывали, чтобы не замести сльзь. Хлѣбъ, который при отѣзздѣ лежалъ на столѣ, не починая цѣлые сутки.

При рожденіи младенца, когда мыли дитя, клали въ тазъ ему серебряныя и золотыя деньги, а у бѣдныхъ, за неимѣніемъ денегъ, серебряное кольцо. Родильницѣ приносили ломоть хлѣба, посыпанный солью; она непремѣнно должна была съѣсть хоть маленький кусочекъ.

Имя новорожденному давали того святаго, въ день котораго онъ родился, или въ восьмой день по рожденіи. Когда ребенокъ чихалъ до крещенія, присутствующіе говорили: «Крестись, Христостъ съ тобой!» Обыкновенно крестили на третій день, если новорожденный былъ здоровъ, а если онъ былъ слабъ, то немедленно порожденіи. Пока не дана была матери и ребенку молитва, никто не выходилъ изъ дома. Новорожденаго и мать водили каждый день въ баню, мыли и парили, приговаривая: «банька вторая мать.» Послѣ бани давали родильницѣ *взваръ*, вареный изъ пива, съ

черносливомъ, изюмомъ и калганомъ. Диеты послѣ родинъ никакой не наблюдали и давали все, кислое, соленое, жирное, даже уговаривали больную больше есть, говоря, что отъ того болѣзнь скорѣе пройдетъ. Также давали родильницѣ по рюмкѣ вина, частоеннааго травами, называя его: *травникъ*. До крещенія ребенка не клали въ колыбель. Причастивши дитя въ первый разъ, по возвращеніи изъ церкви встрѣчали его съ хлѣбомъ и солью, а въ колыбель ему клали краюшку хлѣба, и если новорожденный былъ мальчикъ, маленькой лукъ и стрѣлу, а дѣвочкѣ прядлицу, и когда ребенокъ былъ беспокойнъ, то прибавляли къ тому цвѣтокъ чертополоха (*carduus acanthoides*). Всѣ родные и знакомые навѣщали родильницу, приносили ей на зубокъ золотые и серебряныя деньги, а кто побѣднѣе мѣдныя. Въ деревняхъ, кромѣ денегъ, приносили еще пироги, пряники, яблоки. По прошествіи девяти дней родильница съ бабкою размывала руки. Обрядъ состоять въ томъ, что въ воду клали серебряныя деньги, и родильница поливала на руки бабкѣ три раза; бабка обмывала руки по локоть, и въ свою очередь сама поливала родильницѣ на руки, также три раза. Потомъ, смотря по состоянію, давали бабкѣ денегъ, и притомъ мыла, полотна, или холста. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть и нынѣ обыкновеніе послѣ крестинъ посыпать родильницѣ блюдо съ пирогами и лепешками; подъ пироги кладутъ деньги, поздравляя съ новорожденнымъ: «Дай Богъ поить, кормить, великаго ростить и подъ златъ вѣнецъ поставить, а намъ на свадьбѣ пировать».

Именины праздновали въ старину съ различными обрядами. Первые обитатели Сибири, по большей

части, были изъ съверныхъ областей Россіи, и между ними много было Новогородцовъ, а потому въ Сибири ввѣлись, укоренились и долго сохранялись ко-ренные Русскіе обычай въ ихъ первобытной простотѣ. Въ день именинъ именинникъ ходилъ къ заутрени, обѣднѣи и вечернѣи, и служилъ дома, или въ церкви, молебенъ. Домашніе пекли между тѣмъ пироги и разсылали къ роднымъ и знакомымъ, по три, по четыре пирога, смотря по семейству. Посланный отъ нихъ, поставя пироги на столъ, говорилъ: «Именинникъ приказалъ кланяться пирожками, и, просилъ хлѣба кушать,» или « чаю пить. » Къ крестнымъ отцу и матери посыпали иногда круглый сладкій пирогъ. Если была у именинника закуска, то дѣлали куле-бяку, или круглый пирогъ съ курицею. За обѣдомъ въ числѣ пирожныхъ подавали сладкій пирогъ, за которымъ пили здоровье именинника. Было въ обыкновеніи дарить именинника деньгами, или вещами.

Въ Курскѣ, вмѣсто пироговъ, посыпаемыхъ къ роднымъ, разсылали, такъ называемые, *именинники*, большие здобные пироги безъ начинки, сверху на-тыканые изюмомъ; въ каждый домъ посыпали по одному такому пирогу. Въ именинникъ, назначенный для обѣда, клали начинку, и когда всѣзванные на обѣдъ были въ сборѣ, такой пирогъ разламывали надъ головою именинника, и если начинка изъ него сыпалась, приговаривали: «Дай Богъ, чтобы такъ сыпалось на тебя золото и серебро.» Въ старину пекли большиє пироги съ кашею и лицами, или другою какою нибудь начинкою; ихъ называли *ряжеными* и всегда подавали въ концѣ стола, а нынѣ замѣнили ихъ сладкими круглыми пирогами. Почти везде къ именинамъ, родинамъ, свадьbamъ, помин-

камъ и храмовымъ правдніцамъ старики наши варяли пиво и медъ; кто былъ не въ состояніи варить пива и меду, готовилъ брагу, родъ жидкаго пива. Поздравляли именинника съ приговорками: «Дай Богъ жить, сто лѣтъ — дай Богъ жить, ботатъ, добра наживать, а лихо избывать,» и проч.

Свадебные обряды бывали въ Россіи различные. (*) По окончаніи священныхъ обрядовъ первое было хлѣбъ-солъ; провожали къ вѣнцу и встрѣчали отъ вѣнца съ хлѣбомъ-солью, а въ Курскѣ даже въ первовъ брали краюшку хлѣба на блюдѣ, закрывть салфеткою. При отправленіи приданаго въ домъ жениха всегда были притомъ икона и хлѣбъ-солъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отправляя приданое, посыпали сладкій пирогъ, и хлѣбъ-солъ на другой день свадьбы. По возвращеніи изъ церкви, когда благословлять иконами и хлѣбомъ-солью, обсыпать молодыхъ хмѣлемъ и мелкими серебряными деньгами теперь совершенно вывелось въ городахъ, но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ между деревенскими жителями сей обычай еще существуетъ. При свадебныхъ столахъ у богатыхъ пекли сладкіе пироги, а у бѣдныхъ и по деревнямъ пироги съ курицею. На другой день свадьбы молодая дарила родственниковъ мужа, свекра и свекровь рубашками; у богатыхъ, сверхъ рубашекъ, дарили свекру на каftанъ сукна, а свекрови чего нибудь на платье; другимъ родственникамъ, смотря по близости родства, на платье,

(*) Въ Запискахъ о Сибири подробно описала я тамошніе свадебные обряды, а въ статьѣ: *Описания Курска*, обряды, соблюдавшиеся при свадьбахъ въ Курскѣ, и потому здѣсь болѣе о томъ повторять не буду.

или платки. Въ деревняхъ и понынѣ дарять полотенцами, вышитыми красною бумагою. По возвращеніи новобрачныхъ отъ вѣнца, у богатыхъ выкапывали бочки съ пивомъ и виномъ для приходившихъ смотрѣть свадьбу. Молодая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, на другой день послѣ свадьбы должна была итти въ кухню и печь пирогъ, чтобы показать свое искусство. За столомъ, когда подавали ея пирогъ, молодая подносила вино, и каждый выпивши, клалъ на подносъ деньги. Всѣ бывшіе на свадьбѣ посыпали потомъ молодымъ хлѣбъ-соль.

Масляница преддверіе поста и покаянія, а люди вездѣ сдѣлали изъ нея праздникъ, шумную оргію, и хотя нѣкоторые считаютъ за тяжкій грѣхъ єсть на сырной недѣль мяса, но никогда не бываетъ въ народѣ такой невоздержности, какъ во время масляницы. Мясные кушанья замѣняются рыбными; пекутъ блины, не только утромъ и въ обѣдъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и вечеромъ, и притомъ отчаянно гуляютъ, пьютъ и объѣдаются. Не потому ли на Руси дали сырной недѣль название разгульной *масляницы*? Въ старину знакомые, встрѣтясь, поздравляли другъ друга съ широкою *масляницей*. Многіе изъ простаго народа єзжали тогда по улицамъ съ пѣснями, и между припѣвами величали *масляницу*: «Государыня масляница! потянишь до Петрова дня!» Не знаю почему не вошли въ употребленіе гречневые блины въ Сибири, но только тамъ ихъ почти не знаютъ, а пекутъ на масляницѣ тонкіе, молочные блины, алады, пряженки, и прежде, почти въ каждомъ домѣ, кто только имѣлъ состояніе, пекли *хворости*, родъ пирожного.

Въ воскресенье сырной недѣли, или такъ назы-

ваемый прощеный день, ъездили прощаться съ родителями и родственниками, крестными отцами и матерями, и приносили съ собою пряники, отдавая которые обыкновенно говоривали: Дай Богъ о Христѣ радоваться, дождаться свѣтлого Христова воскресенія,» Было также обыкновеніе въ сей день ъездить на кладбище, поклониться праху усопшихъ родственниковъ, служить тамъ панихиду и раздавать бѣднымъ милостыню.

Постъ наблюдали въ Россіи съ величайшою строгостю, и во многихъ мѣстахъ первую недѣлю великаго поста не ъели даже горячаго кушанья, а во весь постъ рыбы, исключая благовѣщеніе и *вербное воскресеніе*. Встрѣчаясь, поздравляли съ постомъ, приговаривая: «Здорово заговѣлись, на хрѣнъ, да на рѣдьку, на бѣлую капусту.

По субботамъ по уставу церкви поминаютъ усобихъ родственниковъ, но главныхъ поминовеній бываетъ три: въ субботы передъ масляной, Дмитріевымъ и Троицкимъ днями, и эти три субботы называются *родительскими*. Тогда повсемѣстно служатъ обѣдню и панихиду, раздаютъ милостыню, посылаютъ подаянія въ богадѣльни и тюрьмы. Кромѣ трехъ помянутыхъ субботъ, на Фоминой недѣль во вторникъ также бываетъ поминовеніе, красять яйцы, пекутъ блины и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ варятъ молочный кисель. Въ семикъ поминаютъ утопшихъ, удавленниковъ и всѣхъ самоубійцъ.

Въ родительскіе дни, вторникъ на Фоминой недѣль и семикъ, послѣ обѣда ъезжать на кладбище, нѣкоторые для поминовенія, а большая часть погулять. Въ Курскѣ въ дни поминовенія пекутъ пироги и лепешки, которые носятъ въ церковь, и послѣ

дѣлать ихъ между собою священники и церковнослужители.

Кончина и погребение сопровождались разными обрядами, которые вездѣ сохраняли свято. Въ Курскѣ, когда уже видѣли, что нѣтъ никакой надежды къ выздоровленію, то по совершенніи всѣхъ духовныхъ обрядовъ, надѣвали больному чулки и клали его въ передній уголъ подъ образами; въ руки давали мѣдный крестъ и восковую зажженнную свѣчу. Умирающаго никогда не клали на постелю, а всегда на сѣно, или солому, полагая, что на постель *тажело умирать*. При послѣднемъ издыханіи кадили ладонью, и когда больной испускалъ дыханіе, мыли его, отѣвали и клали на столъ; платы съ умершаго бралъ себѣ тотъ, кто мылъ его. Потомъ давали знать въ церковь и по умершемъ заунывно звонили; между тѣмъ призывали псалтырщиковъ, которые читали по усопшемъ псалтирь день и ночь. Два раза въ день, послѣ обѣдни и вечерни, служили панихиду, во все время, пока тѣло умершаго не было погребено. Ближніе родственники собирались къ покойнику; дѣвушки распускали косы, шили саванъ, смотря по состоянію, изъ кисеи, полотна, холста.

Когда умершаго несли на кладбище, передъ гробомъ шли со крестомъ и крестъ былъ покрытъ бѣлою кисеєю, или холстомъ, и перевязанъ черными лентами. Послѣ похоронъ дѣлали обѣдъ для священниковъ, родныхъ и всѣхъ постороннихъ, и этотъ обѣдъ назывался *горячимъ*. Потомъ мыли весь домъ и сами ходили въ баню. По прошествіи девяти, двадцати и сорока дней дѣлали *поминки*; у богатыхъ бывали тогда обѣды, а у бѣдныхъ только поминовенія въ церкви. Почти всѣ, кто только могъ, готов-

вили обѣдъ для нищихъ, жертвовали на церкви и монастыри и посыпали подаянія въ богадѣльни и тюрьмы. На покойника всегда надѣвали мѣдный, или кипарисовый крестъ, но серебряныхъ крестовъ никогда не клали. Въ старину въ Курскѣ пожилые люди еще при жизни покупали себѣ гробъ, даже иногда спали въ немъ; дубовую колоду предпочитали столярному гробу.

Въ Иркутскѣ при похоронахъ соблюдались почти тѣ же самые обряды, какъ и въ Курскѣ, но съ небольшою однакожъ разницаю. Умирающему не давали въ руки ни креста, ни свѣчи, а призывали священника, и онъ читалъ надъ умиравшимъ *отходныя молитвы*; притомъ ставили въ какомъ нибудь сосудѣ воду и курили ладономъ, но по умершемъ не звонили. Также была небольшая разница и въ столѣ: послѣднее кушанье былъ въ семъ слу чаѣ кисель; когда подавали его на столъ, всѣ вставали и священники пѣли вѣчную память; въ Курскѣ дѣлали это обыкновенно за жаркимъ и посыпали притомъ въ церковь звонить; первое кушанье вѣздѣ были блины. Для нищѣй братіи дѣлали обѣдъ всегда лѣтомъ, на дворѣ, гдѣ разставливали столы и скамейки; на столѣ клали ложки, ставили соль; кушанье подавали въ чашкахъ и блюдахъ, а передъ обѣдомъ подносили по рюмкѣ вина, за обѣдомъ подавали пиво и послѣ обѣда одѣляли деньгами. Кушанье готовили самое простое, но сытное, щи, по хлѣбку, пироги, жаркое, блины; остатки отъ обѣда нищихъ отсыпали въ тюрьмы. Зажиточные люди дѣлали обѣдъ для нищихъ и не въ поминки, а просто кормили бѣдныхъ и сами служили имъ за столомъ. Къ празднику воскресенія Христова пекли куличи,

дѣлали сыры, красили яйцы и раздавали неимущимъ, посыпая притомъ въ тюрьмы и богадѣльни.

Въ стариину у Русскихъ всѣ времена года и пе-ремѣны въ климатѣ означались именами святыхъ, и были сопряжены съ разными суевѣріями, укоренившимися съ незапамятныхъ временъ. *Новый годъ* начинался съ первого Сентября, съ *Семенова днѧ*; его обыкновенно называли: *Семенъ-день*; никогда прежде не говорили: «съ новаго года,» а всегда: «съ Семена-дня.»

Бабье лѣто отъ 1-го Сентября продолжалось до Рождества Богородицы (Сентября 8-го). Замѣчали, если въ Семеновъ день погода была теплая и ясная, то бабье лѣто будетъ хорошо.

Сентября 14-го, въ день Воздвиженія Креста, говорили: *Воздвиженье сдвинетъ зипунъ, надвинетъ шубу.*

Октября 1-го, въ Покровъ Богородицы, дѣвицы молились Покрову о женихахъ.

Первые морозы назывались *Михайлоскіе*; потомъ были *Введенскіе*, *Екатерининскіе*, *Никольскіе*, *Рождественскіе*, *Крещенскіе*, *Афанасьевскіе*, *Стрѣтенскіе*.

У старииковъ нашихъ всѣ дѣла расположены были по днямъ святыхъ. Такъ, на примѣръ, говорили: *Егорій съ гвоздемъ, а Никола съ мостомъ.* Георгія бываетъ 26-го Ноября, когда празднуется обновленіе храма святаго великомученика Георгія; тогда начинали обивать двери сукномъ или войлокомъ, конопатить окна и погреба, а потому и говорили: «*Егорій съ гвоздемъ.*» Къ Николину дню обыкновенно становятся рѣки и устанавливается зимній путь; дабы выразить, что тогда все, какъ мостъ, гладко, говорили: «*Никола съ мостомъ.*»

Декабря 12-го, день чудотворца Спиридонія на

зывали: *Спиридонъ солнцеворотъ*, т. е. поворотится солнце на лѣто, зима на морозъ.

Января 18-го числа день св. Аѳанасія, солнце уже начинаетъ пригрѣвать, а потому говорили: съ Аѳанасьевъ днѧ *полозъ покатится*, корова бокъ грѣеть. Наши предки выражались просто и ясно. Что зна-чила поговорка объ Аѳанасьевъ днѣ? То, что въ Январѣ остаются по снѣгу лоснящіеся слѣды отъ полозьевъ, а это и называли *полозъ покатился*. Если когда выпускали скотину погулять, то, какъ на дворѣ еще довольно холодно, коровы старались стать такъ, чтобы солнце ударяло на нихъ, и старики на-ши говорили: «корова бокъ грѣеть.»

Января 24-го день преподобной Ксении, и его на-зывали: *Аксинья полузынница*, т. е., что половина зимы прошла; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называли сей день *Аксиньей полухлѣбницей*, потому что только половина хлѣба и корма нужна была до лѣта.

Марта 1-го день св. Евдокіи. Тогда отъ теплой погоды снѣгъ начинаетъ осѣдать и какъ будто сплю-щиваться, а потому 1-е Марта называлось: *Авдотья плюща*.

Сорокъ мучениковъ бываетъ 9-го Марта. Этотъ день почитаютъ началомъ весны. Тогда появляют-ся жаворонки и другія лѣтнія птицы, а потому ко дню Сорока мучениковъ Русскіе люди пекутъ изъ тѣста жаворонковъ, и мальчики, взошедши на возвы-шенное мѣсто, закликаютъ весну, съ припѣвами:

Прилетѣлъ куликъ изъ заморья,
Вывелъ весну изъ затворья.

Марта 17-го, день Алексія Божіяго Человѣка,

съ горъ потоки. Тогда съягъ таеть и вода бѣжитъ ручьями.

Апрѣля 16-го день святыхъ мученицъ Агаеіи, Ирины и Хіоніи; тогда вскрываются рѣки и вода вездѣ бываетъ въ разливѣ, а потому и называются сей день: *Арина урем берега*, ибо вода, начиная сбывать, подмываетъ берега и они обрываются.

Апрѣля 24-го бываетъ св. Георгія Побѣдоносца, 9-го Мая Николая чудотворца. Въ старину говорили: *Егорій съ водой, а Никола съ травой*. Тогда рѣки уже вскрываются, начинаютъ перепадать дожди и скотъ выгоняютъ въ поле на траву.

Мая 1-го день пророка Іеремії. Крестьяне начинаютъ пахать и сѣять, и 1-е Мая называютъ: *Еремей запрягальникъ*.

Мая 5-го день мученицы Ирины; съ сего дня начинаютъ сѣять разсаду и называютъ его: *Арина-разсадница*.

Мая 14-го, въ день мученика Исидора, замѣчаютъ каковъ будетъ день. Если весь ясный, то будетъ большой урожай огурцовъ, а если утро пасмурное и холодное, а прояснить только къ вечеру, ранніе огурцы будуть не хороши, а въ позднихъ будетъ урожай.

Мая 29-го день св. Феодосіи, которую называютъ *колосницей*. Тогда хлѣбъ начинаетъ колоситься.

Іюня 23-го, день мученицы Агриппины, обыкновенно называется: *Аграфена купальница*. Въ нашемъ сѣверномъ климатѣ ранѣе сего времени почти нельзя купаться; вода еще холодна и весьма легко простудиться, а потому всегда только около половины Іюня начинаютъ купаться. Старики замѣчали, что если кто прежде выкупается, получить лихорадку.

Въ день Аграфены купальницы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, открывается у насъ купанье торжественное; многіе почитаютъ долгомъ выкупаться непремѣнно въ сей день.

Июня 24-го Ивановъ день. Его празднуютъ не только въ Россіи, но въ Польшѣ, Германіи и другихъ мѣстахъ съ разными обрядами. Въ Малороссіи зажигаютъ тогда огни и гуляютъ почти всю ночь. Г. Пассекъ, въ *Очеркахъ Россіи*, подробно описалъ обряды, соблюдаемые въ Ивановъ день въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Ивановъ день замѣчательнъ еще тѣмъ, что повсемѣстно у насъ подъ Ивановъ день собираютъ травы, кладутъ подъ *Иванову росу*, высушивъ, сберегаютъ ихъ и почитаютъ особенно цѣлительными, нежели собранныя въ другое время. День пророка Иліи почитаютъ у насъ уже осеннимъ праздникомъ.

Августа 1-е, праздникъ Происхожденія¹ Древъ Честнаго Креста, простой народъ называетъ: *Спасъ Мокрый*. Тогда, по установленію церкви, бываетъ крестный ходъ на рѣку, а гдѣ нѣть рѣки, святить воду въ церкви. *Мокрымъ* называютъ сей праздникъ потому, что по окончаніи водосвятія простой народъ купается и купаетъ лошадей. Тогда носятъ въ церковь медовые соты и ъдятъ медъ.

Августа 6-е праздникъ Преображенія Господня, освящаютъ яблоки и потому называютъ сей день *Яблочнымъ Спасомъ*. Многіе прежде Преображенія не ъдятъ яблоковъ.

Кромъ дней описанныхъ мною и почитаемыхъ, какъ будто условными терминами, съ давнихъ временъ многіе святые почитаются у насъ особенными покровителями различныхъ предметовъ. Такъ, на

примѣръ: въ день пророка Наума начинаютъ учить дѣтей, приговаривая: *пророкъ Наумъ наставитъ на умъ*. Ученіе начинали въ старину слѣдующимъ образомъ: обыкновенно служили молебенъ, благословляли дитя, брали хлѣбъ и отводили ученика къ учителю.

Св. Флора и Лавра почитали у насъ покровителями лошадей; въ ихъ праздникъ служили молебенъ и ставили имъ свѣчи.

Св. Власію молились у насъ о рогатомъ скотѣ, *Девяти Мученикамъ* и *Парасковії Пятницѣ* отъ лихорадки, *св. мученику Антипу* отъ зубной боли.

Много есть у насъ замѣчательныхъ обычаевъ и повѣрьевъ, сохранившихся донынѣ. Выходя изъ дома всякий Русскій крестится, а также крестится, когда увидитъ молодой мѣсяцъ и когда принесутъ въ комнату огонь. Есть повѣрье, въ которомъ весь простой народъ твердо увѣренъ, что у каждого человѣка есть свой ангелъ и свой злой духъ, и если человѣкъ дѣлаетъ доброе дѣло, ангелъ радуется, а злой духъ плачетъ, и наоборотъ. Передъ обѣдомъ обыкновенно старшій въ домѣ, въ старину, читалъ молитву, по окончаніи которой садились за столъ и перекрестьясь начинали обѣдать; послѣ обѣда читали молитву за столомъ. За столомъ всегда сидѣли тихо, благопристойно, особливо почитая за грѣхъ болтать ногами, говоря, что тѣмъ тышишь дьявола. За величайшій грѣхъ считали прогнѣвлять родителей. Отецъ или мать, разсердясь, говорили: «Смотри — скажу одно слово — не воротишь!» Это тяжкое слово было *проклятие*, но очень-рѣдко случалось имъ

произнести тяжкое слово — воля родителей была священна. Предки наши говоривали: *кто не сдержит слова, да будетъ тому стыдно.* Въ старину большая часть народа не знала грамоты; если кто давалъ въ зaimы деньги, то дѣлалъ зарубки на палочки, а вместо векселя было честное слово. Если долгъ не былъ заплаченъ въ положенный срокъ, зaimодавецъ приходилъ къ должнику и говорилъ ему: *Смотри, братъ, зарубку срублю — худо будетъ!* Нельзя сказать, чтобы въ старину всѣ были честные люди, но тогда была *вѣра въ истину*, и можно было лучше полагаться *на слово*. Для неплатящихъ долги были въ старину *правежки*. Извѣстно, что зaimодавецъ могъ наказывать должника, и слово «правежъ» осталось въ народѣ, хотя теперь не значитъ уже того, что значило прежде. *Онъ поставилъ меня на правежъ,* говорится нынѣ въ шутку. Въ память какого нибудь замѣчательного случая, дѣлали зарубку на *матицѣ*: такъ называются у насъ поперечный брусье у потолка, или иначе балку. Если случалось что нибудь необыкновенное, то говорили: *надобно зарубить на матицѣ.* Гостепріимство всегда было страстью Русскихъ. Если кто нибудь приходилъ въ такое время, когда нельзя было угостить ни обѣдомъ, ни ужиномъ, то хозяинъ, провожая гостя, говорилъ: *Не прогнѣвайся — посидѣль, какъ у ступеней печки.*

РУССКОЕ

ЖИТЬЕ БЫТЬЕ.

То старина, то и дѣяніе,
Что дѣялось на святой Руси....

Старая пѣсня.

Въ пословицахъ и поговоркахъ Русскихъ есть много историческихъ преданій. Переходя изъ устъ въ уста, онъ сохранились въ народѣ цѣлые вѣки, и даже до сихъ поръ еще повторяются, хотя утратили уже свое коренное значеніе, и самый смыслъ ихъ сдѣлся для народа теменъ и почти непонятенъ. Многія изъ пословицъ и поговорокъ Русскихъ объясняютъ домашній бытъ и образъ мыслей нашихъ предковъ; иногда двумя, тремя словами, онъ высказываютъ какое нибудь важное историческое событие, или обрисовываютъ характеръ замѣчательного современника.

Такъ иго Татарь оставило въ народѣ неизгладимые слѣды ихъ владычества. *Не въ пору гость ху-*

же Татарина, говорять, когда кто нибудь постыдить не во время и хозяину некогда съ нимъ заняться. *Посль Татаръ убѣжищъ много* — надобно полагать, что эта пословица происходит отъ Татарскихъ на- бѣговъ и нашествій, когда они предавали все огню и мечу, убивали и плѣняли жителей, которые скрывались въ лѣсахъ, и по возвращеніи въ города на- ходили многіе дома пустыми, хозяева которыхъ бы- ли убиты или уведены въ плѣнъ. *Избави Богъ отъ него, какъ отъ лихаго Татарина*, говорятъ о дур- номъ человѣкѣ, или: *окъ хуже лихаго Татарина*. Если въ домѣ беспорядокъ, разбросано и многое не на свое мѣстѣ, то говорятъ: *какъ Мамай воевалъ*, или: *какъ послъ Малаева побоища*. — Когда кто далъ слово, или обѣщался что сдѣлать и не исполнилъ, говорятъ: «*Обрязанихъ онъ меня.*» Сія посло- вица, кажется, происходит отъ того, что Князья Рязанскіе часто измѣняли своему слову, и Рязанцы не только не были съ Димитриемъ Донскимъ въ Ку- ликовской битвѣ, но Олегъ Рязанскій обѣщался да- же Мамаю соединиться съ нимъ. Если сохранилась пословица о нашествіи Мамая, то легко могла со- храниться и перейти въ потомство поговорка о по- ступкѣ Рязанскаго Князя. До сихъ поръ можно еще слышать, что когда кто не исполнитъ своего слова, или обманетъ, то говорятъ: *обрезонилъ*, но явно, что это испорченное слово: *обрязнилъ*, или *обреза- нилъ*.

Слѣдующія поговорки относятся ко временамъ цар- ствованія Иоанна Грознаго, памятнаго народу. О че- ловѣкѣ угрюмомъ и сварливомъ, говорили: «Онъ такъ и смотритъ *темрюкомъ*», или о женщинахъ: «Она такая *темрюковна*.» Явно, что передалось въ народъ

преданіе о второй супругѣ царя Иоанна Васильевича, которая была дочь Черкесскаго князя *Темрюка*, и какъ видно изъ исторіи, была нрава угрюмаго и жестокаго. Если хотять выразить давность времени, то говорится; *Да, это было*, когда Царь Грозный Казань бралъ. Когда домъ стоитъ пустой, въ немъ ни кто не живетъ и онъ разваливается, говорять: *Стопитъ, какъ опалъный*. Также сохранилось преданіе объ опричникахъ: если мужчину, или женщину, не любили въ семействѣ и какъ будто чуждались ихъ, то говоривали: «Онъ въ домѣ, какъ *оприченикъ*,» или «*опричница*.» Изъ исторіи известно, что опричники отрекались отъ рода и племени, и что ихъ не любили и чуждались. О человѣкѣ, живущемъ на чужой счетъ, или ни очемъ не заботящемся, была поговорка: «Что онъ? *Тарханную землю* что ли нашелъ?» Это напоминаетъ льготныя, или *тарханныя* граматы, которыми давались владѣльцамъ земель разныя выгоды и привилегіи.

Суевѣріе сродно всѣмъ народамъ безъ исключенья, образованнымъ и необразованнымъ, а о простолюдинахъ печего и говорить: они вездѣ одинаковы, въ Германіи, Франціи, Англіи, Итаїи, Испаніи. Укажите мнѣ хоть одинъ народъ, который не имѣлъ бы суевѣрій и предразсудковъ. Такого народа нѣтъ въ мірѣ. Въ большей или меньшой степени, суевѣрія существуютъ у всѣхъ народовъ.

Такъ и въ Россіи: суевѣрія и предразсудки разлиты во всей жизни общественной, но намъ потому они не такъ замѣтны, что мы съ малолѣтства привыкли къ нимъ. Такъ, на примѣръ, простой народъ нашъ несомнѣнно вѣритъ въ наговоры и примѣты, и даже гораздо болѣе образованный кругъ людей

нельзя исключить изъ того, и если наблюдать и слѣдовать за суевѣріями, то можно много открыть любопытного и даже полезнаго. Народную медицину пашу можно раздѣлить на двѣ части: есть люди, знающіе разныя полезныя растенія и врачебную ихъ силу; нѣкоторые даже лечатъ магнетисмомъ, сами не зная того. Леченіе водою (гидропатія), обратившее на себя вынѣ вниманіе просвѣщенной Европы, старинное, давно извѣстное въ Россіи народное лекарство. Другой образъ леченія составляютъ наговоры, въ которыхъ, по словамъ лекарей и лекарокъ, заключается вся сила леченія: это просто шарлатанство, но при наговорахъ знахари имѣютъ и другія средства, Обыкновенно всѣ простонародные лекаря употребляютъ обливаніе и сбрызгивание водою, съ разными суевѣрными обрядами. Опишу, сколько мнѣ извѣстно, простонародное леченіе водою.

Въ народномъ быту почти каждую болѣзнь, не изслѣдывая ея причины, приписываютъ дурному глазу, или порчу. Порчу называютъ всякую неизвѣстную болѣзнь; думаютъ, что лихой человѣкъ *напустилъ*, или *опомлъ* въ чѣмъ нибудь. Истерiku и ипохондрію называетъ *тоскою*, *напущеною по касердку*; даже, когда молодая женщина не рожаетъ дѣтей, и то приписываютъ злыи людямъ. Всякій внезапный недугъ относятъ къ худому глазу; такое мнѣніе столь всеобще, что ему есть разныя мѣстныя названія. Въ Курскѣ и въ Москвѣ говорятъ: *сглазили* или: *съглазу*; въ Ярославлѣ: *озепъ*, или *озепили*; въ Сибири: *изурочили*, или: съ *уроковъ* — тамъ увѣрены, что можно даже умереть съ *уроковъ*. Приз-

наками слаженъя почитали зѣвоту, озноਬъ, жарь, а у дѣтей безсонницу; лечение бывало различное; имъ наиболѣе занимались повивальныя бабки; впрочемъ, почти каждая пожилая женщина умѣла въ старину взбрызгивать и умывать, и если это не помогало, то призывали лекарку. Простое взбрызгивание состояло въ томъ: брали молча воды въ какую нибудь посудину, клали въ воду уголекъ и *печеньку* (такъ называли глину, обгорѣвшую въ печи); потомъ соли, три раза по девяти щепотокъ; наконецъ что-то шептали, и когда бывало спрашивашь, то говорили, будто читаютъ молитвы. Когда все было готово, больного надлежало взбрызнутъ невзначай, и — странно: неожиданность ли взбрызгиванія и маленький испугъ производили потрясеніе въ нервахъ, но часто больному становилось легче. Если же бывала важная болѣзнь, то принимались за настоящаго знахаря. Главное лекарство знахарей тоже была вода. Если находили возможность, то воду должно было взять ключевую, но брали и рѣчную, самъ знахарь, или кто нибудь изъ вѣрныхъ людей. И вотъ на утренней зарѣ идутъ за водою, съ посудиной, которая закрывается (въ Сибири обыкновенно брали для воды буракъ, или, какъ называются тамъ, *туезъ*); пришедши къ рѣкѣ, молча и не оглядываясь, зачерпываютъ по теченію; тотчасъ закрываютъ туезъ и идуть назадъ, также молча и не оглядываясь, а принесши домой, воду передаютъ знахарю. Взявъ воду, онъ опускаетъ въ нее ножъ, уходитъ въ уголъ и наговариваетъ. Минъ случалось видать, какъ наговариваютъ воду, и отъ шарлатанства ли, или отъ увѣренности въ силѣ наговора, но я видала, что наговорщикъ, или наговорщица, сами спачала начинаютъ

зывать, потомъ дѣлать разныя гримасы, и даже и-
ногда слезы катятся у нихъ изъ глазъ. Когда зна-
харь кончитъ наговоры, воду накрываютъ и въ по-
моженное время окачиваютъ ею больного. Въ силь-
ныхъ болѣзняхъ окачивали по два раза въ сутки, на
утренней и вечерней зарѣ, а иногда наговоренную
воду давали больному пить. Дѣтей также умывали
и окачивали наговореною водою. Кромъ окачиванья
водою, которое не можетъ быть вредно, въ просто-
народіи старики и старухи знаютъ еще цѣлительныя
свойства многихъ травъ, которые могли бъ быть
весыма полезны въ медицинѣ, еслибы знахари не
старались скрывать ихъ. Знахари даютъ травы пе-
ремолотыя, или пареные. Не зная ботаники, по не-
обходимости надобно называть травы ихъ мѣстны-
ми именами. По обшириности Россіи растительное
царство у насъ весыма различно, и многихъ растеній
которая находятся въ Сибири, нѣть въ Великорос-
сійскихъ губерніяхъ, даже многія одного и того же
рода различны видомъ. Такъ, на примѣръ, *полынь* и
папоротникъ, растущіе въ горахъ Сибирскихъ, столь
отличны отъ обыкновенной полыни и папоротника,
что не знающій можетъ ошибиться и принять за дру-
гія произрастенія. Не буду исчислять здѣсь всѣхъ
полезныхъ травъ, извѣстныхъ простолюдинамъ, а со
временемъ напишу объ нихъ отдельно. Упомяну
только о травахъ наиболѣе употребительныхъ. Зна-
хари въ своихъ наговорахъ и окуриваньяхъ употреб-
ляютъ траву, извѣстную подъ общимъ названіемъ:
урочная. Не знаю, подъ какимъ названіемъ извѣст-
на она въ другихъ губерніяхъ и если гдѣ, кромъ
Сибири? Стебель сей травы тонкій; листья похожи
на брусличные, но только круглы. *Богородская тра-*

за известна новсемѣтно подъ однимъ названиемъ. Объ травы, урочную и Богоявленскую, хозяйки бывали запасали, и ими окуривали больныхъ, не только дѣтей, но домашнихъ животныхъ и птиць. Есть еще трава, называемая: *Петровъ крестъ*; говорять, что ее можетъ найти не всякий, но попадается она только счастливымъ; ее зашиваютъ въ платье, и думаютъ, что у кого есть при себѣ Петровъ крестъ, къ тому не прикоснется никакая нечистая сила. Листья Петрова креста и корень похожи на крестъ. Въ окуриваньяхъ употребляютъ еще въ Сибири *ремезово гнѣздо*. Ремезъ, маленькая птичка, водится въ глухихъ дремучихъ лѣсахъ Сибирскихъ; гнѣздо выть похожее видомъ на гусиное яйцо и дѣлаетъ его очень искусно изъ самаго нѣжнаго пуха; съ одной стороны гнѣзда маленькое отверстіе, куда вльзается птичка. Ремезъ прикрѣпляетъ свое гнѣздо между древесными вѣтвями; говорятъ, что ремезъ не оставляетъ своей самки никогда, и въ Сибири есть пословица: *ревніевъ, какъ ремезъ*. Гнѣздо ремезово достають чрезъ промышленниковъ, живущихъ въ лѣсахъ для ловли звѣрей, и если достанутъ, то пріятельницы дѣлятъ между собою и берутъ для окуривания.

Въ старину къ больнымъ дѣтямъ никогда не призывали доктора; лечение ихъ состояло въ окуриваніи, умываніи и купаніи въ водѣ съ наговорами; иногда бабки давали травы и разныя мази. Болѣзнь, большею частію, приписывали урокамъ. Если ребенокъ бывало кричить и не спитъ, то брали солонку высыпали изъ нея соль, зачерпывали ею воды, клали три раза по девяти щепотокъ соли, умывали ре-

бенка, оплевываясь и приговаривая: *Уроки, призоры на пусты льсы!* También обмывали скобы у дверей и умывали этою водкою. Окурыванье совершаось разными манерами: иногда скребли три порога, брали изъ угловъ моху, которымъ законопачены стѣны, прибавляли травъ урочной, Богородской, и ремезова гнѣзда, и сею смѣсью окуривали ребенка. Когда случалась продолжительная безсонница, брали льну, дѣлали изъ него длинныя пряди, мѣряли у ребенка руки, ноги и длину всего тѣла; потомъ клали ленъ на печную заслонку, зажигали и держали ребенка надъ дымомъ. Если подозрѣвали, что такой-то человѣкъ слазилъ, то старались достать волосовъ слазившаго, или клочекъ его платья, и прибавя травъ Богородской и урочной, окуривали. Надобно было дѣлать такъ, чтобы человѣкъ, отъ котораго берутъ волосы, того не зналъ. Замѣтивши, что ребенокъ просыпается въ полночь, говорили: «у него полуночница.» Тогда мать носила его по три зари къ курицамъ въ курятникъ, положивши его въ подоль, и тихонько трясла его тамъ, приговаривая: *Заря моя, зорюшка! возми свои крикушки!* Знахари утверждали, что наговоры лучше дѣлать на утренней зарѣ, но иногда дѣлали и на вечерней. Клали также отъ безсонницы въ люльку ребенку краюшку хлѣба, цвѣтокъ чертополоха, косточку изъ головы по-росенка, или рыбы, которую въ просторѣчіи называютъ: «сонъ»; эта косточка имѣеть фигуру старинной серебряной копѣйки. Клали еще въ люльку дѣвочки пряслицу, а мальчику лукъ и стрѣлу — стрѣлять полуночницу.

Есть камень, называемый простолюдинами: *гро-*

мовая стрѣла. Онъ бываетъ черный, или темно сѣрый цветомъ, имѣть видъ копья, или неправильно продолговатаго треугольника; находять его на поляхъ, а болѣе въ пещаныхъ степахъ. Если бывало ребенокъ, или взрослый человѣкъ, сдѣлается боленъ съ испуга, то кладутъ въ воду громовую стрѣлу, наговариваютъ и обливаютъ больнаго. Многіе такіе предразсудки сохранились до сихъ поръ, и между прочимъ слѣдующіе суевѣрные обычай: нерѣдко слушается, что ребенокъ рождается въ перепонкѣ, которую обыкновенно называютъ сорочкой; причину такого явленія объяснятъ вамъ всякий медикъ. Но сорочку эту почитаютъ въ простонародіи несомнѣннымъ признакомъ счастія; ее зашиваютъ въ платче, или въ мѣшечикѣ, который носятъ всегда при себѣ. Есть даже пословица о человѣкѣ, которому все удается: *вѣрно, вѣ сорочки родился.* Иногда по приятельски, берутъ сорочку у другихъ, для счастья, когда идутъ куда нибудь за важнымъ дѣломъ. Если ребенокъ слабаго здоровья (или у кого умираютъ дѣти), то продаютъ ребенка кому нибудь, преимущественно старухѣ; покупающій становится полъ окномъ; ему подаются въ окно ребенка, берутъ за него пять или десять копѣекъ; на эти деньги ставятъ въ церкви свѣчу, а купившій возвращаетъ матери ребенка, говоря: *живи на мое счастье!* Новорожденного до шести недѣль не подпоясываютъ; по принятіи сороковой молитвы мать съ ребенкомъ идетъ къ крестной его матери и она подпоясываетъ его. Дѣтямъ не стригутъ волосъ до году; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ простомъ народѣ, когда мальчику минетъ годъ, стриженіе волосъ дѣлаютъ съ нѣкоторою торжественностью: приносятъ сѣло, са-

дятъ на него ребенка и подстригаютъ ему волосы. Во время беременности, когда женщина не имѣть аппетита, берутъ у нищихъ сорокъ милостынь, то есть, сорокъ кусковъ хлѣба, и она ѿсть ихъ; иногда берутъ только одинъ кусокъ; кромѣ того свекровь, или кто нибудь изъ домашнихъ, пришедши въ чужой домъ, старается взять ломоть хлѣба потихоньку, чтобы того не замѣтили хозяева; думаютъ, что такой хлѣбъ возвращаетъ позывъ на пищу. Берутъ также у нищихъ милостыню, если послѣ болѣзни вѣтъ аппетита. У кого умираютъ дѣти, берутъ для счастья въ крестные отцы и крестныя матери первыхъ встрѣчныхъ, какіе попадутся, когда выйдешь изъ дома, хотя бы то были нищіе. Въ старину опытные люди и старіки давали наставленія молодымъ; отъ того произошла поговорка: «Человѣкъ молодой, поучить и на умъ наставить не кому!» Такія наставленія обыкновенно заключались въ разныхъ суевѣрныхъ предосторожностяхъ. Такъ, на примѣръ, когда невѣstu везли къ вѣнцу, то ей наказывали, чтобы она старалась стать первая на подножіе, и что если она успѣеть это сдѣлать, то будетъ большая въ домѣ. Когда случалось кому бывать въ какомъ нибудь домѣ, гдѣ, какъ думали, есть недобрые люди, то на всякое питье и пищу надобно было дуть, непримѣтно, въ видѣ креста, или говорить потихоньку: аршинъ и ножницы, ибо аршинъ промѣряетъ, а ножницы перестригутъ всякое зло. Входя въ домъ за какимъ нибудь дѣломъ, или просябою, надобно было взяться, прежде нежели войдешь, три раза за скобку, и говорить: «Какъ молчитъ эта скоба, такъ молчаль бы таکой-то противъ меня.» Войдя, вдругъ надлежало взглянуть, и думать, или

и не забыто.

говорить: «Я волкъ, ты овца; съемъ я тебя, проглочу я тебя — бойся меня!» Простонародные лекаря иногда обрѣзываютъ у больныхъ ногти у руки и ногъ, берутъ яйцо, дѣлаютъ на немъ искусно скважину, кладутъ туда ногти, отверстіе заливаютъ воскомъ, и относятъ яйцо въ лѣсъ, чтобы унесла птица яйцо и вмѣтъ съ нимъ болѣзнь. Дѣтей и взрослыхъ, которыхъ думаютъ, что они испуганы, водятъ иногда на колокольню во время звона и ставятъ подъ колокола. Берегутъ еще яйцо, которымъ похристосовались въ первый день Свѣтлаго Воскресенія съ первымъ человѣкомъ; говорятъ, что оно не портится, и когда бываетъ пожаръ, то его надобно только бросить въ огонь, который, какъувѣряютъ, отъ того прекращается. Пожаръ, происшедшій отъ молніи, есть повѣрье заливать молокомъ и квасомъ.

Въ домашнемъ быту есть столько разныхъ суевѣрныхъ примѣтъ, что простолюдину, кажется, нельзя ступить шагу безъ нихъ. Если трещитъ передній уголъ дома, или матица, полагаютъ, что это къ покойнику, а если задній уголъ, то выживаетъ живаго, и хозяинъ, или кто нибудь изъ живущихъ, выйдетъ въ такомъ случаѣ изъ дома. Часто заводятся, особенно въ старыхъ деревянныхъ ломахъ, черви, которыхъ называютъ «кузнециками»; они производятъ стукъ, весьма похожій на бой часовъ, и потому въ некоторыхъ мѣстахъ называются ихъ часами; замѣ чаютъ, что кузнецики бываютъ къ покойнику или къ разореныю. Если курица запоетъ пѣтухомъ, то замѣтиль ее, тотчасъ закалываются, а пока не знаютъ, которая курица поетъ, но только слышать пѣ-

ніе, обыкновено говорять: «пой на свою голову!» Когда воронъ садится на крышу дома, примѣта, говоритьъ, также къ покойнику, или къ раззоренію. Сова и кукушка прилетаютъ въ домъ къ мертвцу, или предвѣщая пожаръ. Желна и дятелъ означаютъ покойника и раззореніе. Если ночью курицы клокочутъ, замѣчаютъ, что быть войнѣ, либо рекрутскому набору. Если пѣтухъ поетъ вечеромъ въ необыкновенное время, то надобно взять его съ настыти и пощупать у него ноги: теплые будутъ къ гостямъ, или къ гостямъ, а холодныя къ покойнику. Когда курицы и другія птицы клюютъ ночью кормъ, то будетъ дороговизна съѣстныхъ припасовъ. Если собака копаетъ яму, значить покойника, и если приходитъ она къ дому и воетъ, тоже предвѣщеніе смерти. Когда несколько собакъ воютъ и подымаютъ головы вверхъ, замѣчаютъ что это къ пожару. Когда въ домѣ водятся ласточки, говоритьъ, что къ добру, спокойствію и богатству. Голуби тоже признакъ добра а черные тараканы счастья. Если паукъ спустится на человѣка, признакъ добрый. Когда мыши тѣдятъ печенье хлѣбъ съ верху въ низъ, замѣчаютъ, что будетъ низкая цѣна на хлѣбъ, а если съ низу въ верхъ, то хлѣбъ будетъ дорогъ, но если выѣдаются средину, цѣна будетъ средняя. Изѣденное мышами платье значить болѣзнь, смерть или убытокъ. Если куличи и прочія приготовленія къ пасхѣ не удаются, замѣчаютъ, что не къ добру хозяину, а если хлѣбы будутъ съ головами, надобно замѣтать: куда они головами? Если въ печь — прибыль, если къ устью печи — убытокъ. Когда выходитъ изъ горшка каша, дѣлаютъ тоже замѣченіе. Если moistся кошка, это къ гостямъ, и замѣчаютъ: съ кото-

и обвязжаетъ вокругъ дома три раза, останавливаясь у каждого угла. Перворожденный носить между тѣмъ кругомъ дома ложку съ масломъ и творогомъ, и отвѣтаетъ, когда ъздящій на кочергѣ спрашиваетъ его: «Чѣмъ ты заговляешься? — Масломъ, да сыромъ. — А клопы чѣмъ заговляются?» — Клопъ клопа съѣсть. — Вопросы и отвѣты продолжаются до тѣхъ поръ подъ каждымъ угломъ, пока ъздокъ на кочергѣ обѣдетъ три раза вокругъ дома, а по-томъ первый долженъ съѣсть масло и творогъ, которые носилъ на ложкѣ кругомъ дома.

Въ простомъ народѣ вѣрятъ цо сіе время домовымъ, лѣснымъ, водянымъ, нечистымъ духамъ и русалкамъ. Въ Сибири домового называютъ сусѣдко, и также называютъ его хозяиномъ, боятся прогнѣвить, и часто просятъ его охранять домъ, приговаривая: «Лѣдышко сусѣдушко! береги нашу скотинушку!» По мнѣнію простолюдиновъ, домовой бережетъ домашнюю скотину и птицу. Если скотина худѣеть то говорятъ: не ко двору пришла, стараясь выбирать цвѣтъ шерсти такой, чтобы скотина пришла ко двору, черную, бѣлую, или другихъ шерстей, которая приходится, по замѣчанію, на нравъ сусѣдку. Говорятъ, что если сусѣдко которую скотину не взлюбить, то по ночамъ ъздить на ней, мучить ее, выгребаетъ у нея кормъ. У курицъ бываетъ болѣзнь, отъ которой искривляется у нихъ шея, но простолюдины думаютъ, что домовой вертитъ шеи курицамъ. Для лошадей держать въ конюшнѣ козла, и когда лошади и коровы жирны и гладки, знакъ, что ихъ любить домовой, холитъ и кормить, чешть и заплетаетъ имъ хвосты и гривы. Многіе просто-

людины увѣряютъ, будто они видали, какъ домовой высѣкаетъ огонь. Если кому выбудь въ домѣ умереть, или выйтти изъ дома, сусѣдко воетъ. Нерѣдко случается, особенно съ людьми полнокровными, что во время сна, ночью, они чувствуютъ, какъ будто навалилась на нихъ какая тяжесть, такъ, что находясь въ полномъ чувствѣ, спящій не можетъ однакожъ поворотиться и ничего проговорить; въ такомъ случаѣ старики совѣтуютъ, хоть мысленно, читать молитву. Если имъ станешь говорить, что такое ощущеніе дѣлается отъ прилипія крови, они не вѣрятъ, сваливая его на домоваго, и когда съ ними случится такой припадокъ, спрашиваютъ: «къ худу или добру?» а потомъ увѣряютъ, что слышали отвѣтъ: «къ добру,» или: «къ худу.» Нѣкоторые увѣряютъ еще, будто они сами видали домоваго, и описываютъ его въ видѣ маленькаго, косматаго старика. Жилище его полагается подъ печкою, или за печкою; туда кладутъ ему простолюдинамъ маленькие хлѣбцы.

Лѣсной, по народному мнѣнію, заводить прохожихъ въ болоты, въ непроходимыя трущобы, или водить около одного мѣста, такъ, что бѣдный прохожій выбѣтъ изъ силъ, а выйтти на дорогу никакъ не можетъ. Есть такія мѣста, гдѣ это случается часто: иногда пойдутъ въ лѣсъ за ягодами и за грибами, потеряютъ дорогу и говорятъ: «Лѣший обошелъ!» Что дѣлать въ такомъ случаѣ? Спасибо, на всякую притчу есть лекарство, и замѣтивъ, что «Лѣший обошелъ,» снимаютъ одежду, выворачиваются на изнанку, снимаютъ обувь, вытрясаютъ ее, переворачиваютъ стельки въ лаптяхъ, сапогахъ, котахъ, благословясь начинаютъ искать дороги и сыскива-

ють. Лъсной является всегда въ видѣ прохожаго, или принимаетъ обликъ кого нибудь изъ знакомыхъ; онъ говорить съ тѣми, надѣ кѣмъ хочетъ подшутить, и вдругъ пропадаетъ. Когда ягодницы, или находящіеся въ лѣсу за другимъ дѣломъ, увидятъ, что они потеряли дорогу и совсѣмъ находятся въ другомъ мѣстѣ, лѣшій обнаруживаетъ иногда свою радость, захочетъ, захлопаетъ въ ладоши, даже лично является на горѣ, въ такомъ неприступномъ мѣстѣ, куда человѣку невозможно взобраться, и оттуда насмѣхается надъ обманутыми, свищетъ, хлопаетъ, хохочетъ, такъ, что лѣсь стонеть. Его описываютъ рослымъ, здоровымъ мужикомъ. Случается, какъ разсказываютъ простодушные крестьяне, Ѳдетъ мужичекъ зимию, одинъ, прозябъ, хочетъ пойдти погрѣться, а дѣло къ сумеркамъ; и вотъ подходитъ прохожій, и слово за слово, идуть вмѣстѣ, или неизнакомецъ просить подвезти его. Дѣло ладно, но вдругъ — глядь: прохожаго съѣдѣлъ простыль, а бѣдный крестьянинъ видитъ себя въ оврагѣ, либо въ болотѣ. Думаю, что всѣ разсказы происходятъ отъ того, что крестьянинъ, возвращаясь домой, обезпечится, вздремнетъ, а лошадь завезетъ его, куда глаза ея глядять, или Ѳздокъ подопѣть и отъ того потеряетъ дорогу. Надобно еще прибавить, что наши крестьяне больше охотники Ѳздить въ объездъ, проселками, и не удивительно имъ потерять дорогу. Иногда, можетъ быть, кто нибудь и подшутить надъ инымъ, а такая одна исторія идетъ потомъ изъ рода въ родъ, съ прибавленіями и увеличиваніями. Пологаю также, что часто крикъ филина и сыча принимаютъ за хохотъ лѣшаго.

Въ съверныхъ губерніяхъ мало слышно о русал-

кахъ, упирахъ и вѣдьмахъ; они обитатели южные, и въ Малороссіи и въ южныхъ губерніяхъ рассказываютъ объ нихъ разныя исторіи. Въ съверныхъ губерніяхъ вѣрять болѣе въ водяного, котораго существо помѣстило подъ мѣльницами и въ уловахъ (такъ называются въ Сибири водовороты, или ямы въ рекахъ и озерахъ, где вода вертится, какъ въ воронѣ, вѣроятно, отъ подземныхъ отверстій). Люди, купающіеся близъ такихъ ямъ, бывають увлечены теченіемъ, погибаютъ, и иногда нѣтъ возможности спасти ихъ. Когда находятъ утопшія тѣла въ сихъ пятнахъ, приписываютъ пятна нечистой силѣ. О мѣльникахъ всюду говорятъ, что они знаются съ водяными. Иногда простолюдины выдаются также водяныхъ женщинъ, какъ они чешутъ себѣ волосы. Простой народъ вѣритъ, что когда у водяного родить жена, онъ приходитъ въ видѣ человека и беретъ повивальную бабку. Въ такомъ случаѣ онъ не дѣлаетъ ей никакого вреда и награждаетъ ее деньгами.¹ Бабки, бывавшія у водяного, узнавали тамъ многія свои вещи и посуду, которая пропала отъ того, что не благословясь была поставлена; разумѣется, что всѣ такія сказки самая грубая ложь, но прежде всегда были увѣрены въ томъ, что говорили старые люди, и самыя нелѣпости принимали за истину.

Баня всегда почитается у насть въ простонародіи мѣстомъ нечистымъ и страшнымъ: человѣкъ самый смѣлый не пойдетъ одинъ мыться въ баню, особенно вечеромъ. Банная посуда, нечаянно занесенные въ баню чистый ушать и ведро, или когда въ нихъ налита банная вода, почитаются нечистыми, и банной посудѣ не дается очистительной молитвы. Прежде былъ обычай,

что когда женщина чувствовала приближение родовъ, ее уводили въ баню, гдѣ она и рожала. Въ такомъ случаѣ приносили съ собою образъ и родильницы не оставляли одной. Если крайняя нужда заставляла бабку отлучиться, хотя не надолго, то она ставила, благословясь, въ уголь голикъ, или посохъ, заставляя его беречь родильницу и ребенка. Нужно ли объяснять отъ чего произошло такое суевье? Бани строятся близъ воды, по большей части, отдельно отъ другихъ строеній; ихъ не освящаютъ, какъ дома, и потому думаютъ, что нечистая сила поселяется въ нихъ. Съ младенчества почитая баню мѣстомъ страшнымъ, часто слыша разсказы о происшествіяхъ, случающихся въ баняхъ, настроенное разсказами воображеніе легко представляетъ суевію разныя несбыточныя явленія.

Въ Сибири есть преданіе, которому многіе вѣрятъ отъ чистаго сердца. Бывають годы, когда разные звѣри переходятъ изъ одного мѣста въ другое. Объясняя такой переходъ, старики говорятъ, что одинъ лѣсной проигралъ звѣрей другому и тотъ гонитъ ихъ къ себѣ. Метеоры почитаются простолюдинами летающими огненными змѣями, и утверждаютъ, будто они носятъ богатство въ тотъ домъ, куда летаютъ, но что богатство такое бываетъ непрочно. Выдумана нельзя сказка о томъ, какъ рождается огненный змѣй; говорять, что если пѣтухъ старше трехъ лѣтъ, то его не годится держать въ домѣ, ибо онъ будто бы снесетъ яйцо, изъ которого выведется змѣй; яйцо пѣтушье узнаютъ по фигурѣ: оно длинное и похоже на змѣя. Человѣкъ, имѣющій недобрые умыслы, беретъ такое яйцо, носить у себя за пазухой шесть недѣль, и изъ него рождается огненный змѣй,

который будетъ носить богатства въ домъ своего хозяина. Другіе говорятьъ, что яицо надобно съ приговоромъ закопать въ навозъ, и по прошествіи шести недѣль вылупится изъ него змѣй. Съ огненнымъ змѣемъ должно обходить осторожно и не сердить его, а то онъ сожжетъ домъ. Когда прилетаетъ змѣй, ему обыкновенно ставятъ молоко. Все это не имѣеть никакого основанія: никто не видалъ самъ, а все только слыхали, но если увидятъ, надѣль чѣмъ нибудь домомъ разсыпавшійся метеоръ, тотчасъ заговорятъ, что къ такому-то носить змѣй богатство; даже вошло въ пословицу, о томъ, кто скоро разбогатѣлъ, говорить: *видно, змѣй натаскалъ ему денегъ.* Небольшіе метеоры, или падающія звѣзды, простой народъ почитаетъ нечистыми духами, которыхъ свергаютъ съ неба ангелы. Съверное сіяніе до сихъ поръ служитъ страшнымъ предзнаменованіемъ простому народу, тамъ гдѣ не привыкли къ нему. Говорять: «Столбы ходятъ на небѣ», и заключаютъ изъ того, что будетъ война.. Кометы также, по мнѣнію сувѣровъ, предвѣщаютъ смутныя события, войну, голодъ, или другія народныя бѣдствія.

Старики думали, что *кикимору* напускаетъ въ домъ кто нибудь по насердкѣ, и особенно боялись прогнѣзвитъ плотниковъ и печниковъ. Кикимора, поселившись въ домѣ, не даетъ ни кому покоя; обыкновенно, все дѣйствія ея производятся съ печи; оттуда бросаетъ она чѣмъ попало, камнями, кирпичами, дровами, посудою. Въ такихъ случаяхъ ищутъ доброго человѣка, какого нибудь прохожаго старика, или известнаго вѣдуна. Онъ приходитъ въ домъ, осматриваетъ вездѣ, на крышѣ, за печкой, иногда даже разбираетъ печь, и вынимаетъ изъ нея какую ни-

будь чучелу, вѣроятно, заранѣе приготовленную, а также заколачивается въ разныхъ мѣстахъ клинья, даетъ наставлениа хозяевамъ и все дѣлается спокойно. Мудрено разгадать: откуда вышли къ намъ разсказы и толки о кикиморѣ? Говорятъ, что ея проказы бываютъ не только ночью, но и днемъ. Нынѣ многое кажется намъ яснымъ и понятнымъ, что прежде считалось колдовствомъ. Сколько можно дѣлать разныхъ штукъ съ помощью электричества, не говоря уже о магнетизмѣ, который и нынѣ почтутъ за колдовство, даже люди довольно образованные? Извѣстно, что человѣкъ, знающій сколько нибудь болѣе другихъ, почитался у нашихъ стариковъ колдуномъ, да и самъ онъ, можетъ быть, почиталъ уже себя за колдуна. Бывали примѣры, что человѣка осуждали за колдовство на сожженіе, а онъ все таки утверждалъ что онъ колдунъ, не думая отрицаться: стало быть, онъ былъ увѣренъ, убѣжденъ въ своемъ колдовствѣ твердо. Подобныхъ случаевъ бывали сотни въ Испаніи, но они случались и у насъ въ Россіи, лѣтъ за полтораста. Около пятидесяти лѣтъ тому, у насъ было очень мало своихъ фабрикъ и почти все привозили къ намъ изъ Польши, Пруссіи, Австріи и другихъ мѣсть. Бывая за границей, купцы, прикащики, и даже извощики, много видали въ чужихъ краяхъ неизвѣстного въ Россіи, и такихъ людей уважали и боялись; даже была поговорка: *не спрашивай старого, а спрашивай бывалого, или: что съ нимъ говорить: онъ города прошелъ!*

Вантрилоги, или чревовѣщатели, бывали у насъ и въ старину; я сама видѣла вантрилога изъ простыхъ людей; вѣроятно, такие люди не пропускали случая

и пользовались своимъ искусствомъ, стараясь скрывать его. Исканье кладовъ до сихъ поръ одно изъ любимыхъ повѣрій, въ простомъ народѣ. Конечно, бывали примѣры, что находили клады, и думаю, что клады имѣютъ своимъ началомъ Татарское владычество, когда никто не былъ увѣренъ въ спокойномъ обладаніи своимъ добромъ, а потомъ ужь по привычкѣ, или изъ скучности, старики зарывали въ землю свои сокровища. И нынѣ еще не вывелось изъ обычая, что хотя не зарываютъ богатства въ землю, но дѣти зажиточнаго крестьянина часто не знаютъ, гдѣ у отца ихъ спрятаны деньги. Старики прячутъ деньги въ какомъ нибудь хламѣ, во ржи, или въ другомъ мѣстѣ, такъ, что никто изъ домашнихъ не знаетъ. Въ старину прятанье денегъ было просто страстью, обязанностью. «Береги денежку на черный день,» говорили старики и зарывали свои запасы въ землю; разбойники также зарывали награбленные ими богатства въ лѣсахъ и другихъ примѣчательныхъ мѣстахъ. Найдти кладъ заманчиво. Плуты и шарлатаны, пользуясь тѣмъ, стали рассказывать о добываніи кладовъ разныя исторіи; выдумали, будто кладъ не дается безъ соблюденія известныхъ имъ обрядовъ и заклинаній; будто клады кладутся не просто, а съ приговоромъ: кому и какъ достаться кладу и въ какомъ видѣ явиться. Приговоры при зарытіи кладовъ бывали разные: иногда клади на голову, или на нѣсколько человѣческихъ головъ; въ такомъ случаѣ, кто хотѣлъ достать кладъ, долженъ былъ погубить известное число людей и кладъ самъ отдавался ему въ руки. Если полагали, что такой-то человѣкъ хочетъ зарыть кладъ, то люди близкіе къ нему подстерегали,

когда онъ будетъ зарывать, подслушивали его и переговаривали его слова, послѣ чего имъ легко было достать кладъ. Сотни исторій о кладахъ переходятъ изъ устъ въ уста въ народъ. Такъ, на примѣръ, говорятъ, что какой-то стариkъ, чувствуя, что ему недолго жить, когда не было ни кого дома, пошелъ зарывать кладъ въ подполье. Невѣстка, замѣчавшая за нимъ, спряталась и подслушала приговоръ; онъ зарывалъ, приговаривая: «которая рука загребла, та и выгребай!» Такъ осталось дѣло до смерти старика, но когда онъ умеръ и лежалъ на столѣ, невѣстка напоила ночью псалтырщика, когда домашніе все уже спали, отнесла трупъ старика въ подполье и его рукою безопасно вырыла кладъ. Другой зарыватель клада приговаривалъ: «на сто головъ человѣческихъ», а спрятавшійся говорилъ: на сто головъ куриныхъ, и потомъ отрубивъ головы сотни курицъ вынулъ кладъ. Иногда клады на счастливаю: тогда кладъ являлся собакой, кошкой, курицей. Въ такомъ случаѣ, когда явится кладъ, надобно было за нимъ идти, и гдѣ онъ остановится, не плошать: ударить на отмашь, чѣмъ попало, приговаривая: «Разсыпься!» и кладъ разсыпался, или надлежало копать тамъ гдѣ исчезъ кладъ. Бывали клады известные многимъ, но взять ихъ было никакъ нельзя, ибо недоступно трудны бывали условія, съ какими они были положены. Въ одномъ мѣстѣ былъ кладъ, когда-то положенный съ приговоромъ: достанься тому, кто пропоетъ сорокъ одну пѣсню безъ милаго дружка, т. е. сорокъ одну пѣсню, изъ коихъ ни въ одной ни разу не было бы упомянуто о миломъ дружкѣ. Но въ старые годы, видно, это было очень трудно, потому что не нашелся ни одинъ сочинитель пѣсенъ и

пѣсенокъ, которые могли бы исполнить завѣтъ, и кладъ остался не троутиымъ. Нынѣ, вѣроятно, кладъ не улежалъ бы долго, и его выняли бы тотчасъ; наши поэты сочиняютъ, пожалуй, и болѣе сорока одной пѣсни, гдѣ ни разу не упоминается о *миломъ дружкѣ*. Кому еще неизвѣстно, что искатели кладовъ старались достать цвѣтъ *папоротника*, который цвѣтеть одинъ разъ въ годъ, ночью на Ивановъ день, и пригоденъ для легкаго отыскивавія кладовъ. Но доставать цвѣтокъ папоротника было весьма трудно: всѣ ужасы нечистой силы охраняли драгоценность.

СОДЕРЖАНИЕ.

Дерптъ и его окрестности	1.
Прогулка изъ Дерпта по Чудскому озеру	42.
Воспоминанія о Курскѣ	52.
Одесса	79.
Иркутскъ	97.
Замѣтки о родной старинѣ	114.
Русское житье-бытье.	129.

32101 073672527

